60 1/3
C.18

Б 16 3/22 60 1/3

ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧЕРНОВА.

ТРУДЫ ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.
ВЫП. XVIII.

КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ ВЪ Г. ОРЕНБУРГѢ.

1756 6

ОРЕНБУРГЪ.
ПАРОВАЯ ТИПО-ЛИТ. „Т-ВО ПЕЧ. ДѢЛА КАРИМОВЪ, ХУСАИНОВЪ И К-о"
1907.

60 1/3
ГЗ Х 6 3/22

ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ

OEUVRES
DE LA COMMISSION SCIENTIFIQUE DES ARCHIVES D'ORENBOURG. RUSSIE.

5856

ВЫПУСКЪ XVIII.

Tome XVIII.

1756/6

ОРЕНБУРГЪ.
Паровая Типо-лит. «Т-ва Печ. Дѣла Каримовъ, Хусаиновъ и К°».
1907.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

БИБЛИОТЕКА
№ 272488
193

Отъ Архивной Комиссіи.

Издаваемыя «Записки» Ивана Васильевича Чернова были найдены послѣ смерти автора въ его бумагахъ и переданы для изданія Архивной Комиссіи душеприказчикомъ И. В. Чернова д. чл. Комиссіи С. Н. Севастьяновымъ съ условіемъ, что при изданіи «Записокъ» изъ нихъ будетъ изъято все, что касается слишкомъ недавнихъ событій или лицъ, еще до нынѣ здравствующихъ. Согласно этому условію «Записки» многократно были просмотрѣны членами Архивной Комиссіи и многое, по постановленію Комиссіи, изъ нихъ опущено; подлинная же рукопись Ивана Васильевича оставлена на храненіе при музеѣ Комиссіи до времени, когда наступитъ судъ исторіи для недавнихъ еще событій и ихъ участниковъ.

Записки И. В. Чернова, какъ всякія личныя воспоминанія, во многихъ случаяхъ носятъ субъективную окраску въ оцѣнкѣ лицъ и событій, но ихъ интересъ и важность для исторіи мѣстной жизни и края оцѣнитъ всякій, кто ознакомится съ ними.

По просьбѣ Комиссіи правитель дѣлъ Иванъ Степановичъ Шукшинцевъ взялъ на себя трудъ переписать и подготовить для печати «Записки», безъ каковой подготовительной работы они не могли бы быть напечатаны, за что Архивная Комиссія выражаетъ И. С. Шукшинцеву свою благодарность.

Александра Васильевна Чернова—сестра покойнаго автора «Записокъ»—въ память дорогого брата пожертвовала 400 руб. на ихъ изданіе.

За столь цѣнный даръ Архивная Комиссія приноситъ жертвовательницѣ свою глубокую благодарность, такъ какъ иначе, при недостаткѣ средствъ у Комиссіи, столь цѣнныя историческія мемуары едва ли бы могли когда нибудь появиться въ свѣтъ.

И. В. Черновъ.

Иванъ Васильевичъ Черновъ.*)

Въ 1902 году, 15 октября, въ Оренбургѣ скончался извѣстный мѣстный старожилъ, отставной генералъ-маіоръ Оренбургскаго казачьяго войска, Иванъ Васильевичъ Черновъ.

Покойный родился 29 марта 1825 года, происходилъ изъ стариннаго казачьяго рода, ведущаго свое начало отъ Самарскихъ казаковъ—первоначальныхъ защитниковъ бывшаго въ прежнія времена пограничнаго г. Самары. Одинъ изъ Черновыхъ—Никифоръ значился въ спискѣ казаковъ, приложенномъ къ указу канцеляріи тайнаго совѣтника Наумова, данному атаману Самарскихъ дворянъ, иноземцевъ и казаковъ, Ивану Черному въ 1734 году.

Прадѣдъ Ивана Васильевича—Михаилъ Никифоровичъ перешелъ на житье въ Оренбургъ въ 1743 году, и съ тѣхъ поръ родъ Черновыхъ обосновался въ этомъ городѣ. Дѣдъ покойнаго—Степанъ Михайловичъ служилъ секретаремъ въ войсковой канцеляріи и, будучи большимъ любителемъ чтенія книгъ духовнаго содержанія, на досугѣ самъ переписывалъ житія святыхъ на свободныхъ

---

*) См. „Оренб. Газету" отъ 20 февраля 1903 г. № 1693, статья С. Н. Севастьянова „Памяти генералъ-маіора Ивана Васильевича Чернова".

Здѣсь она помѣщается цѣликомъ.

листахъ одной изъ приходо-расходныхъ книгъ войсковой канцеляріи.

Рукопись эта до сихъ поръ хранится въ домѣ генерала Чернова, представляя образчикъ строго-религіознаго направленія въ казачьей семьѣ прежнихъ временъ.

Отецъ Ивана Васильевича—сотникъ Василій Степановичъ, будучи въ чинѣ хорунжаго, служилъ въ 20 годахъ XIX столѣтія въ 3 Оренбургскомъ казачьемъ полку (бывшемъ сначала подъ командою маіора Бѣлякова, а потомъ маіора Лысова) въ должности адъютанта. Полкъ въ то время стоялъ въ мѣстечкѣ Млавѣ Царства Польскаго. Получая по тому времени значительное содержаніе—въ 400 руб. сер. (1500 р. на ассигн.), Василій Степановичъ, благодаря своей бережливости и скромному образу жизни, сумѣлъ скопить небольшія сбереженія, и по возвращеніи со службы въ Оренбургъ, выстроилъ деревянный домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ каменный домъ покойнаго Ивана Васильевича Чернова. Эта черта бережливости и скромнаго образа жизни отца отразилась и на Иванѣ Васильевичѣ.

По возвращеніи изъ полка, Василій Степановичъ, согласно представленныхъ имъ документовъ, въ 1828 году постановленіемъ Оренбургскаго дворянскаго собранія былъ занесенъ въ дворянскую родословную книгу Оренбургской губерніи.

Василій Степановичъ былъ женатъ два раза: первая жена его—дочь хорунжаго Авдотья Петровна Камбулина, отъ которой родился Иванъ Васильевичъ, умерла въ 1831 году. Послѣ кончины матери Иванъ Васильевичъ остался четырехъ лѣтъ съ двумя братьями: старшимъ Иваномъ и младшимъ Григоріемъ.

Василій Степановичъ вступилъ во второй бракъ съ Авдотьей Петровной Федуриной, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Александру и Любовь и сына Льва. Воспитаніе своихъ дѣтей Василій Степановичъ велъ въ строго-религіозномъ духѣ: всѣ дѣти должны были посѣщать церковь и соблюдать посты, не исключая среды и пятницы. Въ Великій и Успенскій постъ рыбнаго на столъ не подавалось. «Ни одной праздничной заутрени», говорилъ Ив. Вас. «отецъ не позволялъ намъ пролежать въ постели и приказывалъ итти въ церковь. Даже, когда я уже былъ офицеромъ, отецъ выговаривалъ мнѣ, какъ и всѣмъ дѣтямъ, если я почему либо не ходилъ въ церковь».

Василій Степановичъ скончался 5 октября 1872 года—80 лѣтъ отъ роду.

Семья, строго воспитанная Василіемъ Степановичемъ въ началахъ православной церкви, имѣла въ этомъ отношеніи огромное вліяніе на Ивана Васильевича, а замѣчательно радушный и гостепріимный домъ дѣда по родной матери—хорунжаго Петра Михайловича Камбулина—весьма благотворно повліялъ на его душевныя качества. Въ лицѣ родной бабушки—Елены Дмитріевны Камбулиной (урожденной Качуриной) сироты мальчики нашли ласку и разумное наставленіе.

Бабушка была по старой вѣрѣ, но заставляя внучатъ молиться Богу, не дѣлать никому худого и не заниматься виномъ, не отклоняла ихъ отъ церкви. Ея разсказы про жизнь св. угодниковъ глубоко западали въ душу Ивана Васильевича, и онъ до послѣднихъ дней не оставлялъ чтенія житія святыхъ и другихъ религіозныхъ книгъ.

Бабушка Елена Дмитріевна отлично помнила осаду Пугачевымъ Оренбурга, будучи тогда десятилѣтнимъ ре-

бенкомъ, и подробности того времени охотно передавала слушателямъ. Старушка скончалась въ 1853 году 90 лѣтъ отъ роду.

Въ этихъ то именно бесѣдахъ и надо искать разгадки той удивительной способности Ивана Васильевича знать всѣ подробности прошлаго Оренбургскаго края, которыя отмѣчены въ найденныхъ послѣ его смерти мемуарахъ.

Въ 1833 году Иванъ Васильевичъ поступилъ въ приходское училище и, сколько помнилъ, въ сентябрѣ того же года имѣлъ счастье видѣть въ стѣнахъ этого заведенія великаго поэта Пушкина, пріѣзжавшаго въ Оренбургъ для собиранія матеріаловъ о Пугачевскомъ бунтѣ. Поэтъ даже спрашивалъ что-то Ивана Васильевича, но за давностью лѣтъ онъ, конечно, упомнить не могъ.

По окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ, (помѣщалось за Троицкой церковью въ д. бывшемъ Карелина, а потомъ на базарной площади въ д. священника Розанова), Иванъ Васильевичъ поступилъ въ уѣздное училище (нынѣ 1-е городское 3-хъ классное), гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году. Иванъ Васильевичъ всегда съ глубокимъ чувствомъ благодарности вспоминалъ время ученія въ уѣздномъ училищѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ онъ учителя Сунгурова (по русскому языку) и Рутковскаго (по исторіи), пріучавшихъ мальчугановъ мыслить, а не изучать уроки путемъ безтолковой зубрешки.

«Изъ дополнительныхъ предметовъ, не относящихся прямо къ курсу», говорилъ Иванъ Васильевичъ: «было чтеніе сказокъ про русскихъ богатырей, къ которымъ почему-то относили Бову-королевича и ему подобныхъ. Ин-

тересно, что при чтеніи одной сказки нашли указаніе на нашу мѣстность, а именно, что Добрыня нашелъ голову убитаго богатыря въ томъ мѣстѣ, гдѣ Касмартъ (Сакмара?) рѣка впадаетъ въ рѣку Яикъ,—а это какъ разъ подъ Оренбургомъ».

По окончаніи курса въ училищѣ Иванъ Васильевичъ ѣздилъ мѣсяца на $1^1/_2$ въ Никольскую крѣпость, отстоящую верстахъ въ 140 отъ Оренбурга, къ родному дядѣ—Ивану Петровичу Камбулину, назначенному туда станичнымъ атаманомъ.

Здѣсь лицомъ къ лицу съ природой Иванъ Васильевичъ отдохнулъ, научился ѣздить верхомъ, смѣло плавать и вообще узналъ простую жизнь казака.

Такъ какъ Ивану Васильевичу оставалось до службы четыре года, то отецъ желалъ, по общепринятому порядку, зачислить его для письменныхъ занятій въ войсковую канцелярію, но не имѣя ни связей, ни протекціи, Василій Степановичъ оставался въ своихъ хлопотахъ ни при чемъ и рѣшилъ дать сыну возможность пробить себѣ дорогу внѣ войска.

Въ то время учрежденіями, гдѣ съ разрѣшенія командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса можно было служить казакамъ внѣ войска, были: корпусный штабъ, канцелярія военнаго губернатора, хозяйственныя учрежденія, непосредственно подчиненныя губернатору, и канцелярія командующаго башкиро-мещерякскимъ войскомъ. Въ послѣдней писцами и на нисшихъ штатныхъ мѣстахъ служили казачьи чиновники и урядники. Канцелярія эта помѣщалась въ зданіяхъ Караванъ Сарая.

Въ канцеляріи этой старшимъ адъютантомъ служилъ знакомый Василія Степановича—есаулъ Василій Петро-

вичъ Ветошниковъ, къ нему то и привелъ своего сына Василій Степановичъ.

Иванъ Васильевичъ скоро ознакомился съ канцелярской перепиской, но обладая плохимъ почеркомъ, по собственной иниціативѣ избралъ себѣ другое занятіе: сталъ разбирать военно-судныя дѣла о башкирахъ и дѣлать на оберткахъ надпись о содержаніи дѣла. Это было нѣчто въ родѣ открытія Америки въ прежнемъ рутинномъ порядкѣ веденія канцелярской переписки, такъ какъ въ отдѣленіи этомъ всѣ военно-судныя дѣла складывались въ одну связку, и много надо было труда, чтобы разыскать нужную бумагу. Сначала приняли все это съ большимъ недовѣріемъ, но, видя, что дѣло идетъ лучше, остались нововведеніемъ довольны.

Еще болѣе выдвинулъ Ивана Васильевича слѣдующій случай. Командующій башкиро-мещерякскимъ войскомъ гвардіи ротмистръ Балкашинъ поручилъ какъ-то есаулу Ветошникову сдѣлать нарядъ 6 тысячъ башкиръ пропорціонально народонаселенію каждаго кантона, служилый составъ которыхъ достигалъ 82 тысячъ человѣкъ.

Ветошниковъ какъ человѣкъ малограмотный, что по тому времени было нерѣдкость, не найдя примѣровъ въ прежнихъ дѣлахъ, такъ какъ наряды дѣлались на взглядъ, потерялъ голову и наконецъ спрашиваетъ: «Не можешь ли ты, Ваничка, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ?» Иванъ Васильевичъ, какъ хорошо изучившій ариѳметику въ уѣздномъ училищѣ, охотно исполнилъ просьбу. За отличное исполненіе порученія Балкашинъ объявилъ Ветошникову полную благодарность по войску, а тотъ въ свою очередь сердечно благодарилъ своего подчиненнаго.

Черезъ два мѣсяца службы Иванъ Васильевичъ 6

декабря 1841 года былъ произведенъ приказомъ по Оренбургскому отдѣльному корпусу въ урядники, а затѣмъ 4 марта 1844 года въ чинъ хорунжаго, что было, конечно, весьма быстрымъ повышеніемъ.

Будучи урядникомъ, Иванъ Васильевичъ въ качествѣ писаря былъ назначенъ въ помощь адъютанту командующаго башкиро-мещерякскимъ войскомъ при сформированіи въ 1843 году отряда башкиръ для усмиренія государственныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, не желавшихъ подчиниться распоряженію о переходѣ ихъ къ помѣщикамъ.

Въ походѣ по Башкиріи Иванъ Васильевичъ пробылъ съ 3 апрѣля по 9 мая, испытавъ всѣ невзгоды переѣзда въ весеннюю распутицу по убійственнымъ башкирскимъ дорогамъ.

Въ канцеляріи командующаго башкиро-мещерякскимъ войскомъ Иванъ Васильевичъ прослужилъ до 20 октября 1847 года, достигнувъ должности столоначальника, и перешелъ затѣмъ на таковую же должность въ канцелярію Оренбургскаго губернатора, гдѣ съ 1850 по 1861 годъ управлялъ отдѣленіемъ иррегулярныхъ войскъ этой канцеляріи. За это время Иванъ Васильевичъ получилъ чинъ подполковника и орденъ св. Станислава 2 ст. съ императорскою короною.

Служба на этой послѣдней должности значительно расширила кругозоръ Ивана Васильевича. Здѣсь сталкивались интересы различныхъ казачьихъ войскъ, разсматривались и вырабатывались проекты о башкиро-мещерякскомъ войскѣ, Оренбургскомъ и Уральскомъ казачьихъ войскахъ; кромѣ того, и самая служба обставлена была несравненно лучшими условіями: съ подчиненными

обходились вѣжливо, не стѣсняли просиживаніемъ установленныхъ часовъ для занятій, а требовали только, чтобы извѣстная работа была исполнена добросовѣстно и къ назначенному сроку.

«До меня», говоритъ Иванъ Васильевичъ въ своихъ запискахъ: «начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ былъ титулярный совѣтникъ Ник. Вас. Смольяниновъ. Получивъ мѣсто правителя канцеляріи военнаго губернатора, Смольяниновъ оставилъ вакантнымъ мѣсто начальника отдѣленія иррегулярныхъ войскъ, и оно перешло бы къ столоначальнику № . . . , прежде меня служившему въ канцеляріи, бывшему даже въ университетѣ, но человѣку, любившему играть въ карты и весело проводить время. Генералъ Обручевъ не игралъ въ карты и не любилъ такихъ людей, особенно изъ числа мелкихъ чиновниковъ. Замѣтивъ у себя на балу упомянутаго столоначальника за картами, онъ, при назначеніи наградъ, исключилъ его изъ списка, сказавъ, что *этотъ чиновникъ имѣетъ деньги даже на игру, для чего еще увеличивать его средства?* Вскорѣ военный губернаторъ Обручевъ приказалъ уволить № отъ службы въ канцеляріи и отдѣленіе иррегулярныхъ войскъ досталось мнѣ.»

Сознавая недостаточность полученнаго въ уѣздномъ училищѣ образованія, Иванъ Васильевичъ, благодаря своей настойчивости, сумѣлъ самоучкою и частію съ помощью старшаго брата артиллериста, окончившаго въ 1843 году Неплюевское военное училище, и приглашенныхъ студентовъ, пройти курсъ кадетскаго корпуса и даже изучить французскій языкъ, причемъ съ помощью лексикона могъ читать и понимать французскія книги.

Независимо отъ того, Иванъ Васильевичъ для озна-

Церковь св. Петра и Павла.

въ которой Иванъ Васильевичъ долго былъ старостой.

комленія съ современнымъ законодательствомъ читалъ св. зак. и св. воен. пост.

Служебная дѣятельность Ивана Васильевича съ 1861 по 10 мая 1874 года (годъ выхода въ отставку генералъ-маіоромъ съ мундиромъ) была разносторонняя. Онъ былъ попечителемъ 1, 2 и 3 башкирскихъ кантоновъ и начальникомъ 1-го кантона.

Съ 1865 до 1873 года состоялъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ 1866 по 1869—депутатомъ дворянскаго депутатскаго собранія и до 1872 г. членомъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія.

По приглашенію генералъ-адъютанта Безака Иванъ Васильевичъ въ октябрѣ 1861 года принимаетъ участіе въ работахъ комиссіи подъ личнымъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора по устройству киргизъ, кочующихъ въ новолинейномъ раіонѣ Оренбургскаго казачьяго войска, въ ноябрѣ 1865 года—въ такой же комиссіи по вопросу о поземельныхъ правахъ башкиръ и о надѣленіи ихъ землей; въ 1867 году по вопросамъ о развитіи частной золотопромышленности въ Оренбургскомъ краѣ.

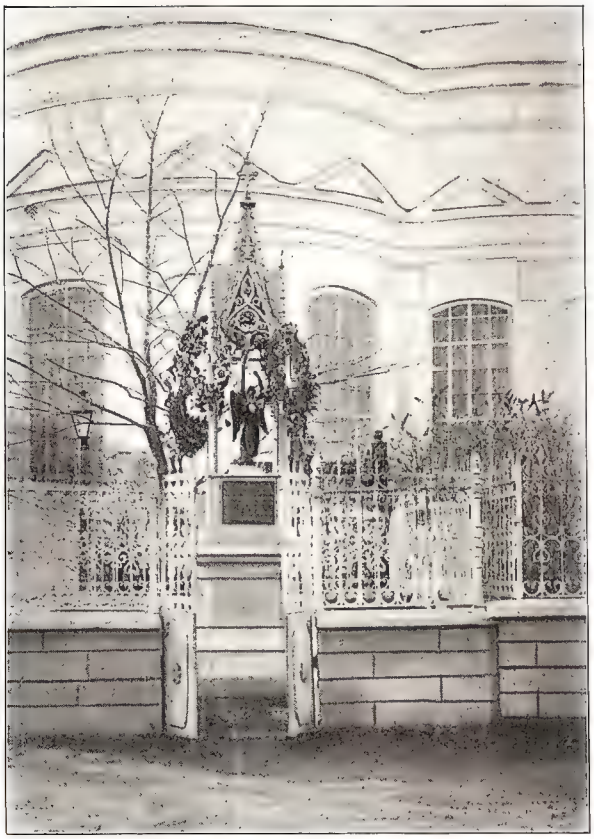
На него же возлагается по порученію генералъ-губернатора въ 1872 году разсмотрѣть и высказать свое заключеніе по докладу о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска; всѣ эти вопросы представлены были на разрѣшеніе высшаго правительства.

За указанный выше періодъ службы Иванъ Васильевичъ получилъ чинъ полковника и орденъ св. Владиміра 4 и 3 степени. Согласно прошенія Иванъ Васильевичъ въ 1874 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. Состоя въ отставкѣ, Иванъ Васильевичъ по

увольненіи предводителя дворянства г. Шоттъ отъ службы, какъ кандидатъ, избранный дворянствомъ 1 марта 1883 года, исполнялъ должность предводителя. Въ этомъ званіи Иванъ Васильевичъ имѣлъ счастіе въ составѣ депутаціи отъ Оренбургскаго дворянства присутствовать на священномъ коронованіи государя императора Александра III и поднести хлѣбъ—соль отъ дворянъ. Государь императоръ, милостиво принявъ подносимую хлѣбъ—соль, соизволилъ отвѣтить: «*Благодарите отъ меня дворянъ*,» а затѣмъ спросилъ генерала Чернова: «*Вы казакъ Уральскаго войска?*» на что тотъ отвѣтилъ: «Да, точно казакъ, но не Уральскаго, а Оренбургскаго войска. Наше войско слито съ губерніей въ административномъ отношеніи.»

Бывая на всѣхъ торжествахъ коронаціи, Иванъ Васильевичъ познакомился со многими предводителями дворянства и близко видѣлъ весь блескъ и торжество св. коронованія. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ подробно описалъ свое пребываніе въ Москвѣ въ незабвенные для него дни мая 1883 г. За участіе на коронаціи Иванъ Васильевичъ получилъ орденъ св. Станислава 1 степени. Оставаясь на должности предводителя дворянства, Иванъ Васильевичъ былъ утвержденъ на оной 16 февраля 1884 года; награжденъ 30 августа 1886 года орденомъ св. Анны 1 степени и до 18 іюля 1891 года оставался на этой должности, когда по разстроенному здоровью, согласно его прошенію, былъ уволенъ отъ должности Оренбургскаго губернскаго предводителя дворянства.

По увольненіи отъ должности Иванъ Васильевичъ продолжалъ свое посильное участіе въ жизни губерніи и войска. Такъ въ 1897 году онъ участвуетъ по приглашенію наказнаго атамана генералъ-маіора Ершова въ



Могила И. В. Чернова въ женскомъ монастырѣ.

Домъ И. В. Чернова.

комиссіи по введенію земства въ Оренбургской губерніи, какъ лицо вполнѣ компетентное по данному вопросу въ виду участія своего въ 1867 году въ таковой же комиссіи, обсуждавшей попросъ о введеніи земства въ Оренбургской губерніи.

Удалившись съ 1891 года отъ дѣлъ служебныхъ, Иванъ Васильевичъ продолжалъ другое не менѣе полезное дѣло: онъ приступилъ къ составленію біографическихъ указаній о бывшихъ главныхъ начальникахъ Оренбургскаго края, частью на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, частію на основаніи разсказовъ достовѣрныхъ лицъ, свѣдѣній изъ дѣлъ и другихъ источниковъ и, состоя съ 1899 года членомъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, принималъ живое участіе при обсужденіи докладовъ, читаемыхъ на засѣданіи комиссіи, являясь какъ бы живою лѣтописью прошлаго Оренбургскаго края.

Но ни служебная карьера, доставшаяся Ивану Васильевичу не безъ труда, житейскихъ невзгодъ и служебныхъ терній, ни сравнительно значительное матеріальное обезпеченіе, которое онъ имѣлъ, ничто не могло искоренить основной черты душевныхъ качествъ Ивана Васильевича—его строго-религіознаго воспитанія и силы убѣжденія. Слѣдуя этому чувству, Иванъ Васильевичъ за послѣдніе годы своей жизни широко развиваетъ благотворительную дѣятельность, главнымъ образомъ на удовлетвореніе религіозно нравственныхъ нуждъ.

Благодаря его пожертвованіямъ, украшаются и поддерживаются бѣдныя церкви Оренбургской губерніи, какъ напр. въ поселкахъ Кассель и Требія, и въ Оренбургской станицѣ—Георгіевскій войсковой соборъ и Никольская церковь.

Съ тою же отзывчивостью относился Иванъ Васильевичъ и къ научно-просвѣтительнымъ нуждамъ.

Такъ еще при жизни онъ передалъ по принадлежности 14500 р. на учрежденіе двухъ стипендій въ Оренбургскомъ институтѣ императора Николая I для дочерей дворянъ Оренбургской губерніи и дворянъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Дня за три до своей кончины Иванъ Васильевичъ собственноручно намѣтилъ тѣ пожертвованія, которыя онъ считалъ нужнымъ сдѣлать на разныя благотворительныя нужды. Во исполненіе воли завѣщателя, между прочимъ, передано на нужды миссіонерскія и борьбу съ съ расколомъ и сектантами 3000 р., въ православное Палестинское общество 500 р., на украшеніе Георгіевскаго войскового собора 5000 р., на Никольскую церковь въ Оренбургской станицѣ 3000 р., на каѳедральный соборъ 1000 р. Кромѣ выдачъ на удовлетвореніе потребностей собственно религіозныхъ, Иванъ Васильевичъ оставилъ 4500 р. и на учебно-просвѣтительныя нужды; на этотъ капиталъ рѣшено учредить стипендіи для приходящихъ ученицъ Оренбургской женской гимназіи—дѣтей бѣднѣйшихъ офицеровъ и чиновниковъ Оренбургскаго казачьяго войска и выдавать пособія приходящимъ казачьяго сословія ученикамъ городскихъ училищъ и казачьяго педагогическаго класса въ г. Верхнеуральскѣ. Согласно той же волѣ завѣщателя передано было 500 р. на учрежденіе народной библіотеки въ поселкѣ Чернорѣченскомъ Павловской станицы, въ которой Иванъ Васильевичъ числился по спискамъ.

Иванъ Васильевичъ скончался, исполнивъ христіанскій долгъ, въ полномъ сознаніи утромъ 15 октября 1902 года.

Да будетъ же вѣчная память незабвенному Ивану Васильевичу!

1742.—1757 г.

И. И. Неплюевъ.

Записки

генералъ-маіора Ивана Васильевича Чернова.

Основаніемъ настоящихъ моихъ замѣтокъ служитъ то, что я лично видѣлъ, слышалъ отъ достовѣрныхъ людей или взялъ изъ дѣлъ и другихъ источниковъ, нисколько не отступая отъ правды.

Изъ словъ бывшихъ современниками основанія г. Оренбурга, въ моей молодости еще жившихъ, но уже стариками, я слышалъ сохранившіеся у нихъ отзывы о первыхъ губернаторахъ, наиболѣе памятныхъ въ народѣ.

I.

И. И. Неплюевъ.

(1742—1757).

Тайный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ былъ разумный, дѣятельный, но строгъ до жестокости въ исполненіи своихъ приказаній, которыя не отмѣнялъ, каждое дѣло доводилъ до конца, не стѣсняясь въ принятіи мѣръ къ устраненію препятствій. Онъ строгими мѣрами усмирилъ второй бунтъ башкиръ, казнями, имъ самимъ придуманными. Изъ нихъ приведу одну. Онъ при-

казалъ построить на льду р. Сакмары, когда она замерзла, избу; потомъ выкликивались изъ собранныхъ по именамъ башкиры, замѣченные въ неблагонадежности, для допроса. Какъ только входилъ башкиръ въ избу, стоявшіе внутри солдаты спускали его въ прорубь подъ ледъ. Такимъ образомъ исчезали съ лица земли всѣ входившіе и возвращавшихся не было; хотя и было оповѣщено, что народъ собирается для совѣщанія, но по объему избы догадались, что входящіе въ избу спускаются безъ всякаго шума въ воду, и народъ съ берега разбѣжался. Эта мѣра была принята послѣ повелѣнія сажанія на колъ и тѣлеснаго наказанія къ тѣмъ бунтовщикамъ, которые не попали въ руки правительства.

Когда башкиры, при прислѣдованіи ихъ силою, не могли сопротивляться и бѣжали за Уралъ въ Киргизскую степь, Неплюевъ разрѣшилъ грабить бѣглецовъ, отнимать у нихъ скотъ, женъ, дѣвокъ брать въ собственность, а мужчинъ обращать въ рабство.

Башкиры Оренбургскаго уѣзда, когда я былъ ихъ начальникомъ, передавали мнѣ, что отправляясь въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ на Сыръ-Дарью при заведеніи на послѣдней укрѣпленія по указанію киргизъ видѣли арыки, выкопанные бѣжавшими ихъ сородичами, носящіе доселѣ ихъ названіе.

Послѣ усмиренія башкиры возвратились на свои земли, были прощены съ возстановленіемъ ихъ правъ.

Въ управленіе Неплюева основалась Каргала (Сеитовскій посадъ) богатыми татарами Казанской и Вятской губерній для развитія въ краѣ торговли съ Хивою и Бу

харою, откуда приходившіе караваны первое время, до устройства Оренбурга, останавливались въ Каргалѣ.

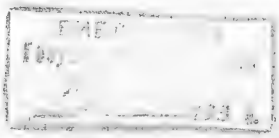
Сеитовцы, получивъ съ Высочайшаго соизволенія извѣстныя привиллегіи, обязывались завести посѣвъ хлопка, сорочинскаго пшена и марены. Однако жъ опытъ не удался. Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія, для чего указалъ имъ мѣсто недалеко отъ Оренбурга, по нынѣшней почтовой дорогѣ на Уфу.

Сеитовцы очистили это мѣсто отъ росшаго тутъ лѣса, но ничего хорошаго не выходило, и оставили посѣвъ за увольненіемъ Неплюева.

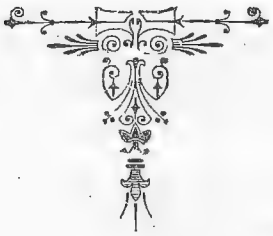
Объ этомъ мнѣ говорилъ протоіерей Челноковъ, коренной здѣшній житель, слышавшій все отъ своего отца.

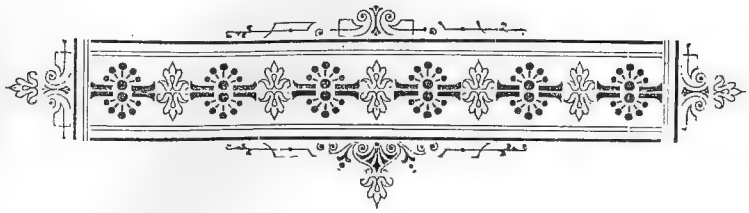
Неплюевъ, понимая важность развитія въ краѣ горнаго дѣла, много содѣйствовалъ устройству горныхъ заводовъ первыми основателями Твердышевымъ и Мясниковымъ (туляками), построившими Преображенскій, Богоявленскій, Верхоторскій и другіе въ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Земли покупались у башкиръ сотнями тысячъ десятинъ за ничтожную плату, рудники отводились даромъ по существовавшему тогда закону. Преображенскій заводъ купилъ 100 т. дес. за 300 р. и нѣсколько фунтовъ чаю; по такой цѣнѣ покупались земли и для другихъ заводовъ.

Тотъ-же Неплюевъ заботился о колонизаціи Оренбургскаго края русскими людьми всякаго сословія; прибывавшій сюда народъ, былъ ли это бродяга или бѣглый крѣпостной человѣкъ, оставались здѣсь навсегда на избранномъ мѣстѣ; возврата не было, и на этотъ случай



сложилась пословица: «На требованіе помѣщика Неплюевъ наплюетъ, Рычковъ надѣлаетъ крючковъ, а Мертваго завяжетъ, что и сатана не развяжетъ.»





II.

О. А. Игельстромъ.

(1784—1792, 1796—1798).

Губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ оставилъ по себѣ память раздѣленіемъ всей Башкиріи, управляемой тогда родовыми старшинами, на кантоны (округа) съ назначеніемъ кантонными начальниками изъ башкиръ съ правомъ выслуги чиновъ. Мѣра эта служила къ внутреннему раздѣленію башкиръ и подчиненію ихъ благонадежнымъ лицамъ, а чрезъ послѣднихъ правительство узнавало нужды народа.

Такое же раздѣленіе тогда же послѣдовало для Оренбургскихъ казаковъ: внутреннія станицы поступили въ составъ кантоновъ, а приграничные отряды и форпосты на дистанціи. Кантоновъ у башкиръ было, со включеніемъ мещеряковъ, 17—въ Уфимской, Вятской, Пермской, Самарской и Оренбургской губерніяхъ.

У казаковъ 5 внутреннихъ кантоновъ, начиная отъ Самары и Уфы до Оренбурга, и 5 дистанцій по р. Уралу.

Раздѣленіе это существовало у башкиръ до 1860 г., а у казаковъ до 1841 г., когда особо изданными для каждаго народа положеніями послѣдовало особое раздѣленіе первыхъ по уѣздамъ, а послѣднихъ на полковые округа.

III.

Н. Н. Бахметевъ.

(1798—1803).

Губернаторъ Николай Николаевичъ Бахметевъ поступилъ на эту должность молодымъ человѣкомъ въ царствованіе Павла I, былъ строгимъ притѣснителемъ и гонителемъ казаковъ.

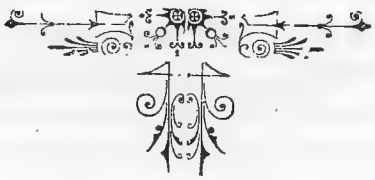
Въ его время Оренбургъ состоялъ изъ бѣдныхъ домиковъ, въ которыхъ жили казаки. Силою выселять ихъ изъ города Бахметевъ не желалъ или считалъ незаконнымъ. По народной молвѣ онъ чрезъ особыхъ людей заставлялъ поджигать кварталы съ плохими домами и такимъ образомъ переселилъ ихъ изъ города въ форштадтъ, населенный тогда, какъ казаками, такъ и солдатами, жившими въ нижнихъ улицахъ къ Георгіевской церкви, гдѣ тогда расположенъ былъ артиллерійскій паркъ. *) Въ городѣ остались одни казачьи чиновники; они одни имѣли на это право, и распоряженіе это было подтверждаемо не разъ во время управленія военнаго губернатора Эс-

*) Въ саду при домѣ полковника Полозова, что противъ Георгіевской церкви, при копаніи ямъ найдены картечи. Это подтверждаетъ сообщеніе генерала Чернова объ артиллерійскомъ паркѣ. Прим. С. Н. Севастьянова.

сена, о чемъ я видѣлъ переписку въ архивѣ канцеляріи губернатора.—Съ переселеніемъ всѣхъ казаковъ въ форштадтъ, *) паркъ былъ вскорѣ выведенъ изъ Оренбурга, во время войны съ французами (1805—1807 гг.), и въ это же время ушли стоявшіе въ Оренбургѣ два пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій полкъ, извѣстный подъ названіемъ Оренбургскаго драгунскаго полка.

Одинъ изъ офицеровъ его, Капитоновъ, служилъ потомъ здѣсь уѣзднымъ стряпчимъ до 1845 г., въ которомъ умеръ.

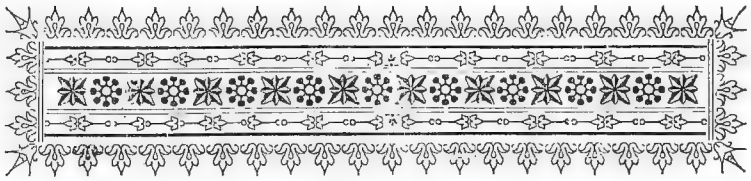
Одного изъ пѣхотныхъ полковъ солдаты, по послабленію ихъ шефа, генерала Бахметева, много обижали и даже грабили горожанъ; суда на нихъ не было, какъ говорилъ мнѣ Вас. Мих. Смольниковъ, лично помнившій Бахметева; Смольниковъ умеръ въ 1853 г.



*) Изъ дѣлъ видно, что это было при Эссенѣ, когда составлялись и планы на дома форштадта. Прим. С. Н Севастьянова.

Князь Г. С. Волконскій.

(1803—1817).



IV.

Князь Г. С. Волконскій.

(1803 – 1817).

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій назначенъ на мѣсто Бахметева въ 1803 г.

По общему отзыву онъ былъ человѣкъ старый, но способный для боевой службы, которая требовалась въ то время, со странностями и привычками, рѣзко отличавшимися отъ общепринятыхъ условій жизни: ходилъ по городу въ ночномъ колпакѣ, спальной курткѣ и простыхъ панталонахъ; при встрѣчѣ съ женщиной, если была молодая, красивая, цѣловалъ ее, давалъ денегъ, которыя за нимъ носилъ лакей или камердинеръ; иногда уходилъ далеко за городъ, уставалъ и подсаживался къ проѣзжающимъ съ возами крестьянамъ.

Былъ такой случай. Князь сильно усталъ отъ пѣшей ходьбы и присѣлъ на сани съ дровами. Хозяинъ гналъ его, говоря, что лошадь худая и съ трудомъ везетъ дрова. «Я самъ иду пѣшкомъ, а ты лѣзешь на возъ. Слѣзай прочь! а то видишь,» и показалъ кнутъ. Князь, не смотря на угрозы, остался въ саняхъ. При въѣздѣ въ городъ черезъ Сакмарскія ворота стоявшій тамъ на гаубтвахтѣ военный караулъ выбѣжалъ отда-

вать честь, барабанщикъ билъ въ барабанъ, офицеръ передъ фронтомъ командовалъ. Мужикъ испугался и сказалъ: «Это тебѣ, баринъ, отдаютъ честь? скажи, баринъ, кто ты такой? да Бога ради прости меня за грубость.»

Князь указалъ улицу, въ которую ѣхать, а мужикъ подумалъ: «Должно быть въ полицію, отлупятъ тамъ меня на славу, что и внукамъ не забуду передать!»

Мужикъ ѣдетъ, а князь на возу. Подъѣхали къ дому. Тамъ на дворѣ встрѣчаютъ господа съ поклономъ, князь приказалъ взять у мужика возъ дровъ и выдать за нихъ щедрую плату.

Отецъ мой передавалъ мнѣ, что возвращаясь съ товарищами изъ школы обѣдать, встрѣтилъ князя у Орскихъ воротъ; тотъ потребовалъ его къ себѣ, приказалъ снять у него съ ноги сапогъ, потомъ снова надѣть. Князь пошелъ далѣе, сказавъ «спасибо». Такъ какъ все это происходило въ виду военнаго караула, то одинъ солдатъ, догнавъ отца, спросилъ: «А что тебѣ далъ князь?» Тотъ сказалъ, что рубль (счетъ велся на мѣдь).

«Какое счастье! А мы вотъ стоимъ, хотя бы гривенникъ—и то было бы благополучіемъ.»

Въ сущности и отецъ мой не получилъ ничего.

Князь Волконскій, проходя иногда, бросалъ мѣдныя деньги въ народъ, особенно въ большіе праздники, какъ св. Пасха, Троица, Вознесеніе.

Такой странный и причудливый образъ жизни, конечно, былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и говорили, что князя не разъ вызывали туда, но онъ прямо отвѣчалъ, что не поѣдетъ, потому что тотчасъ же по пріѣздѣ умретъ въ тамошнемъ климатѣ.

По слухамъ, онъ пользовался особымъ благорасположеніемъ сколько за прежнюю службу, а болѣе—что былъ воспріемникомъ отъ купели при крещеніи Александра I. На сколько въ этомъ правды, не знаю.

Князь Волконскій давалъ у себя парадные обѣды, на которые приглашались начальники частей и даже не особенно значительные, напр. уѣздный казначей Алексѣй Михайловичъ Романовскій, который жилъ до 1852 г. и, будучи старикомъ, разсказывалъ о жизни князя Волконскаго, котораго ссужалъ казенными деньгами при истощеніи его собственныхъ и исправно получалъ уплату.

Князь Волконскій, будучи старикомъ, жилъ зимою въ нетопленыхъ комнатахъ. Ординарцы и вѣстовые были въ однихъ мундирахъ.

Одинъ казачій урядникъ, впослѣдствіи офицеръ Николай Ивановичъ Ситниковъ, говорилъ мнѣ, что не стерпѣвъ холода, снялъ ночью съ вѣшалки княжескую епанчу, въ какихъ ходилъ дома князь, покрылся и крѣпко заснулъ. Проходитъ князь, видитъ, что епанча съ орденскою звѣздою на урядникѣ, разбудилъ его и сказалъ: «Повѣсь, откуда взялъ, и впредь не смѣй этого дѣлать. Видишь, я старикъ, а холодъ переношу, а ты молодой мерзнешь».

Княжескія епанчи иногда съ дозволенія раздавались гостямъ, когда онъ видѣлъ, что послѣдніе синѣютъ отъ холода.

Случилось однажды такъ, что за обѣдомъ сидѣли нѣсколько человѣкъ. Входитъ курьеръ изъ Петербурга и глазами ищетъ, кто изъ нихъ князь—на всѣхъ одинаковыя епанчи. Князь сказалъ: «Подай сюда бумагу!», и прочіе глазами указали на него.

Князь Волконскій устраивалъ вечера для танцевъ, на которые приглашалъ женъ и дочерей казачьихъ офицеровъ въ ихъ казачьихъ нарядахъ: дѣвицы въ жемчужныхъ лентахъ или повязкахъ, а замужнія въ кокошникахъ. Онъ былъ послѣдній губернаторъ, къ которому на вечера приглашались казаки. Послѣ того женскій полъ даже у высшихъ чиновниковъ подвергся остракизму.

Князь Волконскій давалъ народныя увеселенія для всего населенія, особенно въ исключительныхъ случаяхъ. Вечера отличались своею затѣйливою программою: фейерверки, ракеты, разноцвѣтные огни въ видѣ каскадовъ.

Разсказываютъ, что очень блистательные были празднества во время пріѣзда къ нему жены съ семьей. *) Выставляемы были бочки пива и вина, на ногахъ стояли жареные быки и бараны съ золотыми рогами; вечеромъ фейерверкъ превзошелъ все, что оренбуржане доселѣ могли видѣть. Фокусникъ пустилъ огненнаго змѣя, который пролетѣлъ городъ и разсыпался надъ кладбищемъ.

Народъ говорилъ, что это былъ самъ чертъ, не могшій летѣть далѣе въ виду крестовъ на могилахъ, а самый фокусникъ за такую мистификацію былъ пораженъ смертью: онъ умеръ на другой день.

Впослѣдствіи, когда у Варвары Васильевны, урожденной Мансуровой и въ замужествѣ бывшей за французскимъ эмигрантомъ Габбе, въ молодыхъ лѣтахъ умеръ мужъ и она ежедневно съ горя ѣздила на могилу его, послѣдній въ видѣ огненнаго змѣя прилеталъ ночью въ домъ Габбе.

---

*) Семья князя жила въ Петербургѣ. См. «Труды Ор. Уч. Ар. Ком.» вып. XI, стр. 140. Прим. И. О. Шукшинцева.

Народъ говорилъ, что это былъ тотъ самый змѣй, котораго пустили при князѣ Волконскомъ.

Варвара Васильевна въ 1824 или 25 г. вторично вышла замужъ за молодого штабсъ капитана Балкашина, котораго за этотъ бракъ отставили отъ службы, но впослѣдствіи онъ снова былъ принятъ графомъ Сухтеленомъ, былъ адъютантомъ у него, дослужился до чина генералъ-лейтенанта, былъ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ и два раза командовалъ башкирскимъ войскомъ; умеръ въ 1859 г., а жена его лѣтъ чрезъ 10 послѣ.

Отъ перваго брака у нея былъ сынъ, ротмистръ Александръ Васильевичъ Габбе, служившій адъютантомъ у генералъ-губернаторовъ Перовскаго и Обручева и потомъ перешедшій на гражданскую службу по удѣламъ; умеръ въ 1851 или 52 г.

Князь Волконскій, когда былъ помоложе, явилъ себя хорошимъ администраторомъ, усмиривъ въ 1805 г. въ Уральскѣ бунтовавшихъ казаковъ. Для усмиренія ихъ были посланы башкиры и имъ, по ходатайству князя Волконскаго, пожаловано знамя отъ императора Александра I при грамотѣ. Съ уничтоженіемъ башкирскаго войска, знамя и грамота переданы въ 1863 г. въ окружный штабъ Оренбургскаго округа.

А когда князь сталъ старикомъ, то занимался дѣлами мало, кромѣ важныхъ, направлять которыя безъ его вѣдома и указанія было не возможно.

Говорятъ, что присылаемыя для подписанія бумаги на ночь клалъ къ св. иконамъ, молился предъ послѣдними, а утромъ перекрестясь, все подписывалъ, не читая, и дѣло сходило благополучно.

Въ управленіе его явилась новая система, имѣвшая хорошія послѣдствія въ отношеніи башкиръ.

Народъ этотъ до конца XVIII столѣтія управлялся выборными старшинами, подчиненными земской полиціи въ лицѣ исправника и дворянскихъ засѣдателей, какъ извѣстно, людей корыстолюбивыхъ и вымогательныхъ на взятки.

Съ принятіемъ подданства Россіи, порядокъ управленія башкирами не измѣнялся. Хотя у башкиръ были ханы, но аристократіи родовой не привилось: всѣ были равны въ правахъ, земли составляли общее всѣхъ владѣніе по родамъ.

Подчинившись русскимъ, башкирскій народъ испросилъ у царя Іоанна IV Васильевича сохраненія за ними магометовой вѣры и въ первое время былъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Когда же стали появляться среди нихъ русскіе люди, дѣлившіеся на бояръ и черныхъ людей или крестьянъ, башкиры увидѣли себя приравненными къ послѣднему классу со всѣми лучшими своими людьми.

Правительство за услуги жаловало немногихъ званіемъ тарханъ, т. есть лично свободныхъ отъ платежа ясака, но въ общемъ и лучшіе люди, считаясь въ разрядѣ крестьянъ, подчинялись русскимъ чиновникамъ.

Такое унизительное состояніе, нѣтъ сомнѣнія, служило, въ числѣ другихъ, причиною ихъ частыхъ бунтовъ.

Въ 1796 г. бывшій военный губернаторъ баронъ Игельстромъ съ высочайшаго соизволенія раздѣлилъ всю Башкирію, заключающуюся въ предѣлахъ прежней Орен-

бургской губерніи, а также въ Пермской, Вятской и Саратовской (уѣзды Новоузенскій и Николаевскій) на 12 кантоновъ или округовъ и въ каждый кантонъ былъ назначенъ кантонный начальникъ, которому положено быть чиновникомъ.

Это нововведеніе было въ духѣ народа: лучшіе изъ него видѣли, что они могутъ быть чиновниками, подобно русскимъ, и кромѣ того эти кантонные, оставаясь въ подчиненіи исправникамъ, имѣли право непосредственно сноситься съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, отъ котораго получали на свое имя предписанія, обходя губернское начальство, и въ этомъ высокомъ лицѣ видѣть своего защитника отъ стѣсненій земскихъ должностныхъ лицъ.

Чинъ желалъ получить каждый сколько-нибудь вліятельный башкиръ, и онъ дорогъ былъ ему тѣмъ, что при выходѣ со службы ограждалъ его права и избавлялъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Находясь на службѣ, кантонные начальники производились въ классные чины отъ 14 до 12 класса, а за военныя отличія отъ прапорщика до маіора. Эти же чины были жалуемы и другимъ лицамъ за оказанную на службѣ полезную дѣятельность, но щедро награждать нельзя было многихъ.

Отправляя службу съ Оренбургскими казаками, у которыхъ существовали заурядъ-офицерскіе чины, башкиры награждались такими же чинами. Пожалованіе такимъ чиномъ зависѣло отъ военнаго губернатора и вмѣстѣ командира всѣхъ въ краѣ войскъ. При князѣ Волконскомъ награжденіе заурядъ-офицерскими чинами башкиръ выходило изъ предѣловъ надобности въ такихъ лицахъ.

Носить саблю съ офицерскимъ серебрянымъ темля-

комъ желалъ почти каждый изъ нихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что одна пятая часть башкиръ обратилась въ заурядъ-офицеровъ и почти исключительно есауловъ, были и сотники, но хорунжаго мало получали, стремясь прямо къ высшему чину.

Придуманы были не существующіе у казаковъ чины, напр. «Походнаго старшины», обязанность коего ограничивалась начальствомъ надъ башкирами во время слѣдованія на службу, — «дистаночнаго начальника», имѣвшаго въ подчиненіи нѣсколько башкирскихъ командъ, расположенныхъ въ одной мѣстности, но это было рѣдко.

На службѣ башкиры подчинялись казачьимъ офицерамъ.

Представленіе о награжденіяхъ заурядъ чинами исходило отъ кантонныхъ начальниковъ, которые брали за это хорошія взятки и посылали въ Оренбургъ къ всесильному тогда правителю канцеляріи подполковнику Алексѣю Терентьевичу Ермолаеву, а онъ выдавалъ здѣсь же въ руки прибывшимъ въ видѣ патента отъ князя Волконскаго указы на пожалованные чины.

Ермолаевъ позволялъ предъ большими праздниками своимъ писарямъ выбирать башкиръ и получать за это деньги. Князь Волконскій все подписывалъ и въ предписаніяхъ кантоннымъ начальникамъ объяснялъ, что пожалованіе имъ сдѣлано ради большихъ праздниковъ.

На сколько башкиры считали за честь имѣть чинъ, приведу сохранявшуюся долго поговорку: спрашиваетъ посторонній одного башкира, тотъ отвѣчаетъ: «передній не спроси, задній спроси, моя братъ урядникъ служитъ».

Такое введеніе чиновничества произвело въ народѣ

раздвоеніе: классъ этотъ считалъ себя выше простыхъ башкиръ и требовалъ иногда къ себѣ ихъ для услуги въ въ видѣ деньщиковъ. Солидарность народа рушилась и бунты сдѣлались немыслимыми.

Ермолаевъ бралъ взятки и во многихъ другихъ случаяхъ, и съ казаковъ, и съ киргизъ и, держа все въ своихъ рукахъ, накопилъ огромный капиталъ, купилъ у башкиръ землю, но въ не большомъ количествѣ—какъ бездѣтнаго, недвижимость мало его соблазняла.

Другой правитель пограничной канцеляріи коллежскій совѣтникъ Савва Константиновичъ Хоменко, въ противоположность своему коллегѣ, отличался честностью, справедливостью и вообще хорошими качествами.

Въ 1845 г. я видѣлъ этого почтеннаго старца, былъ въ гостяхъ у его родного племянника, маіора Саввы Фомина Хоменко, къ которому перешло его наслѣдство: земля 700 десятинъ въ 7-ми верстахъ отъ Оренбурга, бывшая потомъ по наслѣдству у родныхъ перваго владѣльца Стоколенко, а ими недавно [1]) проданная купцу Степанову. Земля эта была всемилостивѣйше жалована Хоменко государемъ Александромъ I въ 1807—1809 гг. по ходатайству князя Волконскаго.

Старикъ жилъ и умеръ дѣвственникомъ. У него въ прислугѣ не было женщинъ, и послѣднія явились, когда его племянникъ, Савва Фомичъ, женился на Самойловой, помѣщицѣ Бугурусланскаго уѣзда. Дѣтей у нихъ не было

Для характеристики того времени приведу еще слѣ-

---

[1]) Кажется, въ концѣ 1890 гг. Мѣстность эта находится за р. Сакмарою и до сихъ поръ называется «Мельница Стоколенко». Тамъ прекрасный рыбный прудъ. Прим. И. С. Шукшинцева.

дующее: князь Волконскій ѣздилъ въ казачій форштадтъ въ коляскѣ на парѣ лошадей. Тамъ были два силача—казаки. Фамилія одного сохранилась у меня въ памяти—Хлѣбниковъ, [1]) по народной кличкѣ «копна—казакъ». Этотъ „копна“ для шутки останавливалъ экипажъ, взявшись руками за заднія колеса. Князь не сердился; броситъ изъ экипажа нѣсколько денегъ и скажетъ: „Пусти“. Казакъ поклонится и скажетъ: «Безъ платы нельзя». Отдавъ новую мзду, князь ѣздилъ по форштадту.

Другую характеристику того времени и суевѣрія народнаго показываетъ другой фактъ, приводимый здѣсь.

При князѣ Волконскомъ выдавался за неподлежащій сомнѣнію фактъ, что въ городѣ по ночамъ ходитъ оборотень «человѣкъ—свинья», нападаетъ на одинокихъ пѣшеходовъ и сбиваетъ съ ногъ. Падая со страху, они, когда придутъ въ сознаніе, не находятъ на себѣ цѣнныхъ вещей.

Казначей Алексѣй Михайловичъ Романовскій какъ-то ночью возвращался съ вечера отъ князя и на базарѣ встрѣтился со свиньею; послѣдняя, хрюкая, набѣжала на него и видимо желала сшибить его съ ногъ, какъ и другихъ, но онъ устоялъ и, замѣтивъ у свиньи руки, вступилъ съ нею въ борьбу, билъ по ушамъ шпагою, безъ которой не ходилъ къ начальству; при этомъ съ головы свиньи упала искусно придѣланная шапка, изображавшая свиное рыло. Романовскій увидалъ, что свиньею наряжался солдатъ и по ночамъ грабилъ трусливыхъ. На другой день отыскался этотъ солдатъ по полученнымъ на

---

[1]) Фамилія эта и теперь существуетъ въ форштадтѣ. Прим. И. С. Шукшинцева.

ушахъ ранамъ, преданъ суду, и съ того времени оборотней въ городѣ не было. Но много позднѣе, въ 1843 или 44 г., тоже показывался подобный оборотень-свинья, и случай кончился комически.

Противъ тюрьмы показался боровъ, отставшій отъ стада. Караульный на часахъ докладываетъ офицеру, что наконецъ-то оборотень явился. Офицеръ разрѣшилъ преслѣдованіе его и даже самъ принялъ въ этомъ участіе. Преслѣдуемый былъ дѣйствительнымъ звѣремъ, отъ страха забѣжалъ въ грязь и отъ безсилія повалился. Офицеръ было схватилъ его, но онъ вырвался... Офицеръ попалъ въ густую грязь и выпачкался весь. Такъ какъ для перемѣны платья не было времени, то въ этомъ обезображенномъ и перепачканномъ видѣ попался своему начальнику, который арестовалъ его и разсказалъ другимъ о его похожденіяхъ. Офицеръ былъ прапорщикъ Дьяконовъ, кончившій курсъ Неплюевскаго военнаго училища.

Съ переводомъ Волконскаго изъ Оренбурга Ермолаевъ вышелъ въ отставку, а вновь назначенный губернаторъ Эссенъ, найдя въ дѣлахъ злоупотребленія, предалъ его военному суду, но это не имѣло для него послѣдствій. У него была на воспитаніи дочь киргизскаго султана, принятая дѣвочкою, потомъ окрещена и названа Екатериною, по крестномъ отцѣ Васильевною. Въ первый разъ вышла замужъ за адъютанта маіора Иванова и отъ него имѣла двухъ дочерей—старшую Анну Осиповну и младшую Вѣру Осиповну, жену бывшаго губернскаго предводителя дворянства Ипполита Даниловича Шоттъ, сынъ котораго послѣ меня съ 1893 г. былъ тоже губернскимъ предводителемъ дворянства. Къ нимъ перешло имѣніе Ермолаева.

Ермолаевъ былъ простого происхожденія — солдатскій сынъ, служилъ въ пѣхотномъ полку барабанщикомъ, а потомъ писаремъ.

Мой дѣдъ, сотникъ Степанъ Михайловичъ, былъ вытребованъ въ дежурство, какъ тогда назывался корпусный штабъ. Ермолаевъ вспомнилъ о немъ, когда отецъ мой былъ представленъ въ заурядъ-хорунжіе, и конвертъ съ бумагой о производствѣ понесъ, по приказанію войскового атамана, Андрея Андреевича Углицкаго, въ дежурство. Ермолаевъ спросилъ о своемъ сослуживцѣ и награда состоялась.

Взяточничество составляло общій порокъ того времени. Быть можетъ, былъ грѣшенъ въ этомъ болѣе другого и Ермолаевъ, но въ общемъ, по отзыву знавшихъ его, считался человѣкомъ религіознымъ и помогавшимъ бѣднымъ. По его завѣщанію и на его капиталъ построены двѣ церкви въ принадлежавшихъ ему деревняхъ— Рѣпьевкѣ, перешедшей къ Аннѣ Осиповнѣ Жидковой, и Кургазы, Вѣры Осиповны Шоттъ; послѣдняя церковь обезпечена капиталомъ на содержаніе духовенства.

Домъ, въ которомъ жилъ Ермолаевъ, существуетъ и въ настоящее время; онъ долго, до конца 1880 г., оставался въ рукахъ наслѣдниковъ Скрябиной; доставшись по раздѣлу дочери Шотта Ольгѣ Штернбергъ, проданъ былъ купцу Шихову. а отъ послѣдняго три года назадъ (1899 г.,) купленъ попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ Ростовцевымъ.

Къ этому дому подъ дворовое мѣсто прилегалъ почти весь прилегающій кварталъ, за исключеніемъ дома Худояръ-хана, [1]) но двѣ трети прежняго двора распроданы Ипполитомъ Даниловичемъ Шоттъ разнымъ лицамъ

---

[1]) Худояръ-ханъ, послѣдній ханъ Коканда, въ качествѣ почетнаго плѣнника жилъ въ Оренбургѣ въ домѣ на углу Водяной и Перовской улицѣ, который теперь принадлежитъ начальницѣ женской гимназіи Жанколя. Послѣдняя его совершенно перестроила.

Прим. *И. С. Шукшинцева.*

и послѣдними построены новые дома или исправлены прежнія барскія постройки.

Ермолаевъ давалъ пирушки и кормилъ обѣдами небольшое общество Оренбургскихъ интеллигентовъ, причемъ подавались преимущественно пельмени, которые дѣлались почти каждую субботу. Въ этотъ день Ермолаевъ ходилъ въ баню и за обѣдомъ подавалось всегда любимое здѣшними жителями блюдо-пельмени. Это соблюдалось во всѣхъ хорошихъ домахъ.

Это говорилъ мнѣ покойный нашъ войсковой атаманъ Иванъ Васильевичъ Падуровъ, заставшій еще старые порядки.

Въ общежитіи шампанскаго пилось мало, да и людей, понимавшихъ вкусъ въ немъ, было не много.

Для характеристики князя Волконскаго приведу рѣзко выдающійся случай.

Въ военномъ дежурствѣ, или штабѣ, по недостатку офицеровъ, способныхъ къ письмоводству, временно исполнялъ должность адъютанта гражданскій чиновникъ. Не довольствуясь своимъ скромнымъ положеніемъ, онъ пожелалъ самъ себя поднять выше: въ спискахъ о наградахъ вписалъ себя удостоеннымъ производства въ чинъ маіора; какъ онъ сдѣлалъ это, т. е. послѣ подписи бумаги Волконскимъ или прежде, исторія умалчиваетъ, но князь узналъ о его продѣлкѣ, когда производство состоялось съ переводомъ смѣльчака въ армейскій полкъ, разсердился и высказалъ рѣшимость повѣсить смѣльчака, говоря: «Повѣшу и конецъ, а государь проститъ меня старика». Однако жъ этого не случилось. Фальшивый маіоръ поступилъ въ армію и во время войны съ французами дослужился до генерала и былъ гдѣ-то губернаторомъ.

Аналогичный случай былъ въ болѣе позднее время

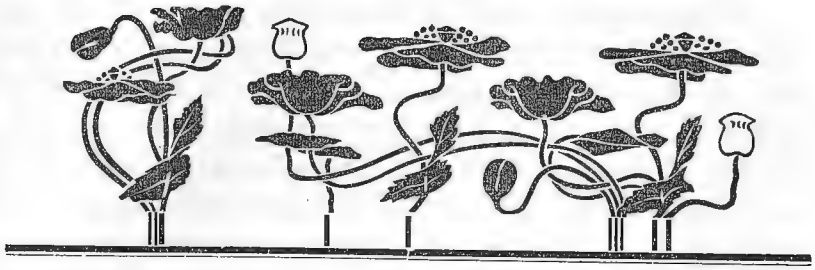
съ княземъ Воронцовымъ, новороссійскимъ генералъ губернаторомъ. Въ представленіи о наградахъ вписалъ себя одинъ мелкій чиновникъ его канцеляріи къ ордену св. Владиміра 4 степени, недостижимая награда по тому времени для мелкаго чиновника. Когда Воронцовъ получилъ бумагу объ утвержденіи его представленія, очень огорчился продѣлкой и наградою ему вовсе неизвѣстнаго лица. Открылось, что послѣдній сумѣлъ ловко вписать себя въ общій списокъ, и чтобы не компроментировать себя, Воронцовъ выгналъ этого чиновника въ отставку. Завѣдуя, какъ генералъ-губернаторъ, Новороссійскими губерніями, онъ никакъ не потерпѣлъ бы такое лицо на службѣ въ раіонѣ его власти. Господинъ этотъ уѣхалъ дальше отъ Одессы, на Кавказъ, въ Грузію, и тамъ пристроился отлично.

Воронцовъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и первымъ долгомъ потребовалъ списокъ служащихъ у него, увидалъ знакомую фамилію, собралъ справки и, когда подтвердилось его подозрѣніе, снова прогналъ чиновника въ отставку, но судьба, видимо, покровительствовала ему. Въ Петербургѣ для дѣлъ Кавказа и Грузіи образованъ былъ комитетъ. Людей, хорошо знающихъ край, не находилось. Посланъ былъ туда статсъ-секретарь Бутковъ; къ нему-то явился гонимый. Изъ разговора съ нимъ Бутковъ увидалъ, что это умный и способный господинъ, отлично знавшій Кавказъ, его нужды и болячки, а такой знатокъ и требовался въ Петербургъ для Кавказскаго комитета, куда по пріѣздѣ Бутковъ опредѣлилъ его, тянулъ за уши, повышая его, и кончилось тѣмъ, что послѣ Буткова онъ занялъ его мѣсто - статсъ-секретаря, завѣдывавшаго дѣлами Кавказскаго комитета. Въ 1872 г. я его лично видѣлъ въ канцеляріи, приходя къ бывшему сослуживцу, помощнику этого статсъ-секретаря Николаю

Николаевичу Пасмурову, и отъ него слышалъ эту исторію, но фамилію чиновника позабылъ.

П. К. Эссенъ.

(1817—1830).



V.

П. К. Эссенъ.

(1817—1830).

На мѣсто князя Волконскаго губернаторомъ въ Оренбургъ назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ, а потомъ вскорѣ произведенный въ полные генералы, Петръ Кирилловичъ Эссенъ.

Карьера его, какъ генерала, составилась случайно. Служилъ онъ въ Гатчинскомъ, т. е. лейбъ-гвардіи Павловскомъ, полку, гдѣ всѣ офицеры были лично извѣстны Павлу I, который, полагаясь на ихъ вѣрность, неимовѣрно быстро выдвигалъ ихъ зачастую и оригинальнымъ образомъ.

Встрѣтивъ Эссена на дорогѣ, идущимъ или ѣдущимъ въ Гатчину, государь посадилъ его въ свою карету и, разговаривая съ нимъ, за умные отвѣты пожаловалъ въ чинъ капитана, а черезъ часъ, когда высадилъ его изъ кареты, въ полковники, а потомъ очень скоро въ генералъ-маіоры.

Говорили объ этомъ служившіе при Эссенѣ и это весьма вѣроятно и согласно съ характеромъ Павла I-го. Онъ въ три или четыре года простого лейтенанта Кушелева довелъ до адмирала съ титуломъ графа, наградилъ крестьянами и женилъ на племянницѣ канцлера Безбородко, и отъ него пошла фамилія Кушелевыхъ-Безбородко.

Это я слышалъ, когда молодой кавалергардскій офицеръ графъ Кушелевъ—Безбородко былъ въ 1855 г. въ Оренбургѣ на вечерѣ, который для него устроилъ въ зауральной рощѣ князь Чингизъ, сынъ хана внутренней орды. Я былъ въ числѣ немногихъ его гостей.

Эссенъ былъ невысокаго происхожденія. Къ нему пріѣхалъ въ Оренбургъ его двоюродный братъ, мелкій чиновникъ, Иванъ Егоровичъ Эссенъ, котораго братъ генералъ опредѣлилъ на службу въ Оренбургскую пограничную коммиссію, откуда получалъ онъ жалованье, но самой службы не несъ, завелъ себѣ на Сыртѣ въ казачьихъ владѣніяхъ хутора, занимался скотоводствомъ, имѣлъ одну или двѣ семьи крестьянъ; скупъ былъ до невѣроятности. Въ дорогое время, когда яйца, масло и молоко были дороги, требовалъ съ хутора присылки всѣхъ этихъ продуктовъ на продажу въ Оренбургъ и не позволялъ себѣ ѣсть ничего, что можно было продать. Лошадей изъ своего табуна продавалъ въ долгъ ямщикамъ, привозившимъ сюда товары, лишь бы дали подороже, но деньги, кажется, рѣдко получалъ: ямщикъ, купившій лошадь, уже не пріѣзжалъ въ Оренбургъ. У брата своего на кухнѣ требовалъ, чтобы всѣ оставшіеся куски и корки хлѣба сберегались и отдавались ему; ими онъ кормилъ телятъ и коровъ. Крестьянамъ запрещалъ пріѣзжать въ Оренбургъ на лошади, да и самъ за 40 верстъ ходилъ пѣшкомъ. Конечно, крестьяне не слушали его, пріѣзжали

на лошади, оставляли телѣгу подъ Соболевою горою, *) а сами шли до города пѣшіе и также возвращались, а потомъ далѣе ѣхали на телѣгѣ. Когда этотъ Эссенъ умеръ, то братъ похоронилъ его на свой счетъ; жилъ онъ одиноко и послѣ смерти квартирные хозяева обобрали его.

Управленіе генерала Эссена, продолжавшееся болѣе 10 лѣтъ, не было ознаменовано никакими реформами, которыя хотя и были проектированы, но высшимъ начальствомъ не приняты. При немъ открыто въ 1825 г. Неплюевское военное училище (нынѣ Неплюевскій кадетскій корпусъ) съ комплектомъ 80 человѣкъ, но мысль объ учрежденіи такого заведенія была заявлена далеко раньше и все дѣло останавливалось за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Другимъ важнымъ историческимъ событіемъ было посѣщеніе г. Оренбурга государемъ императоромъ Александромъ 1., который пріѣхалъ сюда изъ Уфы и на память о своемъ посѣщеніи освободилъ городъ отъ воинскаго постоя. По поводу этого поставленъ былъ отъ города памятникъ около городской думы, гдѣ нынѣ водоразборная будка. Генералъ Обручевъ перенесъ его на настоящее видное мѣсто въ началѣ Николаевской улицы, на берегу р. Урала. Перовскому, вступившему во второй разъ въ управленіе краемъ, не понравилось это, онъ хотѣлъ перенесть памятникъ на старое мѣсто, но узнавъ, что переносъ сдѣланъ съ высочайшаго соизволенія, отказался отъ своего намѣренія.

Государь, посѣщая острогъ, въ числѣ арестантовъ нашелъ одного человѣка безъ имени, привезеннаго въ

---

*) Соболевою горою называется лѣвый высокій берегъ долины Сакмары, въ которомъ прорытъ съѣздъ къ мосту на этой рѣкѣ. Отъ Оренбурга въ 7 верстахъ. Прим. И. С. Шукшинцева.

Оренбургъ для содержанія въ тюрьмѣ впредь до особаго повелѣнія; имя и званіе его не было означено, а велѣно считать его подъ № и содержать въ одиночномъ заключеніи; онъ былъ помѣщенъ въ тѣсной коморкѣ, гдѣ ему нельзя было стоять во весь ростъ и спать могъ, сгибая ноги; онъ сидѣлъ нѣсколько лѣтъ и по повелѣнію государя былъ освобожденъ. Объ этомъ была статья въ «Оренбургскомъ Листкѣ» въ половинѣ 80-хъ г.г.

Генералъ Эссенъ предполагалъ сформировать изъ башкиръ нѣсколько конныхъ полковъ по образцу двухъ тептярскихъ; но мѣра эта не осуществилась какъ по политическимъ, такъ и по экономическимъ причинамъ.

Изъ дѣлъ генералъ губернаторской канцеляріи видно, что башкиры, узнавъ о такомъ предположеніи, подавали всеподаннѣйшія прошенія государю императору, высказывая прямо свое нежеланіе служить въ регулярныхъ полкахъ, считая вмѣстѣ съ тѣмъ за собою право нести службу въ установившемся временемъ порядкѣ, т. е. общую очередную для каждаго и въ національной одеждѣ.

Экономическія причины были—неимѣніе въ казнѣ денегъ, а политическая—возможность въ народѣ бунта, если обложить народъ особымъ сборомъ, отъ котораго башкиры всячески старались оградить себя, по магометанской религіи считаемаго, какъ окупъ головы каждаго вольнаго человѣка и приравненіе къ рабскому положенію.

Внутренняя жизнь губерніи во всѣхъ сословіяхъ текла при взяточничествѣ чиновниковъ, общемъ правонарушеніи, устранить которое по тогдашнему времени не было возможности.

Шайки разбойниковъ изъ бродягъ всякаго рода, а болѣе изъ башкиръ, недовольныхъ вводимыми порядками, не составляли исключенія. Появленію такихъ хищниковъ

способствовали громадные въ то время у башкиръ лѣса, большія пространства пустыхъ мѣстъ и сплошное инородческое магометанское населеніе въ уѣздахъ Стерлитамакскомъ, Оренбургскомъ и частію въ Троицкомъ и Уфимскомъ У мѣстныхъ жителей разбойники находили пріютъ и всегда были ими скрываемы.

Въ Троицкомъ уѣздѣ кантонный начальникъ Утяковъ самъ принималъ участіе и покровительствовалъ образовавшейся шайкѣ, грабившей проѣзжавшихъ по тракту на ярмарки сибирскихъ купцовъ; былъ судимъ за это и, кажется, сосланъ въ Сибирь или умеръ, не дождавшись суда. Утяковъ, вытребованный для суда въ Оренбургъ, предвидѣлъ, что не воротится въ домъ, взялъ бывшія у него нѣсколько тысячъ ассигнацій и зашилъ ихъ въ свой бешметъ, простеганный ватою. Заболѣвъ, онъ поступилъ въ госпиталь, гдѣ отобрали его собственную одежду, а дали казенную. При выходѣ изъ госпиталя Утяковъ увидѣлъ, что бешметъ распоротъ и перешитъ снова, но деньги взяты. Виновнымъ оказался служитель, завѣдывавшій аммуниціей, у котораго найдено было нѣсколько прошитыхъ по краямъ ассигнацій; за это онъ былъ наказанъ, но жена, у которой при обыскѣ найдено было нѣсколько тысячъ ассигнацій, уже перемѣненныхъ, гражданскимъ судомъ не признана виновною, и Утяковъ навсегда лишился своихъ денегъ.

Послѣ Утякова долгое время была шайка Папейки, бѣглаго изъ тептярскаго полка унтеръ-офицера; она считала все для себя позволеннымъ, т. е. грабежъ, убійство и всякое насиліе. Самъ Папейка въ одеждѣ купца открыто являлся на базары. Башкиры знали его, но не думали указать или выдать его въ руки начальства. Онъ былъ пойманъ въ 30-хъ г.г. при графѣ Перовскомъ и, наказанный по суду тѣлесно, сосланъ въ Сибирь.

Чрезъ нѣсколько времени явился столь же смѣлый башкиръ Баишка, но это относится уже къ 40 мъ г.г., когда его словилъ Верхнеуральскій исправникъ Скаряти-новъ, получившій нѣсколько ружейныхъ ранъ и награжденный за это орденомъ св. Владиміра 4 степени.

Мелкія разбойничьи партіи не обращали ни чьего вниманія и генералъ Обручевъ въ 1842 или 43 г. посылалъ Оренбургскихъ казаковъ для преслѣдованія такихъ отважныхъ витязей, грабившихъ даже подъ самымъ г. Стерлитамакомъ. Мѣра эта не была одобрена и онъ получилъ замѣчаніе, что до него военныя команды не употреблялись въ подобныхъ случаяхъ, и онъ долженъ ограничиваться при преслѣдованіи дурныхъ людей мѣстнымъ населеніемъ.

Въ киргизской степи баранты, угоны скота и разграбленіе каравановъ было обычнымъ дѣломъ. Посылались военные отряды подъ начальствомъ полковниковъ Щеглова, Ціолковскаго и другихъ, но дѣйствія ограничивались раззореніемъ попадавшихся отрядамъ киргизскихъ ауловъ, отогнаніемъ скота. Батыри и джигиты успѣвали скрыться и снова начинали свое дѣло въ другомъ мѣстѣ.

Русскіе люди въ большомъ количествѣ забирались въ плѣнъ киргизами и продавались въ рабство въ Хиву и Бухару на всемъ протяженіи линіи и на Каспійскомъ морѣ, куда выѣзжали преимущественно крестьяне. Замѣчательнымъ плѣнникомъ былъ адъютантъ командующаго Оренбургскимъ войскомъ есаулъ Падуровъ, взятый въ плѣнъ во время проѣзда по дѣламъ службы между Татищевской и Переволоцкой крѣпостями.

Во время управленія Эссена былъ посланъ въ Бухару караванъ русскихъ товаровъ, порученный Оренбургскому купцу Кандалову, подъ прикрытіемъ казаковъ Уральскаго и Оренбургскаго войска. Караванъ, дойдя до

Эмбы, былъ остановленъ скопищемъ хивинцевъ и киргизъ, брошенъ на мѣстѣ и потомъ разграбленъ, а войска возвратились на линію. Казна, купившая товары, понесла убытки *).

Начальникомъ отряда былъ полковникъ Ціолковскій, а главная причина возвращенія войскъ состояла въ томъ, что зимою, когда выступилъ караванъ, верблюды и лошади не находили подножнаго корма, а люди—довольствія, отпущеннаго по расчету обыкновенной караванной ходьбы.

Для охраненія Оренбургской линіи выставлялась кордонная стража въ значительномъ числѣ изъ башкиръ, ставропольскихъ калмыкъ и казаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существовало распоряженіе преслѣдовать хищниковъ киргизъ только по внутренней сторонѣ, переѣздъ за Уралъ для преслѣдованія строго воспрещался, но впослѣдствіи дозволялось это не далѣе 5 верстъ въ глубь степи. Въ первомъ случаѣ киргизы, угнавъ скотъ и плѣнивъ людей, спокойно останавливались на другомъ берегу рѣки, будучи вполнѣ увѣрены, что погони не будетъ, а во второмъ—самихъ преслѣдователей ловили киргизы изъ близкихъ ауловъ, не участвовавшіе въ набѣгѣ, и привозили въ крѣпости комендантамъ какъ воровъ, намѣревающихся ограбить ихъ, мирныхъ жителей.

Вѣроятно, были и случаи наказанія такихъ смѣльчаковъ состороны начальства, погнавшихся за своимъ добромъ, которое они зорко ограждали въ своихъ домахъ, не допуская пропускъ киргизъ.

Въ 20-хъ г. былъ пущенъ слухъ въ приволжскихъ

---

*) Въ библіотекѣ Архивной Коммиссіи хранится дневникъ Кандалова. Онъ напечатанъ въ газетѣ «Оренбургскій Край» за 1893 г.

Прим. И. С. Шукшинцева.

губерніяхъ—Саратовской, Симбирской и смежныхъ съ ними за Волгою объ особенно плодородныхъ земляхъ въ степи, около Сыръ-Дарьи, которая по народному убѣжденію имѣла не воду, а молоко, берега кисельные, рыба вынималась изъ рѣки руками, нужны были только ложки, чтобы ѣсть кисель съ молокомъ; никакой барщины тамъ нѣтъ, а отъ царя—де есть дозволеніе переходить и селиться на Сыръ Дарьѣ всѣмъ желающимъ.

При такомъ слухѣ все крѣпостное крестьянство тронулось съ своихъ мѣстъ; тамошнія власти не могла ничего подѣлать; народъ валилъ тысячами въ Оренбургъ; нѣсколько казачьихъ полковъ изъ Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ выставлены были по дорогѣ возвращать переселенцевъ въ прежнія ихъ мѣста жительства; нѣсколько партій однако-жъ добрались до Оренбурга, а довѣрчивые ихъ товарищи изъ разговоровъ съ простымъ народомъ убѣдились, что молочной рѣки съ кисельными берегами нѣтъ.

Въ управленіе Эссена краемъ вкрались большія злоупотребленія: въ тептярскіе полки рекрута, сдаваемые прямо въ полки, принимались безъ строгаго осмотра-слабые, больные и съ хроническими болѣзнями; за снисхожденіе давались взятки; лошади были мало способныя къ конному строю; овса вовсе не давали, а деньги за него оставались въ карманѣ полкового командира и растрачивались на веселую жизнь; сѣно давалось сполна, но сотенные командиры тоже имѣли поползновеніе получить въ свою пользу что-нибудь, и благодаря этому лошади содержались зимою на одной соломѣ, а весною, когда нужно было итти въ Оренбургъ, много было паршивыхъ лошадей.

При вступленіи въ городъ полкъ входилъ не въ

Генералъ-Губернаторскій домъ. Преображенскій соборъ. Главная гауптвахта.
Набережная р. Урала.

разъ; больныя лошади одного полка замѣнялись здоровыми другого и даже изъ казачьей артиллеріи, гдѣ лошади были казенныя.

Генералъ Эссенъ жилъ въ казенномъ губернаторскомъ домѣ на берегу Урала, около Преображенскаго собора, въ которомъ помѣщался покойный императоръ Александръ 1-й. На этомъ домѣ была прибита доска съ надписью золотыми буквами о семъ событіи, которую я самъ читалъ. Полагаю, что это было во второй половинѣ 30-хъ годовъ, когда я уже умѣлъ читать и когда мнѣ позволяли уходить съ товарищами такъ далеко.

Домъ этотъ былъ сломанъ и построенъ новый для житья генералъ-губернаторовъ въ 1840 г., а съ 1885 г., занятъ казенною палатою.

Эссенъ жилъ въ Оренбургѣ одинокимъ и давалъ въ торжественные дни обѣды, на которые приглашались выдающіяся по своему служебному значенію лица. На обѣды его въ простые дни приглашались ежедневно назначавшіеся къ нему ординарцами офицеры, что соблюдалось и при его преемникахъ, но при Перовскомъ этого не было, и самые офицеры не наряжались.

По разсказамъ Эссенъ не пользовался особымъ уваженіемъ въ Петербургѣ и вліяніе его не было замѣтно. Награды по его представленіямъ давались рѣдко; у военныхъ шло повышеніе въ установленномъ порядкѣ. Въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ число штабъ офицеровъ дошло до двухъ человѣкъ, присутствующихъ въ войсковой канцеляріи, а командирами непремѣннаго полка для того, чтобы представленіе Эссена было въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшено, собирались складочныя деньги и посылались въ Петербургъ черезъ извѣстное лицо.

Образованныхъ офицеровъ и чиновниковъ было мало; въ число первыхъ входили свѣтски—воспитанные

люди, занимавшіе мѣста адъютантовъ, но дѣломъ не занимавшіеся; письмоводство лежало на военныхъ писаряхъ и казачьихъ урядникахъ, вытребованныхъ для письменныхъ занятій изъ войска подъ наблюденіемъ дежурнаго штабъ—офицера и начальника штаба, да и на этихъ должностяхъ были не всегда соотвѣтствующія своему назначенію лица, какъ напр. генералъ Мистровъ, долгое время служившій бригаднымъ командиромъ и жившій въ казачьей станицѣ, по тогдашнему крѣпости; дежурный штабъ - офицеръ маіоръ Матернъ, котораго устранилъ отъ должности генералъ Перовскій, приказавшій ему написать у себя въ кабинетѣ экстренную бумагу, составить которую онъ не могъ.

Не лучше чиновники были и въ губернаторской канцеляріи; за исключеніемъ правителя и секретаря прочіе всѣ малограмотные и не всегда трезвые, о чемъ можно судить по слѣдующему. Нѣсколько человѣкъ этихъ господъ, порядочно подвыпивъ въ трактирѣ, вздумали итти гурьбой на вечерки забавляться съ собравшимися тамъ дѣвками, но хозяинъ, зная ихъ, не пустилъ, ворота заперъ запоромъ. Домъ былъ недалеко отъ крѣпостного вала, на которомъ стояло артиллерійское орудіе. Толпа чиновниковъ столкнула его на низъ, прикатила къ дому и, двигая взадъ и впередъ, ударяла въ ворота, которыя не выдержали и упали,—толпа вошла въ домъ къ общему ужасу бывшихъ тамъ женщинъ.

Доложено было Эссену о буйствѣ его чиновниковъ. Онъ потребовалъ всѣхъ къ себѣ. Идя къ губернатору, нѣкоторые говорили, что вѣрно всѣхъ накажутъ палками, а одинъ татаринъ сказалъ, что 100 палокъ для него ничего, лишь бы больше не пришлось получить. Это мнѣ говорилъ бывшій въ числѣ участниковъ титулярный

совѣтникъ Василій Николаевичъ Астафьевъ, умершій въ концѣ 50-хъ гг.

Этотъ же Астафьевъ говорилъ мнѣ, что служа въ канцеляріи губернатора по пограничному отдѣленію, ввѣренному военному офицеру Герману, пришелъ къ нему по дѣлу, и тотъ, требуя отъ него какую то бумагу и не получая, пошелъ за саблею, стоявшею нѣсколько дальше, грозя изрубить Астафьева. Этотъ же тотчасъ выбѣжалъ на дворъ, который былъ обширенъ. Германъ за нимъ въ догонку съ обнаженною саблею. Бѣгая достаточно, Германъ усталъ и споткнулся. Пользуясь этимъ благопріятнымъ случаемъ, Астафьевъ вбѣжалъ въ комнату, дверь заперъ на крючекъ и спросилъ лакея, куда положилъ его баринъ принесенную имъ утромъ бумагу. Тотъ нашелъ ее и подалъ. Астафьевъ, отперевъ дверь, отдалъ бумагу Герману, а тотъ сказалъ: «Счастливъ, что не попался: изрубилъ бы тебя саблею!».

Конечно, у Эссена были способные и достойные помощники, которымъ вручались важныя дѣла; таковъ былъ инженерный штабъ-офицеръ Генсъ, который обратилъ на себя вниманіе и при этомъ губернаторѣ получилъ мѣсто предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи, на какомъ мѣстѣ былъ дотолѣ Оренбургскій комендантъ, генералъ, вовсе не подготовленный къ такому назначенію.

Въ краѣ по наружности было спокойно, но возмущенія въ степи не прекращались; туда часто высылались военные отряды казаковъ, башкиръ и частію пѣхотные солдаты. Подъ давленіемъ силы все укладывалось мирно до времени. Внутри же губерніи, особенно съ Башкиріи, разбои и грабежи происходили преимущественно въ лѣсистыхъ мѣстахъ и по большимъ дорогамъ, о чемъ мною было сказано выше. Такова картина Оренбургскаго края въ 20-хъ гг.

Гражданскія власти не дѣйствовали, даже высшія лица не гнушались взятками.

Мнѣ говорилъ чиновникъ Шипковскій, что бывшій земскій исправникъ князь Давлеткильдеевъ (изъ татаръ), по отрѣшеніи отъ должности, въ торжественный день въ губернскомъ городѣ Уфѣ нанялъ толпу пьяныхъ мужиковъ съ ломами и повелъ къ дому губернатора Дебу, намѣреваясь разломать въ домѣ фундаментъ. На вопросъ полицеймейстера, что онъ дѣлаетъ, отвѣтилъ, что желаетъ выломать фундаментъ, который сдѣланъ на его деньги, данныя во взятку губернатору.

Тотъ же исправникъ, служа въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, открыто всѣмъ говорилъ, что тотъ плохой исправникъ, который не соберетъ въ годъ 12 пудовъ серебра.

Отъ военнаго губернатора ему было предписано избрать на общемъ собраніи башкиръ уѣзда кантоннаго начальника. Конечно, въ желающихъ не было недостатка.

Выбирали трехъ лицъ: Ибрагимова, Каипова и Акчулпанова.

Давлеткильдеевъ, не обижая никого, поровну взялъ съ каждаго по 3 тысячи рублей, каждаго увѣрялъ и обѣщалъ, а бывшіе при немъ земскіе чины выпили 12 ведеръ одной французской водки въ пуншѣ. Кончивъ свое дѣло, исправникъ сказалъ кандидатамъ, чтобы ѣхали въ Оренбургъ, такъ какъ дѣло въ рукахъ губернатора Эссена и его чиновниковъ. Утвержденъ былъ Ибрагимовъ, а у остальныхъ деньги пропали. Давлеткильдеевъ сказалъ, что плохо хлопотали и потому не успѣли, а на самомъ дѣлѣ избраніе рѣшалось числомъ шаровъ, чего простаки не понимали.

Кромѣ всего изложеннаго, въ сосѣдней Пермской губерніи грабежи и разбои были отъ каторжныхъ и бѣглыхъ изъ Сибири, скрывавшихся въ горныхъ заводахъ,

сосѣдственныхъ съ Оренбургскою губерніею, въ которыхъ все заводсское населеніе и самые владѣльцы были раскольники.

Военный губернаторъ Эссенъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе обозрѣть эти заводы и когда онъ пріѣхалъ на пермскіе частные заводы, владѣльцы и управляющіе ихъ затруднявшіеся скрыть каторжныхъ, спускали ихъ живыми въ доменныя печи. Выходилъ одинъ металлъ, а отъ людей исчезали всякіе признаки.

Передъ 12-мъ годомъ заводчикъ Демидовъ, живя за границей и зная о намѣреніяхъ Наполеона, который при удачѣ желалъ уничтожить крѣпостное право, продалъ свои Киштымскіе заводы съ нѣсколькими тысячами крестьянъ и 700 т. десятинъ земли купцу раскольнику Расторгуеву за 500 т. руб. асс. и послѣдній сдѣлался владѣльцемъ громаднаго имѣнія и теперь находящагося въ рукахъ его потомства.

Генералъ Эссенъ держался новаго направленія и Александровскихъ началъ, съ подкладкою Павловскихъ требованій. Былъ довольно строгъ, желалъ поднять военную часть на современное состояніе. Башкиры и всѣ казаки носили простую одежду, формы не существовало. Эссенъ старался ввести ее. Требованіе его въ отношеніи форменной одежды было особенно строго къ Оренбургскому войску. Жившіе въ форштадтѣ казаки считались на дѣйствительной службѣ, получали казенное довольствіе, а офицеры жалованье въ мизерномъ размѣрѣ: хорунжій 17 р., сотникъ 22 р., есаулъ 28 р. въ годъ на нынѣшнія деньги.

Эссенъ обязывалъ офицеровъ и по своимъ дѣламъ ходить въ формѣ, и въ этомъ отношеніи требованіе доходило до комичнаго. Одинъ офицеръ купилъ тушу баранины и несъ покупку самъ. Встрѣтился ему Эссенъ. Нуж-

но отдать ему честь. Офицеръ сталъ во фронтъ, одною рукою держалъ подъ козырекъ, а другою—рядомъ поставленную тушу баранины, которая какъ будто тоже отдаетъ генералу честь. Послѣ этого случая требованіе формы нѣсколько убавилось.

Во время Эссена изъ войскъ Оренбургскаго края составился отдѣльный Оренбургскій корпусъ и онъ носилъ званіе корпуснаго командира. Ежедневно къ нему посылались ординарцы отъ пѣхоты и отъ казаковъ конные офицеры, урядникъ или унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ; съ конными Эссенъ выѣзжалъ, когда ѣхалъ куда верхомъ.

При немъ были сформированы два конныхъ полка изъ тептярей и конно-артиллерійская казачья бригада, въ коихъ командиры и большая часть офицеровъ были мѣстные помѣщики или регулярные офицеры.

На правахъ командира бригады тептярскими полками командовалъ чиновникъ особыхъ порученій, полковникъ Щегловъ; онъ же былъ начальникомъ лѣтней кордонной стражи изъ Оренбургскихъ казаковъ, башкиръ и ставропольскихъ калмыкъ.

Командиры частей имѣли большіе доходы отъ фуража и обмундированія нижнихъ чиновъ, а Щегловъ или распускалъ за деньги въ дома башкиръ до срока, или часть ихъ пребывала въ городѣ, а показывалась на Бердянско-Куралинской линіи, гдѣ полагалось казенное содержаніе; послѣднее выдавалось дѣйствительно стоявшимъ тамъ въ небольшомъ количествѣ, а на остальныхъ деньги оставались въ карманѣ Щеглова.

Въ лѣтнее время лица эти вели широкую жизнь на Маячной горѣ въ лагерѣ, куда часто пріѣзжалъ Эссенъ со свитой. Пѣсни, музыка, вино лилось рѣкою, ужины были великолѣпные. Въ особенности умѣньемъ пожить и

угостить отличались командиръ 1-го тептярскаго полка полковникъ Окуневъ и полковникъ Щегловъ. У обоихъ служилъ мой отецъ и часто вспоминалъ былое: о Щегловѣ всегда говорилъ, что для него былъ онъ отецъ, а для другихъ хуже собаки: наказывалъ башкиръ безчеловѣчно; если они усматривали издалека, что идетъ Щегловъ въ лагерь, то руки просто опускались, ибо рѣдкій оставался не наказаннымъ. При такихъ условіяхъ, очевидно не было недостатка въ желающихъ заплатить 25 или 50 р., хорошо не помню, и уйти домой. Деньги брались открыто, въ лагерѣ на устройство лѣтнихъ бараковъ; конечно, часть попадала по назначенію, но львиная доля оставалась въ карманѣ у полковника.

О такихъ злоупотребленіяхъ были доносы въ Петербургъ. Пріѣзжалъ въ Оренбургъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, впослѣдствіи Петербургскій генералъ-губернаторъ, но дѣла оставались въ прежнемъ видѣ до назначенія Эссена на должность Петербургскаго военнаго губернатора.

Въ его управленіе въ Оренбургѣ завелось тайное общество съ политическою цѣлью; оно было какъ-бы отдѣленіемъ Петербургскаго общества и основателемъ его былъ морской офицеръ Завалишинъ, сосланный на житье въ Оренбургъ.

Цѣлью Завалишина было основать такое общество, потомъ открыть его предъ начальствомъ и тѣмъ оправдать себя и возвратить себѣ прежнее положеніе. Такъ и случилось. Изъ молодыхъ линейныхъ баталіоновъ и казачьихъ офицеровъ, едва-ли понимавшихъ что-нибудь въ политическихъ дѣлахъ, образовался кружокъ, писались протоколы и пьяные подписывали, не зная и не понимая ничего, а потомъ возникло дѣло.

Руководитель Завалишинъ, какъ хорошо образован-

ный и хорошей семьи, Эссеномъ былъ представленъ Государю, какъ человѣкъ, открывшій существовавшее общество и сумѣвшій отыскать необходимые для обвиненія факты, но дѣло не выгорѣло; при слѣдствіи обнаружено, кто былъ руководителемъ. По рѣшенію верховнаго суда сослали въ каторжную работу самого Завалишина, пѣхотнаго офицера Колесникова другихъ въ Сибирь, а казачьихъ двухъ офицеровъ, одинъ Ветошниковъ, въ уваженіе ихъ молодости и чистосердечнаго сознанія, что они ничего не понимали, что подписывали, разжаловали и отдали въ пѣхотные полки для службы солдатами.

Завалишинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ прощенъ и жилъ въ Иркутскѣ. Моряки, ѣхавшіе на службу въ восточную нашу флотилію, считали долгомъ явиться на поклонъ къ Завалишину, въ чемъ ихъ благомыслящіе люди укоряли Добавлю, что современники событію говорили, что въ бумагахъ общества найдены были приготовленныя предписанія башкирскимъ кантоннымъ начальникамъ о высылкѣ въ Оренбургъ нѣсколькихъ полковъ съ оружіемъ подъ предлогомъ посылки въ армію, причемъ подпись Эссена была прекрасно поддѣлана. Съ прибытіемъ полковъ полагали начать бунтъ противъ правительства и перебить своихъ начальниковъ.

Другое крупное уголовное дѣло при управленіи Эссена было погребеніе женою своего законнаго мужа, богатаго помѣщика Бугурусланскаго уѣзда. Усыпивъ его, жена положила въ гробъ и похоронила на кладбищѣ. Подземные стоны несчастнаго были услышаны проходившими людьми и переданы куда слѣдуетъ. Вдова вышла или думала выйти за своего управляющаго, съ которымъ была въ связи, и старый мужъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, но влюбленнымъ не доставало возможности законнаго соединенія. Долго производилось дѣло, и

большія деньги помогли потушить его. Говорили, что бывшій правитель канцеляріи губернатора Шамонинъ за свое содѣйствіе взялъ много и на эти деньги купилъ себѣ имѣніе въ 300 душъ.

При Эссенѣ состоялъ еще другой чиновникъ особыхъ порученій, его бывшій адъютантъ, полковникъ Ціолковскій. Онъ отдѣльной части не имѣлъ, а занятъ былъ по башкирскимъ дѣламъ, и въ 1834 г. былъ назначенъ командующимъ башкирскимъ войскомъ и, женившись на дочери помѣщика Крашенинникова, оставался здѣсь до своей смерти. За послѣднее время Ціолковскіе обѣднѣли, а когда-то были богаты, гостепріимны, въ особенности самъ старикъ, который, какъ полякъ, покровительствовалъ ссылавшимся сюда полякамъ.

Былъ еще одинъ военный офицеръ Германъ, занимавшійся при Эссенѣ дипломатическими дѣлами по сношеніямъ съ Хивинскимъ ханомъ и Бухарскимъ эмиромъ. Этотъ былъ какой то сумазбродъ, любитель женщинъ и безобразникъ по этой части; простыхъ женщинъ онъ останавливалъ на улицѣ, открыто обнималъ и цѣловалъ. Циникъ высшей руки, онъ въ одно время диктовалъ писарю какую-либо важную бумагу, курилъ трубку и безобразничалъ. Но, говорятъ, въ обществѣ былъ человѣкъ любезный, и въ него влюбилась дочь сенатора Мансурова, дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, поѣхала за нимъ въ погоню, когда онъ уѣзжалъ изъ Оренбурга, но не добившись ничего, умерла въ началѣ 1846 г. дѣвою.

Про этого Германа говорили, что на почтовой станціи въ ожиданіи лошадей спали въ одной комнатѣ Германъ, проѣзжавшая барыня и священникъ. Ночью Германъ подошелъ къ барынѣ съ неблагонамѣренной цѣлью; та дала ему пощечину. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, Германъ отпустилъ тяжеловѣсную плюху попу;

тотъ проснулся и говоритъ. «Кто это дерется?» Дама отвѣчаетъ: «Мало еще, надо бы больше». Германъ перевертывается на своемъ диванѣ и ворчитъ: «Что за шумъ, не даютъ и поспать!»

До прибытія генерала Эссена городъ Оренбургъ существовалъ уже 70 лѣтъ, и въ управленіе его, длившееся болѣе 10 лѣтъ, общественнаго дома для собраній интеллигенціи не было.

Чиновный классъ собирался у своихъ начальниковъ по большимъ праздникамъ, а семейно проводили время болѣе значительные въ помѣщеніяхъ частныхъ лицъ, но и послѣднихъ было мало.

Въ лѣтнее время для народныхъ гуляній была зауральная роща, противъ города, между Ураломъ и Старицею.

Эссенъ первый изъ начальниковъ обратилъ вниманіе на благоустройство ея: построилъ бесѣдки для гуляющихъ, проложилъ дорожки какъ по Уралу и Старицѣ, такъ и поперечныя, онѣ выходили къ одной изъ бесѣдокъ; дорожки утрамбовывались и усыпались пескомъ и роща всегда содержалась въ опрятномъ видѣ. Работы исполнялись присылаемыми на лѣтнее время башкирами, какъ на службу; наблюденіе лежало на урядникѣ и нѣсколькихъ казакахъ.

Лѣтомъ въ праздники въ рощу посылалась музыка и пѣсенники изъ казаковъ и солдатъ. Въ торжественные царскіе дни устраивались фейерверки. Существовалъ безплатный переѣздъ на паромѣ черезъ рѣку изъ города въ рощу и обратно, но простонародіе не перевозилось, а желающимъ не воспрещалось гулять въ рощѣ, но должны были ходить черезъ мостъ, гдѣ таковой и теперь существуетъ, а гуляющіе располагались далѣе середины рощи, противъ аллеи теперешняго общества садоводства

Къ отъѣзду Эссена построена была каменная бесѣдка на площадкѣ за рукавомъ старицы, гдѣ она оставалась долгое время и лишь въ 1890-хъ гг. перевезена въ скверъ противъ городской думы. Изъ этой бесѣдки уѣхалъ Эссенъ послѣ прощальной хлѣба-соли.

При князѣ Волконскомъ и Эссенѣ въ Оренбургѣ едва-ли кто жилъ изъ богатыхъ помѣщиковъ, кромѣ Тимашевыхъ. Изъ послѣднихъ Егоръ Николаевичъ былъ командующимъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ и правилъ въ этой должности въ трудное для него время, когда богатыя его имѣнія были распущены и находились подъ опекою.

Мансуровыхъ было двѣ—одна дѣвица, а другая вдова Габбе, о которой сказано выше, братъ ихъ, Николай Александровичъ Мансуровъ, служилъ въ Петербургѣ.

Даже богатыхъ купцовъ еще не было. Первымъ считался Осоргинъ, скоро раззорившійся; иногородніе—Пичугинъ, Веснинъ и Дюковъ жили здѣсь наѣздомъ, предпочитая свою родину—г. Ростовъ Ярославской губерніи;—почему общественной жизни въ Оренбургѣ не существовало, собраній не было, жили семейно по родству и по знакомству, и если собирались представители, то въ большіе праздники у губернатора. Онъ былъ первымъ лицомъ по значенію и по средствамъ жизни, а за нимъ выдѣлялись винные откупщики—Еникуцевъ, Звенигородскій, а уже послѣ Горячевъ.

Относительно благоустройства города генералъ Эссенъ требовалъ, чтобы около каждаго дома былъ полисадникъ и въ немъ насажены деревья. Домовладѣльцы, побуждаемые полиціею, садили деревья и огораживали ихъ полисадниками, а въ болѣе глухихъ улицахъ допускались изъ плетня. Казенные дома были обсажены лучшими деревьями. На большой или нынѣшней Николаевской ули-

цѣ насадка была по обѣимъ сторонамъ, и улица эта представляла аллею; поливка была постоянно аккуратная и деревья быстро разростались; замѣчательныя по высотѣ деревья были по гостинодворской сторонѣ у домовъ девизіоннаго и бригаднаго командировъ, дома нынѣшняго 2-го корпуса и у дома Тимашева, нынѣ Ладыгина. Тутъ деревья оставались до послѣдняго времени и срублены при перестройкѣ домовъ, какъ мѣшавшія работѣ. При домѣ киргизской школы, кажется, и теперь имѣются два или три дерева посадки того времени.

Въ прочихъ мѣстахъ полисадники съ деревьями первое время содержались исправно, но вслѣдствіе сухости воздуха, сильныхъ жаровъ, а зимою морозовъ, затруднительности поливки, для которой воду нужно было привозить изъ Урала, деревья сохли и уничтожались. Я посадилъ около своего дома, по Петропавловской улицѣ, нѣсколько березъ, которыя принялись и росли до 1840 г., а въ этомъ году раннею весною погибли вслѣдствіе поврежденія корней морозами.

По Николаевской улицѣ во всю ея длину былъ выложенъ тротуаръ, слѣды котораго сохранились противъ дома киргизской школы, прежде занимаемомъ Оренбургскою пограничною комиссіею, и противъ дома купца Оглодкова, а прежде генералъ губернаторскаго.

Гдѣ жили первые губернаторы, не слыхалъ; о князѣ Волконскомъ говорили, что домъ, занимаемый имъ, былъ на мѣстѣ нынѣшней женской гимназіи, а прежде Неплюевскаго училища, около Троицкой церкви. Здѣсь былъ центръ города; площадь, начиная отъ казеннаго дома, выходившаго на нее, со скверами (нынѣ собачій садикъ), простиралась до дома Исакова. Существующіе тутъ дома явились на моей памяти.

Мѣсто это представляло одно удобство для главнаго

Домъ, въ которомъ останавливался А. С. Пушкинъ и жили первые Оренбургскіе Генералъ-Губернаторы.

начальника края—положеніе въ центрѣ города. Неудобства были: близость базара, гдѣ всегда шумъ, и постоянная пыль. Въ этомъ отношеніи мѣсто на возвышенномъ берегу рѣки, гдѣ воздухъ чище и нѣтъ вовсе шума, было предпочтено, и туда перешелъ въ концѣ своего управленія князь Волконскій. Правитель его канцеляріи, Ермолаевъ, на другой сторонѣ, бокъ-о-бокъ съ нимъ. Тутъ жилъ Эссенъ, и останавливался государь Александръ I, но въ 1835 г. тутъ были уже развалины, а потому графъ Сухтеленъ избралъ частный домъ Тимашева, барски построенный, а самъ хозяинъ, избранный губернскимъ предводителемъ дворянства, уѣхалъ въ Уфу. Въ этомъ же домѣ проживалъ во время перваго управленія графъ Перовскій.

Оренбургъ до 1830 г., когда я сталъ понимать окружавшее меня, представлялъ изъ себя крѣпость, обнесенную землянымъ валомъ, составлявшимъ девятибастіонный фронтъ, по всей линіи въ частяхъ, примыкающихъ къ Уралу, эскарпы и контръ-эскарпы были насыпные изъ земли и обложены дерномъ; бастіоны, примыкавшіе къ выѣзднымъ воротамъ (которыхъ было четверо: Сакмарскія, Орскія, Чернорѣченскія и Водяныя), сложены были изъ тесанаго мѣстнаго краснаго камня, но не всѣ сплошь, а только въ выходящихъ углахъ и контръ-эскарпы куртинъ, а послѣднія, какъ хорошо защищенныя перекрестнымъ огнемъ, были земляныя. Около Сакмарскихъ воротъ, за нынѣшнею Николаевскою улицею и кладбищемъ, противъ двухъ бастіоновъ были устроены параллельно имъ равелины, которые носили въ народѣ названіе стараго или маленькаго вала.

Отъ Водяныхъ воротъ, по нынѣшней Водяной улицѣ, поворотомъ къ Уралу валъ былъ каменный, не толще $1\frac{1}{2}$—2 аршинъ и по свойству возвышающейся здѣсь мѣстности приспособленъ былъ для ружейной обороны;

этотъ валъ, гдѣ онъ по необходимости возвышался въ уровень съ другими бастіонами, поддерживался изнутри контръ-форсами, сдѣланными тоже изъ камня. По линіи бастіоновъ, отъ Орскихъ до Чернорѣченскихъ воротъ, стояли во входящихъ углахъ крѣпостныя пушки на лафетахъ, полагаю, не болѣе полупудоваго калибра.

Вотъ все вооруженіе Оренбурга со времени его основанія до половины 30-хъ г.г., а въ это время бывшій корпусный командиръ Перовскій призналъ необходимымъ усилить оборону устройствомъ оборонительныхъ казармъ, имѣющихъ окна, обращенныя къ форштадту, узкія, въ видѣ бойницъ, для ружейной обороны, а впереди ихъ ровъ, который былъ по всей линіи бастіоновъ одинаковой ширины и глубины и по тогдашнимъ фортификаціоннымъ правиламъ съ кругою обрѣзкою краевъ наружной стороны.

Постоянный гарнизонъ составляли два линейныхъ пѣхотныхъ баталіона, двѣ роты крѣпостной гарнизонной артиллеріи, военнорабочая инженерная рота и крѣпостные арестанты, употреблявшіеся на работы по военному вѣдомству.

Въ лѣтнее время, съ 15 мая, на усиленіе войскъ приходили одинъ тептярскій конный полкъ, имѣвшій зимнія квартиры въ г. Стерлитамакѣ, двѣ конныя батареи Оренбургскаго казачьяго войска въ 12-ти орудійномъ составѣ, особыя команды въ нѣсколько сотенъ Оренбургскихъ казаковъ, Ставропольскихъ калмыкъ, башкиръ, мещеряковъ; число послѣднихъ доходило иногда до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и они употреблялись преимущественно для казенныхъ работъ при возведеніи новыхъ и исправленіи старыхъ зданій.

Войска, имѣвшія назначеніемъ охрану—конная артиллерія, тептярскій полкъ, казаки и частію башкиры,

Бесѣдка поставленная Эссеномъ первоначально
въ Зауральной рощѣ.

располагались лагеремъ на Маячной горѣ въ баракахъ; послѣдніе у артиллеристовъ и тептярей были лучше, чѣмъ у казаковъ и башкиръ, имѣвшихъ плетневые бараки, впослѣдствіи замѣненные деревянными.

Отъ покойнаго отца моего я слышалъ, что при этомъ работали башкиры и они же дали деньги на покупку лѣса и другого матеріала. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что башкиры, внесшіе 50 р., освобождались отъ службы и уходили домой.

Рабочія команды башкиръ, за неимѣніемъ мѣста на Маякѣ, размѣщались за Ураломъ по берегу Старицы въ землянкахъ, а немногіе въ плетневыхъ мазанкахъ.

Вступленіе лѣтнихъ войскъ въ городъ каждый разъ было полнымъ церемоніаломъ. Чрезъ Сакмарскія ворота по Николаевской улицѣ тептяри и артиллеристы вступали съ музыкою, за ними казаки, Ставропольскіе калмыки и башкиры; послѣдніе въ національныхъ костюмахъ: въ длинныхъ кафтанахъ и остроконечныхъ войлочныхъ шапкахъ или колпакахъ, имѣвшихъ съ боковъ красные отвороты изъ кумача.

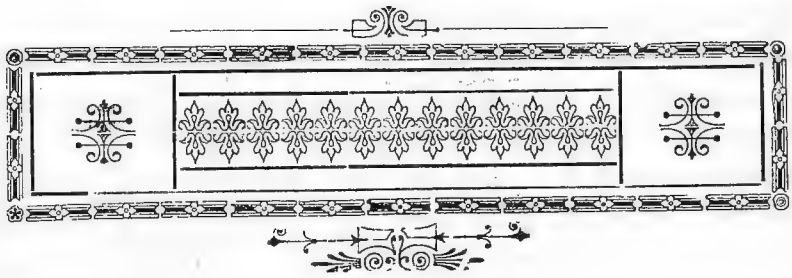
Войска, пройдя городъ, въ Водяныя ворота выходили изъ города и размѣщались въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Къ составу приходившихъ лѣтомъ войскъ относились казаки Оренбургскаго войска непремѣннаго тысячнаго полка, жившіе въ казачьемъ форштадтѣ, въ отрядахъ Бердскомъ, Каменно-Озерномъ и Нѣженскомъ, а впослѣдствіи выселенные отсюда въ Благословенный, Угольный (нынѣ Богуславскій) и Григорьевскій, но въ лагери ихъ никогда не выводили.

Въ полномъ объемѣ сказанное относится до времени назначенія генерала Перовскаго военнымъ губернаторомъ и корпуснымъ командиромъ.

Графъ П. П. Сухтеленъ.

[1830—1833].



VI.

Графъ П. П. Сухтеленъ.

(1830—1833).

Съ переводомъ генерала Эссена въ С.-Петербургъ сюда назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генералъ-адъютантъ, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ—человѣкъ добрый, сердечно относившійся къ каждому, гуманный въ обращеніи и замѣчательно выдававшійся своимъ умомъ.

При неустроенномъ положеніи дѣлъ въ краѣ онъ вѣрно понялъ, чего не доставало для общаго благоустройства, не сочувствовалъ мѣрамъ, предположеннымъ его предшественниками къ водворенію здѣсь спокойствія и охраненію отъ хищническихъ набѣговъ киргизъ въ предѣлы губерніи.

Трудъ предстоялъ огромный, и графъ Сухтеленъ старался найти себѣ способныхъ, дѣловыхъ и вполнѣ надежныхъ помощниковъ, каковые нашлись и явились на

службу сюда по приглашенію. Они суть: маіоръ, а впослѣдствіи генералъ-маіоръ, Акимъ Ивановичъ Середа, подполковникъ Николай Александровичъ Мансуровъ, Геке, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и наказный атаманъ Уральскаго войска; инженеръ-подполковникъ Генсъ, послѣ тайный совѣтникъ и предсѣдатель Оренбургской пограничной коммиссіи; генеральнаго штаба полковникъ Тюфяевъ, Жемчужниковъ, остававшійся здѣсь безъ дѣла отставной штабсъ-капитанъ Балкашинъ, уволенный отъ службы за невѣрное составленіе въ историческомъ отношеніи маршрута путешествія государя Александра 1-го (причина была женитьба Балкашина на вдовѣ Габбе, которою онъ занимался болѣе, чѣмъ службою), правитель канцеляріи Николай Васильевичъ Жуковскій.

Мансуровъ, Геке, Жемчужниковъ посылались съ военными отрядами въ степь; Генсъ все время занимался киргизскими дѣлами и по сношенію съ Хивою и Бухарою; Балкашинъ былъ его личнымъ адъютантомъ и имѣлъ дѣла въ Башкиріи и занимался изслѣдованіемъ мѣстностей, гдѣ впослѣдствіи проложенъ былъ такъ называемый коммерческій трактъ черезъ Уральскія горы въ самой лѣсистой мѣстности, отъ Верхнеуральска до Стерлитамака, сдѣлавшій доступнымъ провозъ товаровъ съ р. Бѣлой отъ Уфы на Уралъ къ Верхнеуральску и доставившій удобное сообщеніе устроеннымъ тамъ заводамъ и вмѣстѣ движеніе войскамъ, если бы вспыхнулъ среди башкиръ бунтъ.

Много и другихъ лицъ нашелъ Сухтеленъ, способствовавшихъ и содѣйствовавшихъ прочному устройству края. Графъ лично обозрѣвалъ губернію, расположенныя въ ней регулярныя войска и казаковъ, отказался отъ предложенія Эссена сформировать 18 башкирскихъ полковъ для охраненія линіи, что стоило бы очень дорого и па-

дая на этотъ же народъ, справедливо могло произвести въ немъ ропотъ и даже возстаніе, усмирять которое пришлось бы вооруженною силою. Въ замѣнъ сего Сухтеленъ находилъ болѣе надежнымъ охраненіе безопасности линіи основать на коренныхъ русскихъ, для чего слѣдовало усилить Оренбургское казачье войско; въ этихъ видахъ полагалъ обратить въ казаковъ четыре поселенные на линіи пѣхотные баталіона, мало полезные здѣсь какъ пѣшее войско, сюда же переселить казаковъ внутреннихъ кантоновъ, а равно бѣлопахатныхъ солдатъ и солдатскихъ малолѣтковъ, жившихъ въ Оренбургской и частію Симбирской губерніи; изъ башкиръ четыре кантона, въ Оренбургскомъ, Верхнеуральскомъ, Челябинскомъ и Троицкомъ уѣздахъ, оставить какъ войско на старомъ положеніи для несенія службы; остальныхъ башкиръ, жившихъ въ уѣздахъ нынѣшней Уфимской, Пермской и Вятской губерній, обратить въ податное состояніе съ подчиненіемъ удѣльному вѣдомству, по тогдашнему времени отличавшемуся своею системою управленія и заботливостью и имѣвшему болѣе способныхъ чиновниковъ; передачу предполагалось начать съ башкиръ Пермской губерніи

Всѣ эти предположенія были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ и удостоились высочайшаго одобренія, но преждевременная смерть этого государственнаго человѣка остановила на время исполненіе его проектовъ.

При жизни графа Сухтелена послѣдовало одно весьма важное узаконеніе: это высочайшій указъ 10 апрѣля 1832 г. о признаніи башкиръ вотчинниками тѣхъ земель, коими они безспорно владѣли, съ правами продажи и отдачи въ кортому (аренду) лицамъ всѣхъ сословій и съ обязательствомъ надѣлить землею проживающихъ у нихъ припущенниковъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ по согла-

шенію съ вотчинниками на различныхъ условіяхъ; число ихъ было по 7 ревизіи 100 т. душъ.

Кромѣ внутреннихъ административныхъ мѣръ графъ Сухтеленъ болѣе всего придавалъ значенія образованію инородцевъ, чрезъ которое они могли сближаться съ русскими, усвоить общій взглядъ образованныхъ людей на цѣль жизни и выйти изъ—подъ вліянія фанатическаго магометанскаго духовенства. Обученные медицинѣ молодые магометане могли бы лечить своихъ единовѣрцевъ, обращавшихся за помощью къ мулламъ и ишанамъ, проводившимъ всегда и во всемъ свой взглядъ, основанный на ложномъ толкованіи корана.

По ходатайству, начатому Сухтеленомъ, въ 1835 г. послѣдовало высочайшее соизволеніе на открытіе 20 стипендій при Казанскомъ университетѣ для магометанъ Оренбургской губерніи съ отпускомъ изъ казны 12 т. р. ас. ежегодно.

Мѣра эта была распространена и на башкиръ, которые посылались сначала въ Казанскую гимназію, а оттуда переходили въ университетъ; къ сожалѣнію очень немногіе оканчивали курсъ. Впослѣдствіи нѣкоторые татары чиновники помѣщали на эти стипендіи своихъ сыновей, но простой народъ ничѣмъ не высказывалъ желанія учиться въ университетѣ.*)

На сколько гуманенъ и вѣжливъ былъ въ обращеніи графъ Сухтеленъ, укажу на слѣдующее.

Замѣтивъ не совсѣмъ трезвое поведеніе одного частнаго пристава, временно исправлявшаго должность поли-

---

*) Объ этомъ см. нашу статью «Первые врачи изъ башкиръ въ Оренбургскомъ краѣ», помѣщенную въ XI вып. «Трудовъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи», стр. 11.

И. С. Шукшинцевъ.

цмейстера и являвшагося къ нему утромъ съ рапортомъ о благополучіи города нѣсколько выпившимъ, графъ сдѣлалъ ему отеческое наставленіе, какъ дурно чиновнику съ такимъ ароматомъ являться къ начальству, и высказалъ увѣренность, что впредь этого не будетъ.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день дежурный чиновникъ канцеляріи являлся къ нему на случай надобности. Эти чиновники завтракали вмѣстѣ съ графомъ. Случилось быть чиновнику невысокаго полета дежурнымъ. Предъ завтракомъ человѣкъ разносилъ на подносѣ водку и въ числѣ другихъ подалъ дежурному. Выпивъ рюмку, онъ сказалъ: «Дай на закуску калача». Графъ любезно указалъ ему бѣлый и черный хлѣбъ, лежавшій на подносѣ съ другою закускою. Чиновникъ не видѣлъ ничего подобнаго ни у себя, ни у другихъ, смѣшался и взялъ, когда ему было указано.

Казачій ординарецъ урядникъ Ваулинъ (дворянинъ) отъ скуки игралъ въ карты въ носы съ лакеемъ губернатора. Все шло тихо, спокойно, пока Ваулинъ при розыгрышѣ билъ лакея по носу; но когда послѣдній получилъ самъ право бить его по носу, Ваулинъ началъ съ лакеемъ драку. Произошелъ шумъ. Графъ услыхалъ это, вышелъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, выговаривалъ Ваулину, какъ неприлично и нетерпимо дворянину связываться съ лакеемъ играть въ карты и драться.

Графъ Сухтеленъ, не смотря на краткое время управленія и занятія дѣлами, обратилъ вниманіе на поднятіе военнаго дѣла у казаковъ: онъ приказывалъ собирать ихъ зимою въ избы, гдѣ инструкторы обучали ихъ поворотамъ, маршировкѣ, сабельнымъ пріемамъ отданія чести и употребленія въ бою; коннымъ строемъ занимались весною, по посѣвѣ хлѣбовъ, а лѣтомъ бывали большія маневры.

Я помню, какъ насъ двоихъ старшихъ сыновей отецъ, служа въ кордонной стражѣ, отпускалъ, конечно, въ сопровожденіи надежныхъ людей на лошадяхъ смотрѣть маневры.

Въ сборѣ были линейные баталіоны, пѣшая артиллерія, казаки, башкиры, калмыки и тептярскій полкъ одинъ, а можетъ быть и два, конная казачья артиллерія. Съ Маяка направлялись къ городу, останавливались около сада, потомъ госпиталя, окружали городъ отъ Сакмарскихъ до Чернорѣченскихъ воротъ и далѣе къ Уралу; на валу пѣхота стрѣляла изъ ружей въ наступавшихъ, дозволяя себѣ класть въ зарядъ песокъ и мелкую гальку, при чемъ стрѣляли прямо въ лицо.

Озлобленные башкиры и калмыки влѣзали на валъ и вступали въ драку, употребляя въ дѣло нагайки. Такая же защита была моста на р. Уралѣ. Маневры кончались часовъ въ 6 вечера. На другой день обнаруживалось нѣсколько несчастныхъ случаевъ: временная потеря зрѣнія отъ засоренія, искалеченіе упавшихъ съ лошадей, и тогда пострадалъ, какъ говорили, казакъ артиллеристъ, прибивавшій зарядъ и не успѣвшій отнять руки, когда зарядъ вылетѣлъ; обѣ руки были оторваны.

Графъ Сухтеленъ жилъ и умеръ въ домѣ Тимашева, что противъ Вознесенской церкви. Хоронили его съ особенною пышностью: въ парадѣ были войска всѣхъ родовъ оружія, стрѣляли изъ пушекъ и ружей; предъ Шапошниковской богадѣльней было пустое мѣсто и на немъ стояла артиллерія; выстрѣлами побило много стеколъ въ домахъ.

Сухтеленъ былъ положенъ въ оградѣ Петропавловской церкви. Гробъ везли народомъ, пожелавшимъ отдать честь любимому начальнику.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ гробъ былъ увезенъ его дочерью въ родовой склепъ; на могилѣ остался одинъ па-

мятникъ въ видѣ скалы изъ гребенского камня съ вызолоченною доскою о времени кончины покойника. *) Въ 1835 г. или позже доска была украдена; вѣроятно, воръ полагалъ, что она цѣнная.

Лѣтомъ графъ Сухтеленъ жилъ въ саду, гдѣ нынѣ архіерейскій дворъ. Самый садъ въ то время былъ много лучше. Для работъ въ немъ назначались башкиры, а для караула зимою урядникъ и казаки.

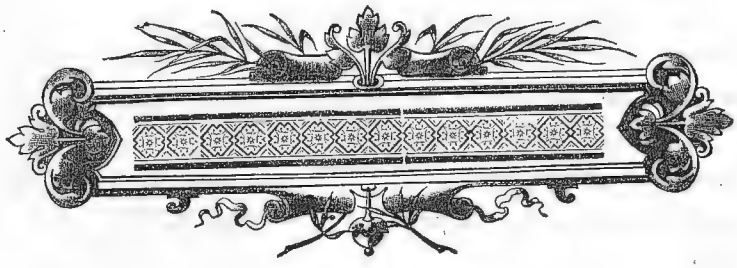
Въ праздники бывали фейерверки за Ураломъ въ въ рощѣ; тамъ же бывала музыка и пѣсенники.

Вечеромъ въ торжественные дни ставили на окнахъ зажженыя свѣчи, но не далѣе 10 часовъ, а въ отдаленныхъ частяхъ гасились раньше. Плошками иллюминовались рѣдкіе дома: казенные или самыхъ богатыхъ людей.

*) По другимъ свѣдѣніямъ прахъ Сухтелена не былъ потревоженъ и покоится на мѣстѣ первоначальнаго его погребенія. См. статью С. Н. Севастьянова въ IX вып. «Трудовъ Оренб. Уч. Ар. Ком.» стр. 81. И. С. Шукшинцевъ.

Графъ В. А. Перовскій

(1833—1842).



VII.

Графъ В. А. Перовскій.

(1833—1842).

Послѣ смерти Сухтелена военнымъ губернаторомъ и командиромъ корпуса былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Головнинъ, не пріѣзжавшій сюда и получившій назначеніе на Кавказъ, а въ Оренбургъ прибылъ генералъ-адъютантъ, генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Въ Оренбургѣ былъ много старшій его по службѣ начальникъ 18-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, долгое время здѣсь служившій; онъ въ порядкѣ подчиненности долженъ былъ поступить подъ начальство младшаго и совсѣмъ молодого генерала Перовскаго, которому было 36—38 лѣтъ.

Перовскій всецѣло слѣдовалъ высочайше одобреннымъ предположеніямъ графа Сухтелена и стремился всѣми мѣрами къ тому, чтобы скорѣе и безъ особой ломки привести ихъ въ исполненіе. При самомъ вступленіи

въ должность онъ озаботился привлечь себѣ сотрудниковъ молодыхъ, даровитыхъ и хорошо образованныхъ, а все, что не подходило подъ эти условія, получало отставку: начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Мистровъ, дежурный штабъ-офицеръ Матернъ были замѣнены первый полковникомъ генеральнаго штаба Рокосовскимъ, а Матернъ другимъ.

Генералъ Дренякинъ, имѣвшій квартиру въ крѣпости Кизильской, выслужилъ 20 лѣтъ въ нижнемъ чинѣ, получилъ знакъ св. Анны за безпорочную службу, потомъ уже чинъ прапорщика и дослужился до генералъ-маіора по гарнизону и бригаднаго командира. Говорятъ онъ былъ прежде кузнецъ и хорошій хозяинъ. Съ увольненіемъ въ отставку онъ отправилъ на родину, въ Тамбовскую губернію, на 150 подводахъ собственныхъ лошадей разнаго имущества, включая сюда кадки соленаго бараньяго мяса, приготовленнаго въ прокъ для дворни. Два родные брата его, служившіе при императорѣ Павлѣ въ гвардіи, тоже были генералы и, сверхъ того, пожалованы помѣстьями.

Бригадные командиры на линіи, сверхъ прямыхъ обязанностей по сей должности, были начальниками кордонной стражи, высылавшейся на лѣтнее время для охраны линіи отъ набѣговъ киргизъ. Имъ поручали и другія дѣла, возникавшія у башкиръ и киргизъ, и отъ всего они извлекали доходы. Со вступленіемъ Перовскаго два бригадныхъ генерала и почти всѣ коменданты линейныхъ крѣпостей, за исключеніемъ Орска и Илецкой защиты, были упразднены. Четыре линейныхъ баталіона солдатъ обращены въ казаковъ. Оренбургская пограничная комиссія въ лицѣ новаго предсѣдателя, полковника, а потомъ генералъ-маіора Генса, получила умнаго, энергичнаго и достаточно ознакомившагося съ краемъ началь-

ника. Генсъ все время пользовался уваженіемъ Перовскаго.

Башкирскій народъ, имѣвшій своихъ кантонныхъ начальниковъ и подчиненный земскимъ исправникамъ, получилъ отдѣльное управленіе по образцу казачьяго, такъ какъ обязанности его заключались въ отправленіи военный службы вмѣстѣ съ казаками. Начальникъ ихъ былъ названъ командующимъ башкирскимъ войскамъ и пребываніе его назначено въ Оренбургѣ.

Какъ я уже говорилъ, въ Оренбургъ на высшія должности назначались старики генералы, служба которыхъ въ арміи являлась безполезной. Генералъ-маіоръ Гельдъ, при назначеніи Перовскаго, командовалъ Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ. О военныхъ дарованіяхъ его и заслугахъ его мало извѣстно, а неспособность свою онъ проявилъ на первыхъ порахъ.

Въ войскѣ въ 1835 г. вводилась общественная запашка для обезпеченія народнаго продовольствія. Эта благая по основанію мѣра, требовавшая обязательнаго труда, не была разъяснена казакамъ какъ слѣдуетъ. Казаки видѣли въ ней что-то новое, напоминавшее барщину, не повѣрили, чтобы государь требовалъ отъ нихъ сверхъ службы еще обязательной работы, отказались повиноваться и сѣять хлѣбъ. Замѣчательно, что отказы начались съ ближайшихъ къ Оренбургу станицъ, кажется, Чернорѣченской. Станичный начальникъ донесъ кантонному начальнику, жившему въ крѣпости Нижнеозерной; тотъ послалъ свое донесеніе обратнымъ путемъ въ войсковую канцелярію. Пока тамъ судили и рядили, что дѣлать, прошло болѣе недѣли; наконецъ рѣшено было донести военному губернатору. Перовскій получилъ рапортъ и его взорвала медленность и неумѣлость потушить дѣло въ самомъ началѣ. Тотчасъ же приказалъ онъ гото-

вить экипажъ къ отъѣзду, одному изъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Оренбургѣ, слѣдовать за нимъ въ Чернорѣченскую крѣпость, гдѣ получить письменное приказаніе. Проѣздомъ черезъ Оренбургъ Перовскій заѣхалъ на квартиру генерала Гельда, котораго засталъ потерявшимся и ничего не придпринимавшимъ для подавленія волненія. Перовскій на слова генерала, что казаки не слушаются и бунтуютъ, отвѣтилъ, что онъ заѣхалъ къ нему для того, чтобы сказать ему, что онъ не генералъ, а . . . . . Запашка введена была съ принятіемъ крутыхъ мѣръ: шпицрутены и плети, отдача въ солдаты и выселеніе на болѣе отдаленныя мѣста (станицы Новоорская и Кумацкая образовались изъ непокорныхъ казаковъ) укротили непокорныхъ.—Генералъ Гельдъ былъ переведенъ на мѣсто коменданта въ Оренбургѣ, а командующимъ Оренбургскимъ войскамъ назначенъ генералъ-маіоръ Щуцкій, человѣкъ крутой, строгій, требовательный, ничего не спускавшій, а съ нижними чинами жестокій. Когда онъ ѣздилъ по войску, казаки трепетали. Розги и нагайки были въ постоянномъ ходу. Какъ администраторъ, Щуцкій ничѣмъ себя не заявилъ и Перовскій, убѣдившись въ малоспособности казачьихъ дѣятелей, ихъ безтолковости, важнѣйшія дѣла въ войскѣ, а именно: общественную запашку, заведеніе новой линіи отъ Орска до станицъ на р. Уѣ и всѣ подготовительныя мѣры къ переселенію казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на новую линію велъ непосредственно отъ себя чрезъ особо образованныя учрежденія.

Дѣлами общественной запашки первое время управлялъ инженеръ-капитанъ Агапьевъ, имѣвшій у себя и другія дѣла по хозяйственнымъ постройкамъ казенныхъ зданій въ Оренбургѣ, для чего въ его распоряженіи была большая команда рабочихъ башкиръ. Агапьевъ на свою

часть изъ урожая хлѣба, поступавшаго въ казну на довольствіе войскъ, получалъ отъ 10 до 12 тыс. руб. ас.; не довольствуясь такимъ громаднымъ содержаніемъ, онъ извлекалъ выгоды изъ употребленія башкиръ на работу по постройкѣ себѣ дома, для котораго пользовался казенными матеріалами.

Перовскій, узнавъ объ этомъ, лишилъ его своего довѣрія безъ особой огласки, а когда Агапьевъ пришелъ благодарить его за высокую по тогдашнему времени награду, орденъ св. Станислава на шею, Перовскій сказалъ ему, что онъ подлецъ и долженъ благодарить не за награду, которой не заслужилъ, а за то, что ошибся въ немъ, считая его честнымъ человѣкомъ, когда въ душѣ онъ былъ всегда подлецомъ, а потомъ въ приказѣ опубликовалъ всѣ его дѣйствія.

Общественная запашка впервые была введена въ селеніяхъ удѣльныхъ крестьянъ, откуда, нѣтъ сомнѣнія, она взята и примѣнена къ Оренбургскимъ казакамъ. Въ какихъ видахъ и въ какомъ размѣрѣ сѣяли хлѣбъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ не извѣстно; для учрежденія сего издававшіяся правила не опубликовывались; но какъ вѣдомство удѣловъ во всемъ считалось образцовымъ, то и было предположено подчинить его управленію башкиръ. Братъ генерала Перовскаго, Левъ Алексѣевичъ, состоялъ товарищемъ министра двора и удѣловъ, и отъ него могли быть заимствованы необходимыя указанія.

Изъ сего должно вывести заключеніе, что Оренбургскій военный губернаторъ желалъ кое-что изъ новыхъ порядковъ примѣнить къ казакамъ и былъ увѣренъ въ несомнѣнной пользѣ запашки у казаковъ. Составителемъ проекта былъ капитанъ Агапьевъ и по его проекту, получившему высочайшее утвержденіе, предполагалось: засѣвать ежегодно по одному пуду на каждаго казака,

исполняя всѣ относящіяся сюда работы—распашку, посѣвъ, жнитво и молотьбу—трудомъ казаковъ. Хлѣбъ въ извѣстномъ количествѣ долженъ былъ поступать для образованія запасовъ на неурожайные года у самихъ казаковъ, а остальная часть урожая подлежала сдачѣ въ казенные провіантскіе магазины на довольствіе войскъ по постоянно опредѣленной цѣнѣ, 25 или 26 коп. за пудъ. Полученныя деньги распредѣлялись въ процентномъ отношеніи въ денежный запасный продовольственный капиталъ, въ награду лицамъ, наблюдавшимъ на мѣстѣ за работами, и служащимъ въ центральномъ управленіи по запашкѣ, каковое было при канцеляріи губернатора отдѣльное, не входившее въ общій составъ.

Завѣдывали симъ отдѣленіемъ лица по назначенію военнаго губернатора изъ людей, пользовавшихся его довѣріемъ; остальные служащіе были писарч изъ казачьихъ урядниковъ.

Кромѣ намѣченной цѣли – обезпеченія казачьяго населенія въ неурожайные годы – имѣлось въ виду усилить войсковой казачій капиталъ, тогда почти не существовавшій, но необходимый для преобразованія войска.

Хлѣбъ предполагалось продавать киргизамъ по уменьшенной цѣнѣ, чтобы подорвать начавшіеся у нихъ посѣвы, угрожавшіе въ недалекомъ будущемъ хлѣбопашеству казаковъ и опасному въ политическомъ отношеніи: киргизы, заведя свои посѣвы, могли перейти въ независимое отъ русскихъ положеніе и плотнѣе общиться съ Хивою и Бухарою, имъ единовѣрными.

Неудача въ самомъ началѣ испортила дѣло. Ни простые казаки, ни ближайшее начальство не были убѣждены въ пользѣ запашекъ, видѣли въ нихъ одно обремененіе, выгодами же пользовались одни наблюдавшіе за работами, и запашка, по общему мнѣнію, считалась бар-

щиною, усилить которую, увеличить трудъ казаковъ впослѣдствіи зависѣло отъ начальства. Казаки не вѣрили, чтобы на это была воля государя, которому они служатъ во всемъ на своемъ содержаніи, а тутъ еще отъ нихъ требуютъ трудъ для наградъ наблюдающихъ.

Посѣять одинъ пудъ не требуетъ много времени, но на самомъ дѣлѣ было не то: въ семьѣ два—три казака, изъ нихъ одинъ на службѣ внѣ дома, отецъ старикъ, и одному работнику посѣять и убрать три пуда дѣло не легкое, ибо при усиленныхъ работахъ требовалось на это до двухъ недѣль, которыя нужно было взять въ дорогое время и въ ущербъ своему хозяйству.

При строгомъ требованіи начальства въ наблюдающіе избирались самые строгіе люди. Они, видя свой интересъ въ своевременной работѣ, прибѣгали къ палкѣ, плети, когда кого замѣчали нерадивымъ. Отчисленіе на долю наблюдающихъ доходило до довольно хорошаго вознагражденія—900 руб. асс. въ годъ; двумъ помощникамъ въ половинномъ размѣрѣ.

Въ первые года, пока Перовскій былъ губернаторомъ, запашка шла удовлетворительно, но съ 1839 года дѣла начали клониться къ упадку; въ этотъ годъ былъ сильный неурожай, и запашка ничего не могла дать. Черезъ годъ начались переселенія казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на линію и запашка не могла производиться всѣмъ населеніемъ, а въ 1842 г. вмѣсто Перовскаго назначенъ былъ генералъ Обручевъ, съ первыхъ дней не сочувствовавшій многимъ проектамъ своего предмѣстника, а общественной запашкѣ въ особенности. Переселившіеся на линію казаки внутреннихъ станицъ, въ которыхъ сильно укоренилось отвращеніе отъ сего дѣла, передали это отвращеніе на новомъ мѣстѣ своимъ товарищамъ. Запашка ни въ комъ не находила сочувствія. Обручевъ

прекратилъ выдачи наградъ, упразднилъ существовавшее при его канцеляріи особое отдѣленіе, передавъ все дѣло на попеченіе войскового правленія, требуя однихъ отчетовъ. Запашка на дѣлѣ продолжалась, хлѣбъ сѣяли на плохо вспаханной землѣ и послѣ собственнаго казачьяго посѣва, и если родилось что-нибудь, убирали тоже по окончаніи своихъ работъ, вслѣдствіе чего хлѣба получалось очень мало. Все это повело къ ходатайству о прекращеніи запашки. Ко вторичному вступленію Перовскаго въ управленіе краемъ дѣло было разсмотрѣно въ министерствѣ и продолженіе его будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

Перовскій, желая изыскать положительные источники войсковыхъ доходовъ, ходатайствовалъ о дарованіи войску права на нѣдра земли и какъ по мѣстному положенію болѣе всего на казачьихъ земляхъ могла развиваться золотопромышленность, то просилъ объ отпускѣ изъ казны 150 т. руб. ас., или 43 т. р. по настоящему счету. Право это даровано въ 1835 г; войско получаетъ вышеуказанную сумму, оставивъ за казною право распоряжаться допускомъ частныхъ лицъ къ разработкѣ золотоносныхъ розсыпей.

Первое время не было предпринимателей, казаки ничего не получали и министерство финансовъ высказалось за прекращеніе отпусковъ. Въ 1842—45 гг. явился предприниматель, казачій офицеръ Колбинъ, открывшій золото, и съ того времени промышленность эта развилась: золота добывается до 100 пудовъ въ годъ, а нынѣ найдено жильное золото въ Качкарской системѣ.

Неблагородные металлы и минералы войску предоставлено право отдавать въ арендное содержаніе особымъ закономъ, испрошеннымъ по представленію графа Перовскаго въ 1853—55 г., но до сего времени такихъ отдачъ

не было, но несомнѣнно, что рудныя богатства находятся въ нѣдрахъ войсковыхъ земель.

Естественныя богатства на башкирскихъ земляхъ были въ рукахъ частныхъ промышленниковъ, которые получали большія выгоды въ свою пользу, платя ничтожную арендную сумму и нанимая въ работу ихъ же за низкое вознагражденіе.

Народъ этотъ имѣлъ своихъ кантонныхъ начальниковъ и старшинъ, жившихъ на его счетъ и взятками обогащавшихся, — жалованье платить было не изъ чего.

Графъ Сухтеленъ обратилъ на это вниманіе и установилъ взимать особыя пошлины съ частныхъ лѣсопромышленниковъ, заготовлявшихъ въ башкирскихъ лѣсахъ бревна, дрова и другія издѣлія, опредѣливъ самый размѣръ, сколько хозяинъ можетъ продать въ годъ, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы продажа производилась на базарахъ, куда лѣсные матеріалы должны вывозиться гужомъ, а отнюдь не сплавомъ.

Закономъ, изданнымъ въ 1833 г., о продажѣ башкирскихъ земель постановлено третью часть договорной суммы обращать въ общественный капиталъ; тоже самое должно было соблюдаться при отдачѣ земель въ кортому. Такимъ образомъ положено было основаніе башкирскимъ капиталамъ, достигшимъ впослѣдствіи значительныхъ размѣровъ.

Правила эти произвели коренную реформу. Частныя лица не могли безъ общаго согласія вотчинниковъ-владѣльцевъ земли брать послѣднія съ нѣсколькими вліятельными хозяевами и эксплоатировать башкирскія угодья; для этого нужно было письменное согласіе вотчинниковъ, изложенное въ приговорѣ, утвержденіе приговора военнымъ губернаторомъ и заключеніе форменнаго контракта. Продѣлать всю эту процедуру требовалось много времени

и большихъ расходовъ въ раздачѣ на руки башкирамъ карманныхъ денегъ, на подарки кантоннымъ начальникамъ, старшинамъ, безъ содѣйствія которыхъ дѣло не могло осуществиться, а когда не получалось утвержденія приговора, то всѣ расходы пропадали, искать было не съ кого, такъ какъ башкиры расписокъ не давали. Такимъ образомъ изъ башкирскихъ лѣсовъ были изгнаны даже такіе промышленники, контракты которыхъ составлялись съ согласія вотчинниковъ, но являлось какое-либо нарушеніе. Предъявлять иски сами башкиры не могли; за нихъ ходатайствовали ихъ стряпчіе по предписанію начальства, а послѣднее прямо предписывало изгонять промышленниковъ простымъ распоряженіемъ земской полиціи, которая не могла ослушаться приказанія военнаго губернатора.

Изъ такого положенія дѣла Перовскій находилъ возможнымъ извлечь доходъ въ общую пользу башкиръ, края и на другія потребности. Заведены были три поташныхъ завода, на которые лѣсъ доставлялся башкирами изъ ихъ дачъ за опредѣленную плату, передѣлывался въ шадрикъ, а потомъ въ поташъ, который отправлялся на баркахъ для продажи въ Нижній Новгородъ, куда ѣздилъ особый чиновникъ, спеціально занимавшійся этимъ дѣломъ, стряпчій Королевъ. Ежегодный доходъ достигалъ до 100 т. руб. по тогдашнему счету. Изъ этого капитала львиная доля уходила на награды служившимъ при Перовскомъ: командующій башкирскимъ войскомъ Ціолковскій и Балкашинъ получали по 10 т. руб. въ годъ, что при тогдашнемъ скудномъ содержаніи давало возможность жить на широкую ногу.

Наблюдавшіе на мѣстѣ довольствовались небольшими окладами, но и они также умѣли найти свои доходы: зола отъ башкиръ принималась вмѣсто пуда съ добавкою

10 фунтовъ; мочала, ободья и другія мелкія издѣлія браковались и бракъ принимался по низкой цѣнѣ.

Со вступленіемъ Обручева поташные заводы существовали не болѣе года и были имъ закрыты.

Въ другомъ видѣ доходъ отъ лѣсовъ получался въ самомъ Оренбургѣ, который всегда пользовался строевымъ лѣсомъ и дровами изъ Башкиріи. По ходатайству Перовскаго послѣдовало Высочайшее повелѣніе покупать у башкиръ лѣса, рубить на мѣстахъ по вольной цѣнѣ, а сплавъ производить по рр. Уралу и Сакмарѣ до Оренбурга башкирами, наряжавшимися для сего на службу, какъ и другія рабочія команды. По введеніи такого порядка дрова на отопленіе казенныхъ зданій доставлялись по самой низкой цѣнѣ—отъ 1 руб. 50 к. до 3 р. 50 к. за 3-хполѣнную сажень по нынѣшнимъ цѣнамъ; по такой же низкой расцѣнкѣ были и бревна для казенныхъ работъ. Въ заготовленіи лѣсъ обходился нѣсколько дороже и доплата разности относилась на частныхъ лицъ, которымъ лѣсъ продавался по довольно возвышенной цѣнѣ. Лѣсной операціей завѣдывало особое хозяйственное управленіе по заготовленію строительныхъ матеріаловъ, а другое, тоже хозяйственное отдѣленіе, вѣдало приготовленіе строительнаго камня, извести, кирпича, которые тоже приготовлялись башкирскими рабочими командами, содержавшимися на счетъ своихъ обществъ, а за работу получавшими плату по низкой цѣнѣ: 5 1/2 к. пѣшему и 11 коп. конному за урокъ по урочному положенію, которое на столько было низко, что за дневную работу конный получалъ 5 коп., а пѣшій 2 коп.

Обоими отдѣленіями первое время завѣдывалъ инженеръ-полковникъ Тафаевъ, а впослѣдствіи въ первомъ были чиновники особыхъ порученій губернатора, а въ послѣднемъ инженерные офицеры.

Доходы отъ этихъ операцій были значительные, состояли въ полномъ распоряженіи Перовскаго и дали ему возможность увеличить составъ управленія главнаго начальника края. Въ его личномъ штатѣ было много лицъ образованнаго класса и извѣстныхъ фамилій. Личные его адъютанты были всѣ молодые гвардейскіе офицеры: Капустовъ, Челяевъ, Габбе, Виткевичъ, не оправдавшій себя въ политическомъ отношеніи и кончившій жизнь самоубійствомъ *). Изъ гражданскихъ чиновниковъ были братья Ханыковы, Даль, въ литературѣ «Казакъ Луганскій», — все извѣстныя имена.

Весь этотъ кружокъ, со включеніемъ лицъ, занимавшихъ высшія должности, составлялъ интеллигенцію. Жизнь этого кружка была отраженіемъ жизни высшаго столичнаго общества и благотворно дѣйствовала на средній классъ.

Оренбургъ въ то время стоялъ далеко выше губернскаго города Уфы, въ которомъ богатые мѣстные помѣщики вовсе не жили, аристократію составляли предсѣдатели и совѣтники различныхъ палатъ, выслужившіеся изъ канцелярскихъ чиновниковъ; къ нимъ принадлежали нерѣдко вице-губернаторы, и самъ губернаторъ, если онъ былъ образованный человѣкъ, терялся между ними.

Перовскій въ первое время управленія оставался въ Оренбургѣ и много разнообразилъ общественную жизнь: на Пасху происходила борьба и скачки; призы Перовскій выдавалъ отъ себя хотя и не дорогіе, но въ общемъ на довольно значительную сумму; потомъ большія скачки бывали лѣтомъ около горы Сулака, въ 10 и 12 в. отъ

*) О немъ см. нашу статью «Дѣло о полякахъ въ Оренбургѣ 1833 г.» въ «Русскомъ Архивѣ» за 1902 г., стр. 661.

И. С. Шукщинцевъ.

Общій видъ Караванъ-Сарая.

Мечеть въ Караванъ-Сараѣ.

Оренбурга, и наконецъ для привлеченія къ себѣ народа Перовскій въ праздники, проѣзжая верхомъ подъ качелями и казачьемъ форштадтѣ, кидалъ въ толпу мелкія серебряныя деньги.

Перовскій нерѣдко посѣщалъ церкви, но чаще бывалъ въ Вознесенской, какъ самой ближайшей къ его квартирѣ. При выходѣ изъ церкви давалъ одному изъ молившихся купцовъ горсть мелкихъ серебряныхъ денегъ для раздачи нищимъ. Порядка этого Перовскій не измѣнялъ и при вторичномъ управленіи краемъ. Я самъ видѣлъ эту подачку въ церкви Петра и Павла. Вообще на раздачу народу денегъ Перовскій былъ очень щедръ. Послѣ него Катенинъ тоже не былъ скупъ на подачки за простую услугу, но милостыни нищимъ открыто никто изъ генералъ-губернаторовъ не давалъ.

Изъ прибылей по торговлѣ мѣстными товарами составился такъ называемый экономическій капиталъ, состоявшій въ полномъ распоряженіи главныхъ начальниковъ края.

Перовскій въ первое управленіе построилъ караванъ-сарай, занятый нынѣ губернскимъ правленіемъ и квартирою губернатора; домъ, занятый нынѣ реальнымъ училищемъ, ко времени увольненія Перовскаго не былъ вполнѣ отстроенъ, предполагался онъ для особаго назначенія, но по ходатайству генерала Обручева занятъ былъ 2-мъ эскадрономъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, а потомъ уже переданъ въ министерство народнаго просвѣщенія: въ немъ сначала помѣщался учительскій институтъ, замѣненный реальнымъ училищемъ. При немъ же выстроено дворянское собраніе, существовавшее подъ этимъ названіемъ до 1879 г.; въ этомъ году во время сильнаго пожара, уничтожившаго большую половину города, зданіе сильно пострадало; на ремонтъ его мѣстныхъ

средствъ не было и по распоряженію генералъ-губернатора Крыжановскаго оно было передано городу и названо общественнымъ; поправка его произведена городомъ на долгосрочную ссуду, взятую изъ банка. Хотя оно носитъ названіе общественнаго собранія, но по прежнему служитъ для интеллигентовъ — чиновниковъ, а купцы устроили свое коммерческое собраніе, для котораго нанимаютъ частные дома.

Зданіе общественнаго собранія можно бы возвратить дворянству, но губернскій предводитель Шоттъ по недостатку у дворянъ средствъ и въ виду дѣла о раздѣлѣ общаго дворянскаго имущества между оренбургскимъ и уфимскимъ дворянствомъ нигдѣ не просилъ объ этомъ, а въ мое предводительство дворяне желали вернуть себѣ это зданіе, но такъ какъ оно юридически принадлежитъ городскому обществу и управляется старшинами, то послѣдніе не согласились на передачу и даже не прислали отвѣта на мое предложеніе объ условіяхъ.

Лѣсные доходы, кромѣ построекъ, расходовались и на другіе предметы по непосредственному усмотрѣнію начальника края. Прибылей было много въ управленіе Перовскаго, когда существовали особенно выгодные поташные заводы. Въ это время выдавались награды, пособія чиновникамъ, усиливалось содержаніе другихъ изъ нихъ. Перовскій на экстраординарные расходы получалъ изъ казны всего 10 т. руб. ас. въ годъ, расходовъ же у него было много: строилъ себѣ на кочевкѣ дворецъ, лѣтнія помѣщенія, имѣлъ большой штатъ служащихъ, жившихъ съ нимъ вмѣстѣ и на его счетъ. Для пособій обращавшимся къ нему бѣднымъ не было спеціальныхъ средствъ; для этого онъ изыскалъ мѣстные источники, покрывавшіе его дополнительные расходы.

Въ настоящее время начальники не могутъ собирать

Общественное собраніе.

Бывшая канцелярія Генералъ-Губернаторовъ
нынѣ контрольная палата.

неуказанныхъ въ законѣ доходовъ, но въ то время не видѣли въ этомъ правонарушенія, и самъ Перовскій со спокойною совѣстью расходовалъ деньги, получавшіяся за труды башкиръ.

Тѣхъ точно опредѣленныхъ правъ, какія впослѣдствіи даны были Оренбургскимъ генералъ-губернаторамъ, Перовскій не имѣлъ, строилъ и заводилъ, что находилъ полезнымъ, по своему усмотрѣнію, расходы производилъ и на такіе предметы, которые никакъ не могли относиться на общественный счетъ. Живя на кочевкѣ среди башкиръ, онъ изображалъ изъ себя полновластнаго царскаго намѣстника; въ жизни его и его штата являлись излишества: устраивались для башкиръ праздники, скачки, угощенія для привлеченія башкиръ къ русскому правительству, ибо они видѣли заботливость о нихъ, а не то приниженіе, какое было прежде и послѣ Перовскаго.

При немъ были учреждены два общественныхъ завода. Пчельный*) для ознакомленія башкиръ съ новыми, улучшенными пріемами пчеловодства, для чего посылались малолѣтки въ школу пчеловодства въ Черниговскую губернію къ извѣстному пчеловоду Прокоповичу. Но изъ этой затѣи ничего не вышло: башкиры остались при своемъ способѣ пчеловодства въ бортяхъ и въ выставныхъ комедахъ. Заводъ, не окупавшій себя, былъ закрытъ.

Другой заводъ—конскій былъ основанъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ при деревнѣ Исянгуловой, на рѣчкѣ Ташлѣ при впаденіи ея въ р. Икъ. Производители даны были съ государственныхъ заводовъ, а матки—пожертвованы богатыми башкирами.

---

* Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ на арендованной у башкиръ землѣ.

Улучшенной породы лошадей заводъ не далъ: жеребцы въ послѣднее время давались башкирамъ, не имѣвшихъ собственныхъ матокъ; хозяева обязывались не употреблять полученныхъ жеребцовъ въ работу, а на самомъ дѣлѣ этого не исполняли, кормили ихъ плохо, и жеребцы вскорѣ обезсиливали. Съ упраздненіемъ военнаго управленія заводъ былъ взятъ въ казну, на содержаніе его расходовалось много денегъ, въ 70 г.г. онъ былъ закрытъ.

Перовскимъ въ первое его управленіе краемъ были предпринимаемы на экономическія суммы, бывшія въ его распоряженіи, и другія полезныя предпріятія. Въ 1835 г. начатъ водопроводъ въ Оренбургѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ на берегу р. Урала, гдѣ онъ и теперь существуетъ. Вода шла въ бассейнъ на городской площади, существующій и нынѣ, но въ дома не была пущена; брали ее бочками безплатно. Дрова для отопленія водокачки отпускались даромъ изъ хозяйственнаго заготовленія. Устраивалъ водопроводъ англичанинъ или нѣмецъ.*) Говорили, что онъ офицеръ, получалъ большое по тогдашнему времени жалованье—5 т. руб. ас.

Водопроводъ былъ неудовлетворителенъ, а генералъ Обручевъ мало отпускалъ на него казенныхъ дровъ, заготовленіе которыхъ и при немъ продолжалось.

Перовскій по образу своей жизни, щедрости, съ какою онъ сыпалъ деньгами на такіе расходы, которые не позволялъ себѣ дѣлать ни одинъ изъ его преемниковъ, стоялъ выше всѣхъ прочихъ бывшихъ главныхъ начальниковъ края, привлекъ къ себѣ въ сотрудники людей

*) Объ этомъ см. статью А. П. Гра «Первая попытка устройства въ г. Оренбургѣ водопровода» въ XI вып. «Трудовъ Оренб. Учен. Архив. Ком.», стр. 49.

И. С. Шукшинцевъ.

талантливыхъ изъ служащихъ при немъ, давалъ имъ денежныя награды, но никто не зналъ, откуда онъ почерпаетъ нужныя ему суммы.

Гостей онъ постоянно принималъ съ полнымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Извѣстные путешественники, какъ напр. въ 1840 г. Мурчисонъ, находили у него привѣтъ, покровительство и полное содѣйствіе.

Башкирія съ ея Уральскими горами и кочевые ея жители-скотоводы, тогда довольно состоятельные, привлекали сюда людей достаточныхъ, желавшихъ пожить лѣто на лонѣ природы, пить кумысъ, видѣть для нихъ новую жизнь, другой народъ, изобиліе воды въ ключахъ и мелкихъ рѣчкахъ, большіе лѣса, богатства разнаго рода дичи и охоты, о которыхъ во внутреннихъ губерніяхъ не могли имѣть понятія.

Въ 1841 г., послѣдній годъ его перваго управленія, на кочевкѣ у Перовскаго были извѣстные по своему общественному положенію лица—графъ Алексѣй Толстой (извѣстный писатель и племянникъ Перовскаго по родной его сестрѣ), камергеръ Скарятинъ и другія лица въ числѣ 10 или болѣе человѣкъ.

Съ лѣтней кочевки на рч. Белгушъ лица эти отправлялись, подъ прикрытіемъ башкиръ, за р. Уралъ для охоты за сайгаками на киргизскую сторону, гдѣ тогда водились табуны этихъ животныхъ.*).

Содержаніе гостей, охрана ихъ изъ башкиръ, награды послѣднимъ требовали большихъ расходовъ и Перовскій удовлетворялъ ихъ изъ собственныхъ средствъ.

---

*) Теперь въ предѣлахъ Оренбургской губерніи сайгакъ встрѣчается случайно (забѣгомъ); въ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Уральской и Тургайской областей встрѣчается хотя и чаще, но вообще это довольно рѣдкій и для охотника цѣнный звѣрь. И. С. Шукшинцевъ.

Управляя хорошо, установивъ спокойствіе и порядокъ въ краѣ, Перовскій вполнѣ былъ увѣренъ въ дальнѣйшемъ благополучіи, которое ему сулило все окружающее, а главное полное довѣріе императора Николая Павловича, и по сему естественно стремленіе къ имени администратора прибавить славу завоевателя, но здѣсь оказалась его несостоятельность. Авторъ идеи, обсудивъ и обдумавъ исполненіе ея въ теоріи, передалъ исполненіе въ руки другихъ, которые занимались имъ подъ его наблюденіемъ. Въ честности окружающихъ его нельзя было сомнѣваться, но онъ не зналъ своихъ помощниковъ съ той стороны, которая открылась на дѣлѣ. Простая или умышленная ошибка разрушила впослѣдствіи все дѣло. Во время никто ничего не видѣлъ, а можетъ быть нѣкоторые и замѣчали, но не говорили, потому что Перовскій не любилъ противорѣчій и указаній, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ его проектовъ кончились неудачно. Болѣе всего неудача отразилась на хивинскомъ походѣ 1839 г., когда отрядъ, собранный изъ лучшихъ войскъ для разгромленія Хивы, не пошелъ въ степи далѣе Эмбы, гдѣ зимовалъ и обезсиливъ себя потерею людей отъ болѣзни, весною возвратился съ безславіемъ въ предѣлы Россіи не только ничего не достигнувъ, но показавъ кочевникамъ слабость силъ русскихъ.

Одна изъ главныхъ *причинъ неудачи* заключалась въ томъ, что снаряженіе отряда всѣмъ необходимымъ Перовскій предоставилъ въ полное распоряженіе генералъ-маіора Ціолковскаго, прибывшаго сюда съ генераломъ Эссеномъ капитаномъ и дослужившагося здѣсь до высокаго чина и нарочно для него учрежденной должности командующаго башкирскимъ и мещерякскимъ войскомъ. Ціолковскій въ концѣ 20 г.г. два раза ѣздилъ въ Бухару. Первый разъ съ купеческимъ караваномъ зимою; съ

той же рѣки Эмбы караванъ, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній киргизъ и хивинцевъ, вернулся на линію. Другой разъ-въ отрядѣ полковника Берга (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала и намѣстника царства Польскаго), имѣвшаго дипломатическое порученіе къ Бухарскому Эмиру. Ціолковскій почему-то расчитывалъ, что за Эмбой климатъ мягче, морозовъ не бываетъ, а просто холодная погода, которую русскіе вынесутъ легко, и во всякомъ случаѣ люди легче вынесутъ холодъ, чѣмъ удушливые жары, и не такъ утомятся зимою при переходахъ по снѣгу, какъ лѣтомъ, когда придется итти по колѣно въ сыпучихъ пескахъ и при засыпающей глаза, ротъ, уши и стѣсняющей дыханіе людей и животныхъ пыли, а также при недостаткѣ воды.

Въ этихъ соображеніяхъ теплая одежда солдатъ приготовлена была изъ матеріала плохого качества. Вмѣсто мѣховыхъ полушубковъ верхняя одежда была сдѣлана на подкладкѣ изъ джебаги*), покрытой холстиной; сапоги съ укороченными голенищами, а чулки изъ кислой шерсти, получаемой при выдѣлкѣ овчинъ. Все это было сдѣлано по подряду весьма дурно, не прочно, и при первомъ осмотрѣ можно было видѣть, что въ такой одеждѣ люди не дойдутъ и до половины пути, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Пальто на джебагѣ, не всегда приходившіяся въ пору, рвались, джебага отваливалась, а покрышка изъ холста, если и держалась нѣсколько долѣе, то никакъ не защищала отъ холода и не согрѣвала солдата. Чулки

* Джебагой называется шерсть, снимаемая съ овецъ весною и свалявшаяся на самомъ животномъ. Джебага въ то время стоила очень дешево; ее употребляли бѣдные люди на стеганки, или короткія куртки, простегивая вмѣстѣ съ холстомъ, и носили зимою сверхъ другой одежды при мокромъ снѣгѣ; она же шла на подстилку въ собачьихъ конурахъ зимою.

изъ кислой шерсти послѣ недѣльной носки дѣлались ни къ чему негоднымъ; какъ не обертывалъ солдатъ ноги, онѣ все зябли, а съ наступленіемъ морозовъ обмораживались; къ тому же и сапоги лопались по швамъ, такъ какъ голенища были не цѣльныя, а сшивались изъ нѣсколькихъ кусковъ.

Обозъ, везенный на верблюдахъ въ тюкахъ, былъ сущимъ наказаніемъ для отряда. Верблюды ходятъ не рядами, а веревкою, одинъ за другимъ; масса въ десятки тысячъ головъ растягивалась на десятки верстъ, требовалась охрана отъ нападенія непріятеля. По приходѣ на ночлегъ нужно было съ каждаго верблюда снять вьюкъ, очистить до земли мѣсто для лежанія животнаго; на все это требовалось нѣсколько часовъ, столько же при поднятіи отряда въ путь, такъ что люди едва успѣвали съѣсть что-нибудь, какъ ихъ поднимали для сбора и укладки вьюковъ. Во время пути, если одинъ верблюдъ отъ безсилія падалъ, останавливался весь отрядъ, такъ какъ нужно было животное выводить въ сторону; послѣ нѣкотораго движенія впередъ—снова остановка, и при такомъ порядкѣ войско шло медленно, по 5 или менѣе верстъ въ зимніе короткіе дни.

Люди болѣли, умирали; животныя падали, бросались на мѣстѣ, и при такихъ усиліяхъ отрядъ достигъ Эмбы при урочищѣ Чучка-куль, гдѣ и остановился по изнуренію людей и животныхъ. Морозы въ ту зиму доходили до 30—35°R.

Непріятеля не видали, кромѣ небольшой партіи хивинцевъ, напавшихъ на роту солдатъ и сотню Оренбургскихъ казаковъ подъ начальствомъ капитана Ерофеева; это нападеніе было отбито съ большимъ урономъ для хивинцевъ.

По разсказамъ очевидцевъ Перовскій упалъ духомъ,

видя неудачу, предотвратить которую онъ имѣлъ возможность, не выступая съ мѣста.

Отправились на авось въ полной увѣренности, что русскимъ морозы не страшны, такъ какъ и прежде посылались отряды въ степь, возвращавшіеся иногда позднею осенью въ холода, но забывали, что эти отряды были изъ казаковъ, знавшихъ, куда они идутъ и что нужно взять съ собою, тогда какъ солдатъ долженъ былъ итти въ томъ, что дадутъ.

Едва ли не двѣ трети пѣхоты и кавалеріи погибло въ степи. Менѣе пострадали казаки Уральскаго войска, выступившіе въ составѣ полка исправно снаряженными.

Верблюды, лошади, провіантъ и другой багажъ были брошены, потому что везти было не на чемъ.

Къ этому нужно добавить, что нижніе чины за малѣйшую оплошность были жестоко наказываемы, для чего раздѣвали ихъ до нага и били плетьми на сильномъ морозѣ. Общій отзывъ былъ о Ціолковскомъ, какъ о живодерѣ.

Такъ кончилась хивинская экспедиція, которая предполагалась быть грозою для Хивы и въ доказательство этого были задержаны въ Оренбургѣ пріѣхавшіе съ караваномъ хивинскіе купцы въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Они содержались, какъ арестанты, въ казенномъ домѣ, нынѣ занимаемомъ тургайскимъ губернаторомъ, а часть ихъ, по недостатку помѣщенія, была отправлена въ другое мѣсто, кажется, въ Бирскъ. Лѣтомъ 1840 г. хивинскій ханъ прислалъ всѣхъ бывшихъ у него въ плѣну русскихъ мужчинъ и женщинъ, всего до 400 человѣкъ, послѣ чего были освобождены хивинскіе купцы. Полагаю, что до половины ихъ умерло въ Оренбургѣ отъ тѣсноты и разныхъ болѣзней.

Неудача хивинскаго похода поселила въ здѣшнихъ

магометанахъ увѣренность, что Хива городъ святой и не можетъ быть взятъ христіанами, о чемъ будто-бы было написано и въ ихъ книгахъ. По этому поводу въ Уральскѣ была сильная драка у казаковъ съ татарами. Атаманъ Кожевниковъ успокоилъ казаковъ тѣмъ, что будетъ другой походъ въ Хиву и что русскіе разгромятъ хивинцевъ. Казаки удовольствовались этимъ увѣреніемъ и успокоились.

Причины враждебныхъ дѣйствій противъ Хивы заключались въ постоянномъ подстрекательствѣ ханомъ нашихъ киргизъ противъ русскихъ, во взаимныхъ барантахъ или грабежахъ, въ незаконномъ сборѣ ханомъ съ киргизъ зякета (подати), а главное держаніе хивинцами въ рабствѣ русскихъ людей, захваченныхъ на линіи, а болѣе на морскомъ рыболовствѣ, гдѣ ихъ ловили туркмены и продавали въ неволю въ Хиву. Трудомъ этихъ несчастныхъ производились всѣ полевыя тяжелыя работы. Основаніемъ для возвращенія плѣнниковъ выставлялось то обстоятельство, что Россія никогда не имѣла войны съ Хивою, а потому и плѣнныхъ не можетъ быть; захваченныхъ разбойниками мирныхъ жителей хивинцы не могли покупать и держать въ неволѣ.

Ханъ на это отвѣчалъ уклончиво и въ 1839 году прислалъ въ Оренбургъ нѣсколько человѣкъ плѣнниковъ, но всѣхъ отпустить не захотѣлъ. Тогда то и была сформирована вышеописанная экспедиція, которая хотя и не вступала въ военныя дѣйствія съ хивинцами, но все таки имѣла хорошія послѣдствія: ханъ, видя угрозы, выслалъ плѣнныхъ и съ ними особое посольство, которое ѣздило въ Петербургъ и тамъ были установлены условія мира.

Письменный договоръ возилъ въ Хиву, по повелѣнію государя, полковникъ Данилевскій; отдавъ его въ руки

хану, взялъ отъ него обязательство за подписью хана.

При взятіи русскими Хивы въ 1873 году договоръ этотъ на русскомъ языкѣ нашли во дворцѣ хана среди разнаго ненужнаго хлама.

Теперь все измѣнилось: хивинскій ханъ-подданный русскаго государя, генералъ-лейтенантъ Оренбургскаго казачьяго войска, носитъ титулъ свѣтлости, въ 1883 г. присутствовалъ на коронаціи Александра III въ Москвѣ. Я обѣдалъ съ нимъ за царскимъ столомъ; между мною и имъ сидѣлъ Московскій генералъ-губернаторъ князь Долгорукій, съ которымъ ханъ говорилъ объ измѣнчивости всего въ жизни. Бывшій злой врагъ русскихъ—гость русскаго государя, а я, никогда не думавшій такъ мирно встрѣтиться съ такимъ врагомъ, мирно обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ.

Говорили, что на хивинскую экспедицію былъ отпущенъ милліонъ рублей по тогдашнему счету, но это далеко не в е. Провіантъ и другія принадлежности для похода были доставляемы изъ Оренбурга въ продолженіе лѣта 1839 г. транспортомъ на лошадяхъ въ устроенныя временно въ степи укрѣпленія, какъ этапы будущаго слѣдованія въ Хиву. Для этого былъ усиленный нарядъ башкиръ съ телѣгами въ двѣ и три лошади. Послѣднія всѣ погибли въ степи отъ изнуренія, телѣги были брошены, люди оборванные и больные прибывали въ Оренбургъ; здѣсь имъ выдавали по 5 р. ас. на человѣка и отправляли въ дома. Башкиры были изъ Пермской и Вятской губерній и изъ отдаленныхъ отъ Оренбурга уѣздовъ Мензелинскаго, Бирскаго, Бугульминскаго и другихъ. 1839 г. былъ голоднымъ; цѣна хлѣба доходила до 3 р. ас. за пудъ, сѣно до 10 р. и болѣе за возъ, и какъ можно было дойти бѣдняку и больному въ оборванной одеждѣ на 5 р. за нѣсколько сотъ верстъ? Оставшіяся у не-

многихъ лошади не могли ходить даже въ городѣ. Лошадей въ этотъ годъ погибло у башкиръ до 5 т. головъ.

Гордый характеръ Перовскаго послѣ неудачи хивинскаго похода сильно пострадалъ и самому ему пришлось выслушать много непріятнаго отъ высшихъ властей. По пріѣздѣ въ Петербургъ, говорятъ, военный министръ Чернышевъ не пускалъ его къ государю, т. е. не докладывалъ о немъ, и Перовскій рѣшился самъ разрѣшить давившее его сомнѣніе. Избравъ время, когда Николай Павловичъ былъ на смотру или на парадѣ войскъ въ манежѣ, поѣхалъ туда, какъ генералъ-адъютантъ, имѣвшій право быть въ присутствіи государя, который, увидавъ его, милостиво спросилъ, когда онъ прибылъ и почему не являлся. Перовскій указалъ на Чернышева. По окончаніи смотра государь посадилъ его въ свой экипажъ и повезъ во дворецъ.

Конецъ лѣта 1840 г. и слѣдующій 1841 г. Перовскій прожилъ въ Оренбургѣ и уѣхалъ въ концѣ ноября въ Петербургъ, откуда въ 1842 г. уволенъ въ Италію съ отчисленіемъ отъ должности.

Въ газетахъ писали, что Перовскій въ Берлинѣ представлялся прусскому королю и тотъ кольнулъ его самолюбіе, сказавъ, что знаетъ его по хивинскому походу.

Всѣ участвовавшіе въ хивинскомъ походѣ офицеры, со включеніемъ генераловъ, получили награды чинами, орденами и даже деньгами. Начальникъ 22-й дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, получилъ сначала орденъ Бѣлаго Орла, замѣненный потомъ пожалованіемъ 3 тыс. десятинъ въ Саратовской губерніи. Атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска, а по тогдашнему командующій войскомъ, Молоствовъ, орденъ въ порядкѣ постепенности; Цiолковскій Анну 1-й степени, но потомъ уволенъ былъ по прошенію въ отставку. Служба офицерская на

пенсію засчитана мѣсяцъ за годъ, а самый походъ за кампанію.

Ціолковскій, получивъ отставку, жилъ въ деревнѣ своей жены, Оренбургскаго уѣзда, и за жестокость обращенія со своими крестьянами былъ убитъ ими въ 1841 или 42 году. Трупъ его крестьянами же послѣ похоронъ былъ вырытъ и обезображенъ наказаніемъ плетьми; родственники привезли его въ Оренбургъ и погребли на общемъ кладбищѣ. Бывшіе у него три сына умерли; одинъ въ званіи мелкаго чиновника; старшій Виталій, служившій предводителемъ нѣсколько 3-хъ-лѣтій, не былъ избранъ при открытіи Оренбургской губерніи, жилъ бѣдно, былъ отданъ подъ судъ за растрату денегъ и умеръ въ 1889 г.; Николай служилъ мировымъ посредникомъ и остался въ 1868 г. за штатомъ, нанимался въ лѣсную кампанію наблюдать за нерасхищеніемъ сплавляемаго лѣса прибрежными жителями, занимался сельскимъ хозяйствомъ и на этомъ жилъ; умеръ въ 1891 или 92 г. на 72 г.

Въ октябрѣ 1840 г. пріѣхалъ въ Оренбургъ изъ Авганистана маіоръ англійской службы, присланный англійскимъ правительствомъ для изслѣдованія причинъ неудачи хивинскаго похода; онъ жилъ въ Оренбургѣ едва-ли не мѣсяцъ, квартировалъ недалеко отъ нашего дома у чиновника Галявинскаго. Домъ этотъ сгорѣлъ въ 1879 году. Англичанинъ едва ли видѣлъ Перовскаго; онъ, кажется, въ это время былъ въ Петербургѣ.

Оренбургъ—главный пунктъ и мѣстожительство главнаго начальника Оренбургскаго края—въ началѣ 30 гг., когда пріѣхалъ сюда генералъ Перовскій, былъ небольшимъ городомъ съ населеніемъ не болѣе 5 или 6 тыс. душъ. Дома были почти исключительно деревянные въ 3, а лучшіе въ 5 оконъ, низенькіе, были даже полупланки —такъ домъ подъ одною крышею принадлежалъ двумъ

хозяевамъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ особыя ворота; много было домовъ развалившихся и землянокъ; исправлять старые дома хозяева отказывались по бѣдности.

Для того, чтобы привести городъ въ лучшій видъ, Перовскій въ 1835 г. назначилъ особую коммиссію, поручивъ ей осмотрѣть въ городѣ всѣ дома, ветхіе назначить къ слому черезъ два или три года, обязавъ владѣльцевъ въ этотъ срокъ построить новые дома по планамъ, а кто по бѣдности не въ состояніи былъ этого сдѣлать, тому предложено убрать свое строеніе, получить даромъ 50 бревенъ и 50 р ас. и перейти на житье во вновь образовавшуюся слободу, между караванъ-сараемъ и татарскимъ кладбищемъ, гдѣ мѣста отводились даромъ. Освободившіяся же мѣста въ городѣ отводились сосѣднимъ владѣльцамъ, которые уплачивали за нихъ стоимость полученнаго прежнимъ хозяиномъ пособія, а гдѣ стоимость мѣста была ниже послѣдняго, лѣсъ отпускался даромъ изъ хозяйственнаго заготовленія.

Такимъ образомъ городъ очистился отъ мелкихъ безобразныхъ избушекъ, землянокъ; дворовыя мѣста расширены и все приведено въ благообразный видъ. Скоро стали строиться хорошіе дома. Людямъ не богатымъ, особенно чиновникамъ, Перовскій выдавалъ лѣсъ изъ хозяйственнаго заготовленія съ разсрочкою платежа денегъ.

При Перовскомъ же начали строиться казенныя каменныя зданія: оборонительныя казармы около Преображенской церкви, домъ благороднаго собранія на мѣстѣ развалившагося зданія главнаго народнаго училища, ордонансъ-гаузъ, квартира плацъ-маіора и комендантское управленіе, а рядомъ съ нимъ домъ коменданта. Нынѣ первый занятъ ремесленнымъ училищемъ, а послѣдній квартирою одного изъ командировъ баталіоновъ, расположенныхъ въ Оренбургѣ.

Въ то же время построенъ генералъ-губернаторскій домъ, но Перовскій не переходилъ въ него; первымъ помѣстился въ немъ генералъ Обручевъ.

Частныхъ каменныхъ домовъ въ первое управленіе Перовскаго было два: одинъ-нынѣ занятый аптекой Герштейна, а другой-квартирой Тургайскаго губернатора. Оба дома принадлежали купцу Осоргину, впослѣдствіи разорившемуся, и были проданы одинъ въ частныя руки ,а другой въ казну за долги.

Домъ Еникуцева на Николаевской улицѣ, гдѣ нынѣ контрольная палата, былъ вчернѣ построенъ въ 1838—39 г., но не занимался владѣльцами по суевѣрному предразсудку, что новый домъ потребуетъ покойника, а ихъ было двое—мужъ и жена.

Въ 1852 г. домъ этотъ купленъ былъ для канцеляріи генералъ-губернатора, и повѣрье сбылось: съ переходомъ канцеляріи и появленіемъ въ домѣ жильцовъ умеръ самый старый изъ нихъ—Звѣревъ, старикъ 80 лѣтъ, хорошо помнившій времена князя Волконскаго и генерала Бахметева.

Караванъ-Сарай былъ начатъ постройкою Перовскимъ чрезъ оповѣщеніе циркулярами башкирскихъ кантонныхъ начальниковъ для объявленія народу, что зданіе строится для пріѣзжающихъ въ Оренбургъ по своимъ дѣламъ башкиръ, останавливавшихся ранѣе въ частныхъ домахъ, а съ постройкою караванъ-сарая будутъ имѣть болѣе удобное помѣщеніе для себя и своихъ лошадей. Зданіе въ началѣ было построено съ большими комнатами въ видѣ казармъ, съ нарами, а въ нижнемъ этажѣ конюшни. Все показываетъ, что Перовскій думалъ перенести на русскую землю азіатскіе караванъ сараи для странствующихъ мусульманъ и торговцевъ; въ этихъ видахъ онъ положилъ построить среди зданія мечеть, чтобы живущіе

въ караванъ-сараѣ башкиры имѣли полную возможность исполнять по своему закону требы и молитвы; этимъ желали показать народу, что правительство далеко отъ мысли насильственными мѣрами обращать магометанъ въ христіанство, каковые слухи тайно распространяли казанскіе татары, извѣстные фанатики, а напротивъ, правительство строитъ на свои средства мечеть и не простую, а превосходящую всѣ извѣстныя въ краѣ мечети. Съ этою цѣлью приглашали башкиръ дѣлать пожертвованія для украшенія новой мечети. Для сбора послѣднихъ былъ посланъ дер. Нижней Чебеньки ахунъ Абдулла Давлетшинъ, родомъ татаринъ, приписанный въ башкирское войско. Онъ собралъ до 30 т. руб. асс.

Для освѣщенія въ зданіи мечети повѣшена дорогая люстра, купленная въ Петербургѣ въ англійскомъ магазинѣ. Къ завершенію всего построенъ каменный высокій минаретъ, облицованный снаружи бѣлыми изразцами.

Въ концѣ 1841 г. въ караванъ-сарай перевели канцелярію командующаго башкирскимъ войскомъ и дали квартиры чиновникамъ и командѣ башкиръ въ 50 человѣкъ, посылаемыхъ для несенія службы.

Помѣщенія для башкиръ не думали открывать и никто изъ нихъ никогда тамъ не останавливался. Обращеніе зданія въ постоялый дворъ стоило бы дорого по отопленію, содержанію въ чистотѣ и ремонту. Правый фасадъ зданія, гдѣ были казармы съ нарами, передѣлали подъ помѣщеніе канцеляріи, а лѣвый обратили въ помѣщеніе для губернатора; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ были стойла для лошадей, оставшіеся своды показываютъ первое его назначеніе.

Для открытія мечети былъ приглашенъ муфтій и до 300 человѣкъ магометанъ; кромѣ того, было множество любопытныхъ, прибывшихъ безъ всякаго приглашенія.

Торжество открытія было пріурочено ко дню коронованія государя Николая Павловича, 22-го августа. Устроены были въ азіатскомъ вкусѣ развлеченія: борьба съ выдачею побѣдителю трехъ человѣкъ, безъ перерыва побореннымъ, платка или шали, скачка на лошадяхъ съ призами изъ халатовъ или кафтановъ стоимостью въ 20 руб. и постепенно уменьшающимися до нѣсколькихъ аршинъ ситца.

Было одно крупное неудобство: у магометанъ была ураза (постъ), во время которой ѣда разрѣшается по заходѣ солнца, а для эффекта нужно было, чтобы обѣдъ начался нѣсколько ранѣе, засвѣтло. Гостей усадили въ нѣсколько рядовъ, поставлены были блюда съ говядиной, бараниной и кониной, причемъ строго подтверждено, чтобы никто не смѣлъ касаться пищи, пока не будетъ поданъ знакъ. Распорядителемъ былъ есауль Иванъ Ивановичъ Филатовъ, хорошо говорившій по-татарски. Для большой внушительности онъ верхомъ съ нагайкой въ рукахъ разъѣзжалъ среди рядовъ, гдѣ поставлена была пища, угрожая при малѣйшемъ намѣреніи взять послѣднюю тутъ же расправиться своею плетью, хотя тутъ сидѣли и башкирскіе чиновники. Кантонные начальники вовсе не садились обѣдать. Все обошлось благополучно и гости разъѣхались по домамъ, но тутъ случился небольшой скандалъ: въ дер. Имангуловой уфимскіе казы не слѣзали съ повозки; когда запрягли лошадей, онѣ понеслись и, наткнувшись на что-то, перевернули повозку; казы упали и у нихъ въ колѣняхъ разбился штофъ съ водкой, которою они запаслись въ Оренбургѣ; людей и осколки посуды подняли при жителяхъ-башкирахъ, которые плевали и ругали своихъ учителей-казыевъ, утѣшая, впрочемъ, себя тѣмъ, что они татары, а не башкиры.

Въ 65-ти верстахъ отъ Оренбурга, за р. Ураломъ,

въ киргизской степи находится знаменитое богатство каменной соли—Илецкія копи, составлявшіе собственность казны. Не касаясь исторической части, можно много сказать о самомъ промыслѣ.

Какъ собственность казны, илецкая соль вырубалась силою человѣческаго труда; для этого употреблялись ссыльно-каторжные, приговоренные судомъ къ этому тяжелому наказанію. По свойству своему относясь къ горнымъ работамъ, промыселъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ по департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, но мѣстными распорядителями были всегда гражданскіе чиновники, которые служили въ особомъ учрежденіи, называвшемся Илецкимъ Солянымъ Правленіемъ, которое состояло изъ управляющаго, 2-хъ совѣтниковъ и нѣсколькихъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Удаленное отъ своего непосредственнаго начальства, присылавшаго приказанія за 2 тысячи верстъ изъ Петербурга, и совсѣмъ изъятое отъ всякой зависимости и даже слабаго, поверхностнаго наблюденія мѣстныхъ губернаторовъ, правленіе это ознаменовало себя крупнымъ казнокрадствомъ. Соли вырабатывалось сотни тысячъ пудовъ и получались сотни тысячъ рублей; въ казну же поступало до половины 40-хъ гг. не свыше 180—200 р., остальная сумма оставалась въ карманахъ чиновниковъ, наживавшихъ тамъ въ короткое время громадные капиталы.

Пользовались всѣ, начиная отъ управляющаго до смотрителя на ямѣ. Тутъ же былъ чиновникъ казенной палаты для наблюденія за исправною высылкою денегъ въ Оренбургское казначейство. Всѣ воровали, всѣ объ этомъ знали, но никто не рѣшался писать о злоупотребленіяхъ, считая это напраснымъ и безполезнымъ дѣломъ. Въ 1839 г. воровство дошло до того, что сами чиновни-

ки видѣли, что дѣло можетъ кончиться плохо для нихъ. Надобно помнить, что чиновники брали свою часть не лѣтомъ, когда соли вывозилось немного по дороговизнѣ перевозки, а болѣе зимою, когда люди и рабочій скотъ свободны. 1839 г. былъ неурожайный: сѣно и хлѣбъ сильно вздорожали, вощикамъ не было расчета перевозить соль за низкую цѣну, а торговцамъ увеличивать провозную плату; заготовленная соль составила бы запасъ, а съ ожидаемымъ урожаемъ цѣны на все убавились бы, поэтому соль была бы въ убытокъ даже при дешевомъ подвозѣ. Соляные чиновники и въ этомъ случаѣ не потерялись. Пріѣзжавшимъ за солью вощикамъ говорили, что съ новаго года соль будетъ продаваться на промыслѣ по 2 руб. сер., совѣтовали побольше запасаться солью, чтобы безъ особаго труда и риска нажить хорошій капиталъ. Я помню это время. Кто только не покупалъ соль? Безденежные брали въ долгъ за большіе проценты у богатыхъ, а послѣдніе покупали соли столько, сколько можно вмѣстить соли въ помѣщеніяхъ.

Но какое же разочарованіе постигло всѣхъ! Прибавка была для округленія прежняго ассигнаціоннаго курса на серебро на 1 или 1/2 коп. съ пуда, соображаясь съ сортами соли. Сколько было въ это время драматическихъ и трагическихъ сценъ: богатые, имѣвшіе деньги, хлопотали, чтобы хотя съ большими убытками продать соль, которой много утекало въ жаръ, когда распродать соль не было возможности. Долго помнилъ Оренбургъ дорогую соль!

Изъ чиновниковъ, обогатившихся на илецкомъ промыслѣ, болѣе извѣстны были слѣдующіе. Щедринъ, давшій за своею дочерью при выходѣ ея замужъ за лѣкаря, служившаго тамъ при больницѣ, 300 т. руб. асс. Балахоновъ—совѣтникъ, служившій въ 50 гг., поѣхалъ лѣ-

читься и дорогою умеръ; бывшая при немъ дочь вышла замужъ за врача и послѣ отца получила 75 т. сер. Баранцевъ, служившій смотрителемъ на ямѣ, гдѣ производилась ломка соли, въ 50 и 60-хъ гг.; происходилъ изъ солдатъ, былъ писаремъ въ конторѣ госпиталя. Бывшій наказный атаманъ, Иванъ Васильевичъ Подуровъ, говорилъ мнѣ, что въ чинѣ подполковника пріѣзжалъ на праздникъ Пасхи къ смотрителю госпиталя, а впослѣдствіи члену провіантской коммиссіи Щетинину, и засталъ его за экзекуціей: Баранцева наказывали палками. Подуровъ замѣтилъ, какъ некстати наказаніе въ великій праздникъ. Ему отвѣтили: «Если бы вы знали, что сдѣлалъ этотъ мошенникъ!» Съ полученіемъ чина Баранцевъ перешелъ въ илецкое правленіе, а по закрытіи послѣдняго вышелъ въ отставку, имѣя капиталъ свыше 30 т. р.

Рыбаковъ, выслужившійся изъ писарей инженернаго вѣдомства, былъ въ илецкомъ правленіи на невысокой должности; по выходѣ въ отставку купилъ двухъэтажный каменный домъ въ Оренбургѣ на Николаевской улицѣ, гдѣ нынѣ аптека Герштейна, стоившій по тогдашнему времени (1840—42 г.) не менѣе 50 т. руб. Онъ говорилъ своимъ знакомымъ, отъ которыхъ и я слышалъ, что столько же осталось у него на прожитокъ. Былъ-ли онъ женатъ, не знаю, но въ послѣднее время у него была на содержаніи простая дѣвка, которую онъ потомъ выдалъ за отставного унтеръ-офицера и далъ въ приданое 20 т. р.

Сосланный въ Оренбургъ за политическія преступленія, а потомъ прощеный, извѣстный поэтъ Александръ Николаевичъ Плещеевъ женился въ Илецкой Защитѣ на дочери чиновника Токарева, который далъ за дочерью 50 т. р. сер.

Но болѣе всѣхъ изъ служившихъ въ Илецкой За-

щитѣ извѣстенъ былъ Сергѣй Николаевичъ Щербачевъ. Въ первое управленіе Перовскаго онъ былъ въ Оренбургѣ полицмейстеромъ, имѣлъ чинъ ротмистра, хорошо образованъ и извѣстный кавалеръ, принадлежалъ къ мѣстной интеллигенціи и водилъ дружбу съ лицами свиты военнаго губернатора, особенно съ Балкашинымъ, бывшимъ тогда капитаномъ и адъютантомъ Перовскаго, съ которымъ до послѣднихъ дней былъ на «ты». По прибытіи въ Оренбургъ генерала Обручева Щербачевъ долженъ былъ оставить должность полицмейстера, Балкашинъ желалъ устроить его у себя и просилъ о назначеніи чиновникомъ особыхъ порученій, содержаніе которыхъ достигало тогда 1 т. р. въ годъ. Губернаторъ Обручевъ въ оффиціальной бумагѣ отказалъ въ назначеніи Щербачева, какъ замѣченнаго въ склонности къ взяткамъ и лихоимствѣ. Щербачевъ поѣхалъ въ Уфу и, заплативъ предсѣдателю казенной палаты Случевскому 5 т. р., получилъ мѣсто чиновника казенной палаты при илецкомъ соляномъ правленіи. Обручевъ съ своей стороны, чтобы предупредить назначеніе Щербачева, писалъ о немъ гражданскому губернатору Талызину; тотъ въ свою очередь писалъ Случевскому, но послѣдній отозвался, что Щербачевъ опредѣленъ, вступилъ уже въ должность, и ничего неодобрительнаго о немъ онъ не знаетъ. Такимъ образомъ Щербачевъ прочно утвердился на мѣстѣ, служилъ болѣе 10 лѣтъ, нажилъ огромное состояніе, купилъ имѣніе Мансурова, село Спасское на р. Икѣ, а въ Харьковской губерніи другое съ сахарнымъ заводомъ. Будучи старикомъ, женился въ другой разъ на дочери илецкаго коменданта, полковника Бабстъ; отъ этого брака имѣлъ двухъ сыновей; оба они служили въ Оренбургѣ: одинъ на должности мирового посредника у башкиръ Орскаго уѣзда, откуда перешелъ къ бывшему здѣсь вице-губернаторомъ Лукошкову

въ Пермь; слышалъ я, что впослѣдствіи онъ былъ ирбитскимъ городничимъ и исправникомъ. Другой сынъ Щербачева служилъ сначала въ башкирскомъ полку, потомъ сотникомъ въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, откуда перешелъ въ регулярную кавалерію.

Кромѣ недвижимаго имѣнія Щербачевъ имѣлъ, какъ говорили, до 200 т. р. капитала. Послѣ смерти жена Щербачева, увлекшись новыми идеями, устроила въ Харьковѣ пансіонъ для дѣвицъ, хорошо обставила его и преподавателями пригласила профессоровъ за хорошее вознагражденіе; соображаясь съ расходами, назначила довольно высокую плату за содержаніе и ученіе.

Дѣвицъ поступало мало; думали чрезъ рекламы и другія мѣры привлечь болѣе желающихъ, но надежды не оправдались и пришлось пансіонъ закрыть.

Щербачевъ, извѣстный всѣмъ своимъ корыстолюбіемъ, во все время пользовался уваженіемъ въ высшемъ оренбургскомъ обществѣ и каждый разъ, когда генералъ-губернаторъ Перовскій давалъ свои большіе балы, ему высылался билетъ въ Илецкую Защиту.

Какъ-то при докладѣ мною одной бумаги о лихоимствѣ казачьяго офицера, взявшаго менѣе ста рублей, бывшему правителю генералъ-губернаторской канцеляріи Глѣбову послѣдній замѣтилъ: «Вотъ какіе офицеры»; на это я отвѣтилъ: «Да гдѣ же этого нѣтъ?» и прямо указалъ на Щербачева, котораго никто не укоряетъ въ казнокрадствѣ и которому за 70 верстъ шлютъ приглашеніе на балъ генералъ-губернатора. Глѣбовъ сказалъ: «Да-съ... но Щербачевъ помѣщикъ».

Генералъ Перовскій въ сношеніяхъ своихъ съ подчиненными на столько далеко держался отъ нихъ, что никто ничего не могъ говорить ему внѣ службы. Гордый и недоступный, онъ вселилъ къ себѣ какое-то осо-

бое почтеніе и покорность, доходившія до благоговѣнія предъ его личностью. Подчиненные ему генералы отъ ближайшей къ нему прислуги желали знать, въ какомъ расположеніи духа находится его превосходительство, прежде чѣмъ онъ выйдетъ. Камердинеръ его Николай Татариновъ, впослѣдствіи экономъ дворянскаго собранія, говорилъ, что однажды онъ вошелъ въ кабинетъ генерала подавать ему одѣваться. Перовскій встрѣтилъ его крѣпкими русскими словами, помянувъ его отца и мать, за то, что напомадился резедной помадой. Самъ Перовскій никогда не употреблялъ ни духовъ, ни помады. Перовскій своимъ адъютантамъ, чиновникамъ особыхъ порученій, даже генераламъ, если они были въ числѣ близкихъ къ нему, всегда говорилъ ты, даже ругалъ ихъ общею простою русскою бранью. Всѣ они, зная его вспыльчивый характеръ, переносили это терпѣливо, а если бы кто вздумалъ возмутиться и вслухъ высказаться, то получилъ бы прямое и положительное приказаніе убираться прочь.

Такой же характеръ унаслѣдовалъ сынъ Перовскаго Алексѣй, сосланный на Кавказъ рядовымъ изъ артиллерійскаго училища, гдѣ онъ воспитывался, за грубость и дерзость директору. Онъ мнѣ лично говорилъ, что за какую-то дерзость въ училищѣ былъ наказанъ розгами такъ жестоко, что легъ въ больницу. Объ сообщилъ отцу; послѣдній пріѣзжаетъ и спрашиваетъ сына, чѣмъ онъ боленъ. Молодой Перовскій, желая скрыть истину, назвалъ какую-то болѣзнь. „Врешь!“ произнесъ отецъ: «покажи-ка з . . . . . у!» Посмотрѣлъ и сказалъ: «Ничего, вздули, какъ слѣдуетъ». Впослѣдствіи молодой Перовскій дослужился до офицера, но былъ разжалованъ въ солдаты за то, что въ пылу раздраженія убилъ своего слугу.

Введеніе хлѣбныхъ запашекъ вызвало волненія не

въ одной Оренбургской губерніи; они сильнѣе были въ Пермской, гдѣ губернское начальство не умѣло принять мѣръ къ водворенію спокойствія. О принятіи быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ Перовскій писалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ силу чего послѣдовало высочайшее повелѣніе передать это дѣло въ его распоряженіе. Перовскій сумѣлъ и тамъ всѣхъ успокоить и посылаемые туда изъ Оренбурга курьерами казачьи урядники говорили, что тамошнее населеніе было довольно распоряженіями военнаго губернатора и на столько интересовалось видѣть его лично, что даже старики изъ-за этого садились на козлы править лошадьми, на которыхъ ѣхали нарочные. Мѣстныя власти трепетали при имени Перовскаго и боялись за свои грѣхи.

Въ первое управленіе краемъ Перовскаго были нерѣдки набѣги киргизъ на казачьи станицы по р. Уралу для угона скота у казаковъ. Удальцы пробирались до башкирскихъ селеній за р. Сакмарой. По обширности линіи и малонаселенности ея трудно было казакамъ усмотрѣть всѣ перелазы киргизъ, которымъ, какъ искони тутъ живущимъ, лучше были извѣстны броды въ рѣкахъ для переѣзда и прогона скота, а также и мѣста для сокрытія шаекъ отъ взора русскихъ.

Въ такихъ случаяхъ для наказанія виновныхъ посылались въ степь военные отряды изъ казаковъ, иногда съ артиллеріею и даже пѣхотою, посаженною на лошадей. Послѣднія давались въ рѣдкихъ случаяхъ, когда шайка барантачей выбирала себѣ предводителемъ извѣстнаго въ степи батыря, славнаго своимъ удальствомъ и уважаемаго народомъ. Въ этихъ случаяхъ шайки киргизъ доходили до 2—3 т. человѣкъ. Мелкіе ихъ отряды занимались угономъ скота съ линіи и у башкиръ, а крупные съ батырями во главѣ грабили киргизъ же по указанію

враждовавшихъ родовъ изъ личной мести или за преданность русскому правительству.

Султаны-правители, прикрываемые казачьими отрядами, не были на столько сильны, чтобы наказывать виновныхъ барантачей, и для этой цѣли посылались команды казаковъ. При Перовскомъ такія командировки были часты и иногда достигали своей цѣли. Разгромивъ скопища киргизъ, убивали ихъ предводителей —дѣло весьма трудное и имѣвшее мѣсто только при счастливой случайности.

Въ 1839 г. нѣсколько сотенъ казаковъ бывшаго непремѣннаго полка были посланы въ степь подъ начальствомъ полковника Геке наказать извѣстнаго батыря Исета Кутебарова, не признававшаго надъ собою никакой власти. Отрядъ этотъ, усиленный башкирами, долго искалъ по степи въ лѣтніе знойные дни Кутебарова. Тотъ, въ свою очередь желая прославиться какимъ-либо важнымъ подвигомъ, рѣшился разгромить султана-правителя съ его плохо вооруженнымъ русскимъ отрядомъ и чрезъ лазутчиковъ собиралъ свѣдѣнія, гдѣ и когда султанъ расположится на ночлегъ. Случилось такъ: лазутчики увидали султана, расположившагося на ночлегъ безъ особой предосторожности и тотчасъ поскакали извѣстить Кутебарова; но въ это время пришелъ ночью къ султану полковникъ Геке съ казаками, башкирами, пѣхотною ротою и дивизіонною конной казачьей артиллеріей. Кутебаровъ по сообщенію лазутчиковъ, со всѣмъ своимъ болѣе чѣмъ 3 т. отрядомъ, пошелъ на султана правителя. Придя раннимъ утромъ на мѣсто, замѣтилъ, что онъ обманутъ, приказалъ лазутчиковъ повѣсить и не желая показаться трусомъ, пошелъ въ бой; результатъ его былъ плачевный для киргизъ: кинувшись массами, они были съ большимъ урономъ отбиты. Казаки пустились преслѣ-

довать ихъ. Небольшая кучка оренбуржцевъ увидала и узнала Исета Кутебарова, и болѣе ловкій и находчивый урядникъ Каменноозернаго отряда Богатыревъ поскакалъ на пересѣченіе его дороги; скрывшись за сурчину, онъ поджидалъ Исета; казаки преслѣдовали послѣдняго, посылали ему вслѣдъ пули; нѣкоторыя изъ нихъ попадали въ него, но вреда не причиняли, такъ какъ на немъ была кольчуга.

Богатыревъ, сообразивъ это, пришелъ къ заключенію, что надо подстрѣлить коня; удачно пустивъ пулю, онъ попалъ лошади въ пахъ; послѣдняя упала и Исетъ остался на мѣстѣ... Наскакавшіе казаки шашками изрубили его въ куски.

Обыкновенно, посылаемые въ степь отряды всегда имѣли вожаковъ изъ преданныхъ намъ киргизъ; послѣдніе служили и нашимъ и своимъ, которымъ передавали, куда двигаются русскіе, и шайка барантачей всегда шла позади отряда, или въ сторонѣ параллельно ему. Отряды наши громили попадавшіеся на пути аулы, угоняли весь скотъ и уничтожали всякое имущество, иногда и совершенно невинныхъ людей, по указанію вожаковъ, которые пользовались извѣстною долею разграбленнаго имущества и скота.

Послѣдній пригонялся на линію въ изнуренномъ безкормицею видѣ и продавался за безцѣнокъ. Такъ кончались обыкновенно наказанія киргизъ.

Заволжско-Камскій край, заключавшій въ себѣ нынѣшнія Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую губерніи, въ началѣ настоящаго столѣтія до 40-хъ годовъ представлялъ собою окраину государства, сравнительно недавно присоединенную къ Россіи. Оренбургская линія занималась войскомъ, преобладающее число котораго составляли казаки. Они поселены были не только по линіи

для охраны ея, но и внутри края, отъ Самары до Оренбурга, по такъ называемой Самарской линіи и въ видѣ внутреннихъ крѣпостей въ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, Бирскомъ и даже Красноуфимскомъ уѣздахъ. Такое разселеніе казаковъ на различныхъ пунктахъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого, объяснялось политическими и военными причинами, заключавшимися въ частыхъ бунтахъ противъ правительства въ Башкиріи во все время прошлаго столѣтія и бывшими даже въ 1803—805 гг. Для усмиренія ихъ нужно было имѣть войско въ близкихъ мѣстахъ отъ бунтовщиковъ; если бы послѣдніе вздумали поднять возстаніе, оно подавлялось тотчасъ и не могло распространяться далѣе въ длину и ширину. Такая мѣра сама собою указывала башкирамъ на безполезность ихъ возстаній. Войска въ центрѣ Башкиріи и на границѣ ихъ земли съ киргизами не позволяли имъ соединяться съ послѣдними для совокупныхъ дѣйствій противъ русскихъ. За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ до 1840 гг. башкиры сдѣлались мирными и вѣрными подданными, посылали своихъ людей на Оренбургскую линію для охраны ея совмѣстно съ казаками отъ набѣговъ киргизъ и въ душѣ ненавидѣли послѣднихъ, какъ враговъ, входили въ составъ военныхъ отрядовъ, посылавшихся въ степь, оставались всегда вѣрными русскому царю, по повелѣнію котораго въ памятный 1812 г. выставили 20 полковъ пятисотеннаго состава, дрались съ французами подъ Бородиномъ, Москвою, въ разныхъ мѣстахъ заграницею и въ числѣ другихъ войскъ занимали Парижъ.

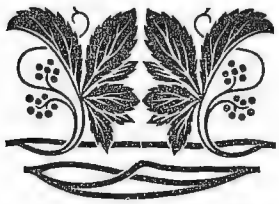
Миролюбіе башкиръ дѣлало ненужнымъ существованіе казачьихъ крѣпостей внутри Башкиріи и явилась мысль выселить казаковъ изъ всѣхъ внутреннихъ станицъ на Оренбургскую линію для большаго усиленія послѣдней. Въ 20 гг., во время управленія краемъ генерала Эссена,

состоялось повелѣніе о переселеніи красноуфимскихъ казаковъ, какъ болѣе удаленныхъ отъ Оренбурга, центра ихъ управленія. Для поселенія ихъ отрѣзали отъ киргизъ подъ названіемъ Илецкаго раіона участокъ между рѣкой Ураломъ съ лѣвой стороны и р. Илекомъ съ правой до впаденія въ него рч. Куралы. Возникшія здѣсь станицы стали грозою для киргизъ, которые не скоро примирились съ потерею своей земли, набѣги и бунты продолжались долго. Въ это время былъ взятъ въ плѣнъ небольшою шайкою киргизъ между Татищевской и Переволоцкой станицами есаулъ Иванъ Васильевичъ Подуровъ (впослѣдствіи наказный атаманъ), проѣзжавшій въ повозкѣ съ однимъ проводникомъ.

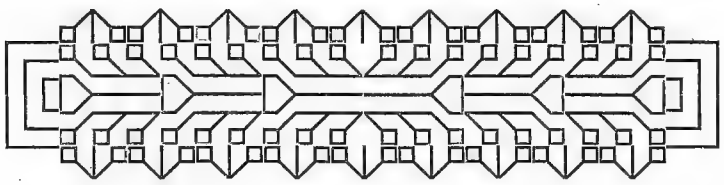
Съ прибытіемъ генерала Перовскаго казаки внутреннихъ станицъ составляли предметъ особаго его обсужденія. Онъ находилъ необходимымъ, въ видахъ государственной обороны восточной границы отъ вторженія въ предѣлы имперіи азіатскихъ полчищъ, усилить Оренбургскую линію для самостоятельнаго существованія и отпора ордъ. Перовскій предполагалъ однихъ изъ казаковъ внутреннихъ станицъ, по желанію, переселить въ линейныя станицы, а изъ другихъ образовать военныя поселенія по образцу чугуевскихъ. Для этой цѣли Перовскій предположилъ отмежевать огромный участокъ киргизской степи отъ крѣпости Орской вверхъ по рр. Ори и Кумаку до станицъ по р. Ую и этотъ участокъ населить казаками внутреннихъ станицъ, крестьянами малоземельныхъ губерній и солдатами четырехъ баталіоновъ, которыхъ для этого перевести изъ линейныхъ крѣпостей, гдѣ они составляли мѣстные гарнизоны, на новыя мѣста по самой границѣ съ киргизами съ обращеніемъ въ казачье сословіе. Это было выполнено въ 1835—36 гг. На новую линію были выселены въ наказаніе и казаки внутрен-

нихъ станицъ, оказавшіе сопротивленіе при введеніи общественной хлѣбной запашки

Эта мѣра была одна изъ важнѣйшихъ въ первое управленіе Перовскаго: она значительно увеличила раіонъ земель Оренбургскаго войска, которое по положенію 1840 г. образовало изъ себя особую область съ отдѣльною территоріею и отдѣльнымъ управленіемъ, независимымъ отъ губернской администраціи, дала возможность перевести туда всѣхъ казаковъ внутреннихъ станицъ со включеніемъ ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ и такимъ образомъ сплотила все войско въ одной мѣстности, уничтоживъ чрезполосицу.



В. А. Обручевъ.
[1812—1853]



VIII.

В. А. Обручевъ.

(1842—1851).

Съ назначеніемъ въ 1842 г. главнымъ начальникомъ края генерала Владиміра Аѳанасьевича Обручева, служившаго въ Новгородѣ начальникомъ дивизіи и, какъ говорили, ставленника графа Клейнмихеля, бывшаго не въ дружбѣ съ Перовскимъ, все измѣнилось: кочевка была заброшена, многія изъ учрежденій его предшественника предположены къ уничтоженію, и даже служившіе при Перовскомъ оставили Оренбургъ, чтобы занять лучшія мѣста.

Обручевъ, кромѣ одного адъютанта гвардіи капитана Николаева, не привезъ съ собой никого. Освободившіяся мѣста заняли второстепенные здѣшніе чиновники, или случайно кѣмъ-либо рекомендованные. Обручевъ, кажется, не имѣлъ въ виду никого изъ способныхъ и образованныхъ людей для замѣщенія должностей. Если не находилъ подходящихъ лицъ въ Оренбургѣ, то писалъ въ министерство, откуда сначала присылали хорошихъ людей, но Обручевъ не умѣлъ обращаться съ ними и привлекать къ себѣ.

Послѣ Рокоссовскаго, тотчасъ по отъѣздѣ Перовскаго оставившаго свой постъ, начальникомъ штаба былъ полковникъ Середа, бывшій правитель канцеляріи, но не поладилъ съ Обручевымъ и ушелъ. Послѣ него былъ Александръ Ивановичъ Верегинъ, служившій потомъ долгое время начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ; онъ тоже не сошелся съ губернаторомъ и скоро уѣхалъ. Говорили, что причина размолвки заключалась въ неявкѣ Верегина по вызову послѣ полуночи, когда онъ легъ спать, а губернаторъ прислалъ за нимъ. Послѣ него былъ генералъ Озерскій, хорошій на мѣстѣ бригаднаго командира, но плохой начальникъ штаба. Далѣе слѣдовалъ генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Прибытковъ—человѣкъ больной физически и умственно. Послѣ Прибыткова начальникомъ штаба пріѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Фантонъ-де-Верражъ, сумѣвшій оставаться въ этой должности до увольненія Обручева и въ первые годы второго управленія краемъ Перовскаго; впослѣдствіи онъ получилъ графское достоинство.

Причину быстрой перемѣны начальниковъ штаба и неудачнаго назначенія сихъ лицъ можно отнести и къ скудному окладу содержанія. Начальникъ корпуснаго штаба получалъ въ Оренбургѣ, если онъ былъ генералъ-маіоръ, при казенной квартирѣ и прислугѣ 860 р. и столько же столовыхъ, всего 1720 р.—содержаніе крайне ограниченное, такъ какъ по своему положенію онъ долженъ былъ имѣть приличный выѣздъ и держать себя на положеніи лица, выше многихъ поставленнаго; если начальникъ штаба былъ полковникъ, то содержаніе его не превышало 1500 р.

Генералъ Озерскій былъ вдовецъ, имѣлъ одну дочь невѣсту, и близкіе къ нему говорили, что онъ живетъ не лучше армейскаго штабъ-офицера, сберегая для дочери

на приданое до 500 р. въ годъ. Прибытковъ былъ одинокій холостякъ, а Фантонъ—человѣкъ семейный, имѣлъ жену и дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери.

Генералъ Перовскій много помогалъ своимъ служащимъ, а особенно занимавшимъ высокія должности, выдачею наградныхъ изъ особыхъ хозяйственныхъ капиталовъ, имъ собранныхъ, а семействамъ служащихъ давалъ крупные подарки, особенно дамамъ на платья. При такихъ субсидіяхъ и дешевизнѣ жизнь была возможна и небогатому семейному человѣку.

Съ увольненіемъ Перовскаго капиталы остались у его преемника, но положительнаго закона о расходованіи ихъ не было, нѣкоторые капиталы были даже совершенно неизвѣстны въ Петербургѣ, а равно и производившіяся хозяйственныя операціи. Обручевъ не позволялъ себѣ дѣлать то, что творилось при Перовскомъ.

Сокращеніе получаемаго содержанія, неувѣренность, а скорѣе невозможность сдѣлать карьеру службою при Обручевѣ, далеко не пользовавшагося тою силою и значеніемъ въ оффиціальныхъ кругахъ Петербурга, какія имѣлъ Перовскій, особенно у императора Николая Павловича,—заставили всѣхъ служившихъ при Перовскомъ, начиная съ его личныхъ адъютантовъ, уѣхать въ Петербургъ, гдѣ почти всѣ они устроились отлично: генералъ Рокоссовскій получилъ мѣсто генералъ-провіантмейстера военнаго министерства, бывшій правитель канцеляріи Середа былъ назначенъ губернаторомъ въ Вятку, Балкашинъ губернаторствовалъ въ Саратовѣ, а потомъ въ Уфѣ и т. п.

Генералъ Обручевъ, вступивъ въ должность, нашелъ въ Оренбургѣ общественно-дворянское собраніе, произведшее большой переворотъ въ здѣшнемъ обществѣ. Правда, лучшіе изъ интеллигенціи уѣхали вслѣдъ за Пе-

ровскимъ, но это были большею частью лица, принадлежавшія къ высшему классу и постоянно тамъ обращавшіяся; для нихъ собраніе не представляло потребности: они всегда могли найти развлеченія въ частныхъ домахъ. Вмѣсто нихъ стали пріѣзжать молодые, образованные люди, преимущественно военные-любители танцевъ и картежной игры.

Доступъ такихъ лицъ въ высшій кругъ производился съ крайней разборчивостью и въ ограниченномъ числѣ; иногда ихъ приглашали въ дома ихъ начальниковъ, но за то въ общественномъ собраніи они были всегда желанными гостями и танцы поддерживались почти исключительно ими. Но молодые офицеры, усердно посѣщая вечера въ собраніи, вскорѣ увидѣли, что на офицерское жалованье нельзя жить молодому человѣку, не отказываясь отъ общественныхъ увеселеній: одежда, бѣлыя перчатки, стаканъ чаю и рюмка водки приходились не по карману офицера на одномъ жалованьи; уплата по счетамъ буфета заставила многихъ отказаться отъ посѣщенія собранія и сидѣть вечерами или дома, или у товарища; благодаря этому, они сдѣлались болѣе исправными къ службѣ.

Обыкновенные танцевальные вечера проводились собравшеюся публикою весело и пріятно, чему много содѣйствовали старшины собранія, которые выбирались изъ самыхъ почетныхъ и богатыхъ лицъ; они устраивали для дамъ угощенія въ видѣ дессерта и прохладительныхъ напитковъ на свой счетъ.

Въ высшемъ кругу вечера съ танцами тоже продолжались, но это допускалось только богатыми людьми, имѣвшими дочерей, или у которыхъ были молодыя жены—любительницы танцевъ.

Въ Оренбургъ на зиму пріѣзжали изъ деревень по-

мѣщики съ своими семьями: Пасмуровы, Эннатскіе и другіе изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

Обручевъ съ пріѣзда велъ какъ бы затворническую жизнь, хотя жена его Матильда Петровна была другого взгляда на жизнь. Говорили, что причина скромной жизни генерала заключалась въ недостаткѣ средствъ. Такъ или иначе, но дѣло дошло до Петербурга; оттуда было прислано 10 т. руб. для приличной жизни и содержанія, и Обручевъ сталъ устраивать въ своемъ обширномъ помѣщеніи вечера съ танцами и картами. Не любитель картъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, кто изъ его чиновниковъ играетъ въ карты и въ концѣ года, при назначеніи наградъ, или вовсе не давалъ ихъ такимъ чиновникамъ, или назначалъ мало. Я помню, что чиновникъ его канцеляріи Охочинскій, любитель картъ, ничего не получилъ, а когда правитель канцеляріи спросилъ о причинѣ, Обручевъ отвѣтилъ, что постоянно замѣчалъ Охочинскаго играющимъ въ карты, значитъ онъ не нуждался въ деньгахъ.

Вечера и обѣды устраивались у бывшихъ атамана графа Цукато и начальника дивизіи генерала Толмачева, на дочери котораго женился богатый помѣщикъ Николай Егоровичъ Тимашевъ; у нихъ собирался преимущественно высшій кругъ. Еникуцевъ, Звенигородскій и Горячевъ устраивали у себя едва-ли не каждый вечеръ карты съ хорошимъ ужиномъ и винами.

Вообще жизнь въ Оренбургѣ текла тихо, безъ треска и другихъ выдающихся проявленій. Надобно еще сказать, что въ первый день Пасхи у Обручева разговлялись всѣ бывшіе въ церкви; выбора и особыхъ приглашеній не практиковалось, но на обѣды въ торжественные дни приглашались избранные изъ высшихъ чиновниковъ, а въ новый годъ и въ день коронованія Обручевъ приглашалъ почетныхъ киргизъ, на угощеніе

которыхъ отпускалось ему изъ казны 6 т. руб. асс. въ годъ.

Генералъ Обручевъ при своемъ управленіи обращалъ строгое вниманіе на подчиненныхъ ему и не жившихъ въ Оренбургѣ. Въ это время былъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска полковникъ Кожевниковъ, вступившій въ эту должность по приглашенію Перовскаго, которому онъ случайно понравился при исполненіи порученія министра государственныхъ имуществъ графа Киселева объ образованіи у государственныхъ крестьянъ особаго управленія въ видѣ палатъ и окружныхъ начальниковъ. Перовскій пригласилъ Кожевникова на службу къ себѣ, какъ молодого хорошо образованнаго человѣка, знакомаго съ тогдашними стремленіями правительства о лучшемъ благоустройствѣ казенныхъ поселянъ. Кожевникова полюбили въ Уральскѣ казаки болѣе бывшаго до него атамана Покотилова, перваго изъ чужеродцевъ (т. е. не изъ казаковъ). Перовскій надѣялся при содѣйствіи Кожевникова ослабить въ Уральскомъ войскѣ расколъ, распространить просвѣщеніе и искоренить грубые обычаи На сколько Кожевниковъ успѣлъ подготовить умы казаковъ, трудно сказать, но онъ имѣлъ крупный недостатокъ— любилъ выпить и, кромѣ того, тратилъ много изъ войсковыхъ суммъ. Онъ разошелся съ Обручевымъ, вышелъ въ отставку и получилъ потомъ мѣсто губернатора въ Саратовѣ. Атаманомъ въ Уральскъ назначенъ былъ полковникъ Геке.

Послѣ неудачнаго хивинскаго похода и со вступленіемъ Обручева въ должность начальника края правительство измѣнило свои взгляды на киргизскую степь, ея обитателей киргизъ и на наши отношенія къ Среднеазіатскимъ ханствамъ: Хивѣ, Бухарѣ и Кокану. Прежнія требованія ограничивались установленіемъ спокойствія,

прекращеніемъ раздоровъ и баранты между отдѣльными родами киргизъ. Прежде при слухахъ о скопленіи значительныхъ вооруженныхъ шаекъ въ степи почти каждое лѣто высылались военные отряды казаковъ съ артиллеріею. Разбивъ скопище, захвативъ или убивъ главныхъ зачинщиковъ, отряды возвращались на линію, и степь, повидимому, оставалась успокоенною подъ управленіемъ трехъ султановъ-правителей, черезъ которыхъ проводились всѣ новыя мѣропріятія. Но время показало, что султаны-правители не имѣли большого вліянія на киргизъ, и послѣдніе, можно сказать, не считали себя подданными русскаго царя; не отказываясь отъ наружныхъ знаковъ подчиненія, они болѣе держались хивинскаго хана, во владѣніяхъ котораго кочевали главные бунтовщики, платили ему дань (зякетъ) и въ то же время охотно вносили кибиточную подать, пополняя хивинскія скопища при вторженіяхъ ихъ въ нашу часть степи. Устраненіе такихъ безпорядковъ могло быть достигнуто содержаніемъ военныхъ отрядовъ въ глубинѣ степи, которые могли бы во всякое время усмирять начавшееся движеніе въ народѣ. Съ этою цѣлью въ 1845 и 46 гг. заведены были два укрѣпленія на рр. Тургаѣ и Иргизѣ въ составѣ 200 казаковъ, роты пѣхоты и нѣсколькихъ пушекъ съ прислугою. Первое укрѣпленіе названо было Оренбургскимъ, потому что гарнизонъ его составляли Оренбургскіе казаки, а второе Уральскимъ, въ коемъ были уральцы. Въ 1847 г. болѣе сильное укрѣпленіе было построено на р. Сырь-Дарьѣ, при ея устьѣ, на урочищѣ Раимъ, почему и названо Раимскимъ.

Устройство этихъ укрѣпленій вызвало необходимость назначенія особыхъ спеціалистовъ инженеровъ и флотскихъ офицеровъ. Прибывшіе были молодые, хорошо образованные люди. Они жили въ Оренбургѣ и разнообра-

зили мѣстное общество, особенно въ собраніи, которое улучшалось въ своемъ составѣ, а съ этимъ отжившіе порядки замѣнялись новыми, принятыми въ столичныхъ обществахъ.

Приливъ и отливъ молодыхъ людей продолжался во все время управленія Обручева.

Оренбургское общество конца 40 и начала 50 гг. далеко было не то, какимъ оставилъ его генералъ Перовскій: тамъ былъ небольшой кружокъ людей, ему подчиненныхъ и во всемъ ему сочувствовавшихъ, а въ новомъ обществѣ замѣчалась нѣкоторая самостоятельность и оно вліяло на мѣстную жизнь.

Обручевъ, подобно своимъ предшественникамъ, обратилъ особенное вниманіе на башкиръ, находя своевременнымъ измѣнить ихъ кочевой образъ жизни, но въ этомъ потерпѣлъ неудачу.

Въ Оренбургѣ мужскія правительственныя школы существовали съ XVIII ст., какъ напримѣръ главное народное училище, что нынѣ первое 3-классное городское, но школъ для дѣвочекъ вовсе не существовало; дѣвочки учились у частныхъ лицъ, далеко неподготовленныхъ къ этому дѣлу. Первый изъ начальниковъ края, обратившій на это вниманіе, былъ графъ Сухтеленъ. При немъ была открыта первая дѣвичья школа по образцу существовавшихъ въ Петербургѣ при гвардейскихъ полкахъ. Въ школѣ обучали чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, рукодѣліямъ и башмачному ремеслу. Предполагалось обучать дочерей нисшаго класса горожанъ: мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и ремесленниковъ, а потому составъ школы былъ пестрый. Дочери небогатыхъ чиновниковъ, служившихъ въ Оренбургѣ, обучались наукамъ и рукодѣлію, а дочери горожанъ—одному мастерству.

Перовскій въ первое управленіе краемъ не обращалъ

никакого вниманія на женское образованіе и училище оставалось въ прежнемъ видѣ.

По ходатайству Обручева училище было преобразовано въ институтъ благородныхъ дѣвицъ съ комплектомъ на 80 дѣвочекъ, изъ которыхъ 40 были на иждивеніи училища и 40 пансіонерокъ съ невысокою платою— 80 или 90 руб. Для института построенъ былъ каменный домъ на занимаемомъ и теперь мѣстѣ. Средства для этого Обручевъ употреблялъ изъ мѣстныхъ источниковъ: пожертвованій частныхъ золотопромышленниковъ Оренбургскаго края, платившихъ по приглашенію главныхъ начальниковъ 1% съ добывашагося металла; изъ этихъ то пожертвованій составился довольно значительный капиталъ.

Оренбургское Неплюевское военное училище, открытое въ 1826 г., *) долгое время не имѣло опредѣленнаго штата, денегъ на свое содержаніе, и долгое время не давало обучавшимся въ немъ особыхъ правъ по окончаніи курса и для поступленія на службу.

По ходатайству Перовскаго въ 1840 г. были дарованы этому училищу новое положеніе и права окончившимъ въ немъ курсъ воспитанникамъ примѣнительно къ кадетскимъ корпусамъ, но число воспитанниковъ оставлено прежнее—80 человѣкъ, изъ которыхъ половина пансіонеровъ на собственномъ содержаніи.

Обручевъ и здѣсь усмотрѣлъ недостатокъ вакансій для такого обширнаго раіона, какъ Оренбургскій край, и испросилъ высочайшее соизволеніе на переименованіе этого заведенія въ Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, увеличилъ число вакансій до 200, по 30 на каждое казачье войско, и столько же для киргизъ, отнеся содержаніе первыхъ на войсковые капиталы, а по-

---

Оно открыто 2-го января 1825 г. И. С. Шукшинцевъ.

слѣднихъ на билетный сборъ; остальныя 80 вакансій оставались на прежнемъ положеніи.

Такая благодѣтельная мѣра была очень сочувственно принята въ войскахъ чиновничьимъ классомъ, получившимъ возможность давать своимъ сыновьямъ военное образованіе, какъ болѣе сообразное съ обязательною службою въ своемъ войскѣ. Въ такомъ видѣ Неплюевскій кадетскій корпусъ оставался до общаго преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ 60-хъ гг. въ военныя гимназіи, доступъ въ которыя дозволенъ былъ всѣмъ сословіямъ. Такая перемѣна совершенно видоизмѣнила въ существѣ права войсковыхъ офицеровъ на образованіе своихъ сыновей. Писарь, урядникъ, жившіе въ Оренбургѣ, имѣли полную возможность учить своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и всегда могли развить ихъ способности болѣе сравнительно съ строевымъ офицеромъ, жившимъ въ станицѣ и всю службу проведшимъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ и другихъ мѣстахъ; сыновей своихъ онъ едва могъ съ большимъ трудомъ научить читать и писать. При вступленіи въ корпусъ сыновья писарей, урядниковъ, получившихъ классный чинъ, всегда были лучше дѣтей офицеровъ строевой службы, и они по конкурсу принимались въ корпусъ, а послѣдніе возвращались домой и потомъ служили нижними чинами, если отцы ихъ не находили возможности приготовить ихъ для поступленія въ юнкерское училище.

Обручевъ, заботясь о военномъ образованіи казачьихъ войскъ, оставилъ въ пренебреженіи спеціальное образованіе, начальное основаніе которому положилъ Перовскій учрежденіемъ въ Оренбургѣ училища земледѣлія и лѣсоводства для Оренбургскаго казачьяго войска, на содержаніе котораго 3500 р. отпускалось изъ казны, а 1500 р. изъ войскового хлѣбнаго капитала. Училище это,

открытое въ 1836 г., имѣло 20—25 учениковъ; спеціальнымъ предметамъ, земледѣлію и лѣсоводству, обучали два учителя съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, получавшіе большое жалованье, а общіе предметы проходились не выше курса уѣзднаго училища и преподавались мѣстными учителями. Воспитанники изъ казачьихъ малолѣтковъ Оренбургскаго войска содержались на иждивеніи войска; кромѣ того, были 2 ученика изъ Уральскаго войска съ платою по 85 р. въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшіе ученики теоретически изучали свои спеціальности, но не видѣли на практикѣ примѣненія теоріи. Выпускъ изъ училища былъ прямо въ дома, гдѣ надѣялись видѣть въ нихъ піонеровъ новаго способа обработки земли. Не имѣя ни практическихъ указаній, ни новыхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, ученики забывали все выученное и поступали на службу писарями и терялись въ массѣ. Лѣсоразведенія даже не начиналось, кромѣ небольшого разсадника или лѣсного питомника при самомъ зданіи училища (нынѣ войсковой арсеналъ). Училище въ самомъ началѣ не оправдало ожиданій начальства; это должно отнести къ тому, что оно не имѣло особаго опытнаго руководителя. Подчиненное сначала директору Неплюевскаго военнаго училища, полковнику Маркову, а за смертью его—въ 1848 г.— Оренбургскому коменданту, генералъ-маіору Лифлянду, а послѣ его смерти католическому ксенду Зеленко, *) училище клонилось къ упадку, а съ переходомъ подъ начальство есаула Гребенщикова прекратило существованіе, хотя оффиціально не было закрыто; при вторичномъ управленіи краемъ Перовскаго оно вновь начало дѣйствовать

*) Скончался въ Оренбургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX ст. Прим. С. Н. Севастьянова.

подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Герна. При училищѣ была ферма въ 2500 десятинъ земли въ генералъ-губернаторскомъ участкѣ, а для работъ ежегодно высылалась башкирская команда. Гернъ, производя различные опыты, израсходовалъ сбереженныя при Обручевѣ деньги до 20 т. руб., но не могъ поддержать училища, и оно было закрыто генераломъ Катенинымъ.

Генералъ Обручевъ въ управленіи краемъ не имѣлъ опредѣленной программы. Всѣ его мѣропріятія къ развитію и улучшенію края являлись случайными. Край былъ бѣденъ въ медицинскомъ отношеніи, а въ станицахъ и совсѣмъ не было медиковъ, но на такой существенный недостатокъ не обращалось вниманія. Повальныя скотскія болѣзни, занесенныя изъ киргизскихъ степей и изъ Сибири, не прекращались въ краѣ и приносили громадные убытки мѣстному населенію. Оставивъ безъ вниманія здравіе казаковъ по станицамъ, Обручевъ испросилъ высочайшее соизволеніе на открытіе при Казанскомъ университетѣ по ветеринарному его отдѣленію 10 стипендій на счетъ войска для приготовленія ветеринаровъ, которымъ воспрещалось переходить на общій медицинскій курсъ. Обручевъ находилъ болѣе сообразнымъ въ казачьихъ войскахъ и у башкиръ вмѣсто врачей имѣть фельдшеровъ; съ этою цѣлью существовавшая въ Оренбургѣ фельдшерская школа была увеличена; въ ней обучалось 40 учениковъ на капиталы казачьихъ войскъ; впослѣдствіи для нея построенъ былъ каменный домъ, существующій и нынѣ.

Надобно отдать справедливость Обручеву въ томъ, что ни одно изъ учрежденій въ Оренбургѣ не оставалось безъ его личнаго надзора. Посѣщая кадетскій корпусъ во время обѣда, онъ пробовалъ пищу воспитанниковъ и, когда находилъ ее неудовлетворительною, призывалъ эко-

нома и тутъ же распекалъ его. Въ дѣвичьемъ училищѣ *) (нынѣ Оренбургскій институтъ Императора Николая I) онъ заходилъ въ церковь и, если находилъ, что въ ризницѣ ризы не были въ порядкѣ уложены, то посылалъ сказать священнику, что онъ «отмѣнно недоволенъ этимъ».

Обручевъ имѣлъ способность во время узнавать и открывать злоупотребленія. Замѣтивъ одного кантониста, ходившаго около его дома, онъ заключилъ, что тотъ желаетъ сказать ему о чемъ-либо, самъ вышелъ къ нему и спросилъ, что нужно. Тотъ сказалъ, что на другой день, рано утромъ, изъ дома кантонистовъ, гдѣ нынѣ 2-й кадетскій корпусъ, будутъ вывезены экономическій холстъ, сукно, кожевенный товаръ. Обручевъ на другой день отправился самъ и накрылъ похитителей. Баталіонный командиръ, маіоръ Сплодринскій, получилъ отставку.

Узнавъ, что солдаты линейныхъ баталіоновъ въ Оренбургѣ курятъ табакъ, привезенный изъ имѣнія дивизіоннаго начальника генералъ лейтенанта Толмачева для продажи, приказалъ баталіонному командиру принести показать ему табакъ. Элегантный баталіонный командиръ, маіоръ Чигирь, брезгливо относившійся ко всему, употребляемому народомъ, явился къ корпусному начальнику съ двумя пачками листового табаку-махорки. Сдѣлано это было Обручевымъ съ цѣлью показать, что ему все извѣстно.

Вечеромъ въ лѣтнее время Обручевъ нерѣдко ходилъ по городу въ сопровожденіи ординарца урядника или унтеръ-офицера. Дѣлая лично взысканія съ попадавшихся ему чиновниковъ, онъ иногда смѣшивалъ лица и говорилъ невпопадъ. Такъ послѣ развода, увидавъ одного от-

*) Въ 1848 г. данъ новый штатъ, а въ 1855 г. переименовано въ Институтъ для благородныхъ дѣвицъ.

ставного офицера, онъ подозвалъ его и распекъ за дурное состояніе почтовыхъ дорогъ въ уѣздѣ, что онъ замѣтилъ во время недавней поѣздки. Распекаемый отвѣтилъ, что онъ дорогами не завѣдуетъ. Обручевъ спросилъ, развѣ онъ не земскій исправникъ, и узнавъ, что тотъ экономъ кадетскаго корпуса, распекъ его за безпорядки, найденные при послѣднемъ посѣщеніи корпуса, когда эконома не было дома.

Обручевъ былъ очень скупъ въ своей частной жизни. Однажды, во время масляницы, по его приказанію построили сани-лодку для катанья по Николаевской улицѣ избранной интеллигенціи. Лодку привезли къ его дому и доложили, что все готово, но немного не хватило денегъ для уплаты мастерамъ; по расчету нужно было додать 2 или 3 р. съ копейками. Обручевъ отдалъ сполна и самъ считалъ мѣдяки.

Какъ главный начальникъ края, обязанный въ торжественные дни дѣлать большіе обѣды и балы, онъ долженъ былъ имѣть достаточно прислуги, но послѣдняя у него была въ ограниченномъ размѣрѣ, только для своей семьи; въ исключительныхъ случаяхъ для увеличенія штата прислуги брались изъ баталіоновъ солдаты, знавшіе это дѣло еще до вступленія въ военную службу. Ихъ одѣвали во фраки и они замѣняли лакеевъ. Иногда они служили у Обручева безсмѣнно долгое время. Предъ праздниками Рождества и Пасхи, когда принято дарить прислугѣ, Обручевъ собиралъ ихъ всѣхъ и каждому давалъ въ бумажкѣ завернутыя деньги, отъ 1 до 3 р., чтобы они на эти деньги покупали себѣ бѣлыя перчатки, и всегда подтверждалъ, чтобы деньги не пропивали.

Это мнѣ разсказывалъ правитель его канцеляріи Смольяниновъ, ближе другихъ стоявшій къ Обручеву и

хорошо знавшій порядки, установившіеся въ его семьѣ. Тотъ же Смольяниновъ, будучи начальникомъ отдѣленія, вмѣстѣ съ войсковымъ старшиной Петромъ Ивановичемъ Коринымъ были взяты Обручевымъ въ Петербургъ. При ограниченныхъ своихъ личныхъ средствахъ они расчитывали имѣть содержаніе изъ экстраординарныхъ казенныхъ суммъ, которыя взялъ Обручевъ на поѣздку. Квартира была въ гостиницѣ общая, обѣдъ общій съ генераломъ, но ужинъ и чай не полагались. Содержатель ресторана говорилъ имъ, что напрасно они стѣсняются, что генералъ заплатитъ и что дѣло устроится такъ, что чиновники останутся не при чемъ. Въ положенные часы ужинъ и чай исправно имъ стали подаваться, что продолжалось до отъѣзда. Когда поданъ былъ счетъ, Обручевъ раскричался на содержателя гостиницы. Тотъ сказалъ, что всѣ останавливавшіяся у него высокія особы содержали своихъ чиновниковъ; по этому онъ, не предупрежденный генераломъ, подавалъ имъ завтраки, ужинъ и чай. Чиновники въ свою очередь заявили, что они видѣли въ этомъ его приказаніе. Обручевъ уплатилъ по счету, но долго напоминалъ имъ, какъ они въ Питерѣ хозяйничали на его счетъ.

Въ отпускаемыхъ ему казенныхъ деньгахъ Обручевъ былъ экономенъ до скупости.*) Такія суммы, какъ отпу-

*) Обручевъ дѣйствительно берегъ казенную копейку, а подозрѣвая инженеровъ въ слишкомъ широкихъ замашкахъ по расходованію денегъ на постройки, съ великимъ неудовольствіемъ поручалъ имъ казенныя работы. При постройкѣ, напр., житницъ для хлѣба въ Оренбургскомъ войскѣ—онъ, по словамъ старожиловъ, довѣрилъ это дѣло прямо казачьимъ офицерамъ, призвавъ ихъ къ себѣ и въ присутствіи инженеровъ обратился къ нимъ съ предложеніемъ построить житницы хозяйственнымъ способомъ, подчеркнувъ при этомъ, что

скаемыя на пособія бѣднымъ чиновникамъ 600 р. и на экстраординарные расходы—2800 р., расходовалъ, строго придерживаясь закона, и случалось такъ, что по истеченіи года Обручевъ возвращалъ въ казначейство до половины отпускавшихся денегъ, не позволялъ брать изъ этого источника на награды служащимъ въ канцеляріи, которымъ выдавалъ то, чтто оставалось отъ штатныхъ суммъ. Первый его правитель канцеляріи Лебедевъ составлялъ исключеніе, получая по 150 р. въ треть изъ экстраординарной суммы въ добавленіе къ 1300 р. его штатнаго жалованья. Этотъ Лебедевъ оставался однимъ изъ немногихъ, привезенныхъ Перовскимъ на должность правителя канцеляріи, но не получившій при немъ этого мѣста потому, что Перовскій нашелъ болѣе талантливаго и уже знакомаго съ краемъ Акима Ивановича Середу. Лебедевъ согласился принять мѣсто секретаря съ сохраненіемъ содержанія правителя канцеляріи. Лебедевъ происходилъ изъ духовнаго званія, кончилъ курсъ духовной семинаріи; на своей родинѣ онъ былъ правителемъ канцеляріи Воронежскаго губернатора, потомъ перешелъ на службу въ Петербургъ, откуда приглашенъ былъ на службу въ Оренбургъ.

Съ отличными способностями и полученными на службѣ практическими знаніями онъ, пока состоялъ въ канцеляріи, умѣлъ удерживать Обручева отъ неудачныхъ мѣропріятій. Лебедевъ замѣтивъ, что Обручевъ увлекается чѣмъ—либо и желаетъ вести дѣло по своему, говорилъ ему, что такъ нельзя, неудобно, не по закону. Об-

---

они конечно не позволятъ себѣ мошенничать, какъ вотъ эти господа инженеры. При постройкѣ казенной мечети въ Оренбургѣ Обручевъ заставилъ взобраться наверхъ одного толстяка инженера и раскричался на него за то, что голуби насорили наверху. Прим. С. Н. Севастьянова.

ручевъ настаивалъ на своемъ. Лебедевъ исполнялъ приказаніе, а впослѣдствіи высшее начальство разъясняло, что такъ неудобно поступать. Укажу на одинъ изъ такихъ случаевъ. Ханъ внутренней Букеевской орды Джангеръ Букеевъ, сумѣвшій лично просить государя Николая Павловича за оставленіе въ его семействѣ ханскаго достоинства, удостоился получить благопріятное увѣреніе, что сыновья его не будутъ забыты. Въ 1849 или 50 г. кончилъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ сынъ Джангера Сагибъ-Гирей и черезъ преданныхъ ему лицъ заявилъ желаніе, согласно данному обѣщанію, занять въ ордѣ мѣсто отца, умершаго предъ тѣмъ. Сагибъ-Гирей, возведенный въ княжеское достоинство и корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, долженъ былъ пріѣхать на нѣкоторое время въ Оренбургъ для ознакомленія съ предстоящими ему обязанностями и для изученія дѣлъ орды. Возникъ вопросъ о назначеніи ему содержанія. Необходимо замѣтить, что ханъ Джангеръ получалъ въ годъ собираемаго съ киргизъ зякета свыше 300 т. руб. асс. въ полное и безотчетное распоряженіе и содержалъ на эти доходы все внутреннее управленіе. Съ его смертью порядокъ этотъ измѣнился: сборъ зякета, какъ казенная подать, сталъ поступать въ распоряженіе правительства и расходоваться на опредѣленные предметы; поэтому Обручевъ никакъ не мирился съ мыслью, что новому князю Сагибъ-Гирею нужно дать приличное его званію содержаніе, и, послѣ всѣхъ соображеній Лебедева, настоялъ на своемъ, опредѣливъ сумму не свыше 1 т. р., а можетъ быть и меньше. Дѣло пошло въ министерство государственныхъ имуществъ, которому подчинена была внутренняя орда, и оттуда получена была бумага, въ которой первая страница оканчивалась словами *пятьсотъ руб.* Обручевъ потребовалъ Лебедева и сказалъ, что онъ

хорошо сдѣлалъ, не согласившись съ нимъ. Лебедевъ, вскрывавшій конверты прежде, отвѣчалъ: «Вы не дочитали, переверните страницу и увидите другое». Обручевъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что 500 р. назначены *въ мѣсяцъ*. Съ этого времени онъ въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдовалъ руководительству Лебедева.

Обручевъ былъ необузданъ въ начинаніи дѣлъ и въ направленіи ихъ по своему усмотрѣнію, какъ это покажетъ дѣло подполковника Ив. Ив. Корина, служившаго дежурнымъ штабъ-офицеромъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Съ образованіемъ Оренбургской линіи отправленіе по ней почтовой гоньбы составляло обязанность всего башкирскаго народа, какъ служебная повинность. Башкиры выставляли на опредѣленныя станціи извѣстное число лошадей съ телѣгами, а зимою санями, со всею сбруею и проводниковъ, содержа на свой счетъ какъ лошадей, такъ и людей. На самомъ дѣлѣ башкиры гоньбу сдавали мѣстнымъ жителямъ, отдавая имъ лошадей съ приплатою денегъ на содержаніе послѣднихъ, а сами уѣзжали въ свои дома. Такой порядокъ продолжался до половины 1835 г. Почту и проѣзжающихъ возили наемные ямщики; почтовыхъ станцій (домовъ) не существовало; опредѣленныхъ правилъ на счетъ возки, формы ямщиковъ и размѣра повозокъ не было,—возили въ чемъ и у кого что было. Въ 1835 г. по ходатайству Перовскаго натуральная поставка почтовыхъ лошадей была отмѣнена, а вмѣсто этого башкиры были обложены 80 коп. ассигн. (23 к.) сборомъ съ души. Почтовое вѣдомство старалось и на Оренбургской линіи ввести общія правила, но оно встрѣчало затрудненіе въ томъ, что не вся собираемая съ башкиръ сумма употреблялась по прямому ея назначенію, а многое уходило на внутреннее управленіе башкир-

скимъ войскомъ. Для управленія было желательно сдать почтовыя станціи за низшую цѣну и оно черезъ особыхъ чиновниковъ выдавало почтосодержателямъ плату; вслѣдствіе этого стремленія почтоваго вѣдомства не могли исполняться на мѣстѣ, но все таки оно не оставляло своихъ требованій отъ содержателей линейныхъ станцій и тѣснило ихъ во всемъ, касающемся исправности почтовой гоньбы. Дѣло дошло до того, что почтовыхъ станцій за прежнюю низкую плату никто ни съ торговъ, ни по распоряженіямъ не бралъ, да и опредѣлить дѣйствительную стоимость станцій мѣстнымъ жителямъ было нельзя: требовались извѣстнаго размѣра повозки, а на мѣстѣ такихъ не было, нужно было выписывать со стороны и т. п.

Подполковникъ Коринъ, прежде занимавшійся содержаніемъ станцій, хорошо зналъ, чѣмъ именно можно ублаготворить почтмейстеровъ,—а именно—не дѣлать особыхъ притязаній по буквѣ почтовыхъ правилъ. При содѣйствіи другихъ лицъ онъ добился согласія почтовыхъ чиновниковъ нѣсколько поблажать казакамъ-почтарямъ, составилъ анонимное товарищество, чтобы взять въ однѣ руки весь Оренбургскій линейный трактъ, и явился въ Оренбургское войсковое правленіе на торги, внеся установленный залогъ наличными деньгами. На торгахъ присутствовалъ самъ наказный атаманъ, графъ Цукато, съ полнымъ составомъ присутствія. Ни для кого не было тайной, что Коринъ—дежурный штабъ-офицеръ, знали также и негласныхъ его товарищей (адъютантъ атамана ротмистръ Жидковъ, жена котораго имѣла большой капиталъ, и чиновникъ Биберштейнъ, дочь котораго была за братомъ Корина,—ассесоромъ войскового правленія Петромъ Ив. Коринымъ). На торгахъ станціи остались за Коринымъ за много высшую плату и съ условіемъ содержать ихъ во всемъ согласно почтовыхъ правилъ.

Военному губернатору тоже было хорошо извѣстно, кто Коринъ, но должность его не препятствовала дѣлу.

Военный совѣтъ, по представленію Обручева, утвердилъ станціи на три года за выпрошенную на торгахъ сумму за Коринымъ. Заключивъ контрактъ, онъ сдѣлался хозяиномъ дѣла. Поѣхавъ по линіи, Коринъ нанялъ на всѣхъ станціяхъ казаковъ и частію чиновниковъ за меньшую цѣну. Причина выгодной передачи заключалась въ томъ, что Коринъ сдалъ станціи на условіи знать его одного, отъ него получать плату не только за отбытое время, но при нуждѣ и впередъ, а всякое придирчивое требованіе почтовыхъ чиновниковъ оставилъ за собою, а равно и отвѣтственность за потерю корреспонденціи при перевозкѣ по почтѣ, залоговъ же не бралъ ни съ кого.

Досужіе люди сосчитали, что отъ этой операціи у Корина остается въ годъ не менѣе 12 т. руб. Аппетиты разгорѣлись, и заговорили о томъ, что Коринъ сумѣлъ ловко устроить хорошее дѣло. Онъ послѣ лично говорилъ мнѣ, что даже наказный атаманъ, графъ Цукато, за обѣдомъ у себя съ скрытою завистью говорилъ о немъ, какъ о будущемъ богачѣ.

Обручева дѣло это покоробило. Совѣтники его говорили и такъ и иначе; придумали начать дѣло, противъ чего не былъ и правитель канцеляріи Лебедевъ. Нужно было узнать, что дѣлалъ Коринъ на мѣстѣ и какъ совершилась передача станцій. Для повѣрки дѣйствій Корина, какъ дежурнаго штабъ-офицера, изображавшаго собою все, не было въ войскѣ лица и военный губернаторъ послалъ для этого состоявшаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученіи войскового старшину Уральскаго войска Матвѣева.

Ураганомъ пронесся проѣздъ Матвѣева по всей линіи до Сибири; онъ допрашивалъ и собиралъ факты

мнимыхъ преступленій Корина, отобралъ на одной или двухъ станціяхъ пустыя записки, но ничего не обнаружилось кромѣ того, что говорилъ самъ Коринъ, т. е., что онъ сдалъ станціи за много меньшую плату, чѣмъ самъ взялъ. Результаты дознанія были пересланы Обручеву въ Петербургъ, гдѣ онъ находился по дѣламъ службы.

Въ Петербургѣ было составлено и послано военному министру донесеніе о такомъ крупномъ злоупотребленіи, въ допускѣ котораго обвиняли войсковое правленіе, которое въ дѣйствительности въ этомъ дѣлѣ не сдѣлало ничего противозаконнаго.

Въ отвѣтъ было получено отношеніе бывшаго департамента военныхъ поселеній, въ которомъ тогда сосредоточены были дѣла казачьихъ войскъ, направить настоящее дѣло къ законному производству и вмѣстѣ съ тѣмъ передано приказаніе военнаго министра, графа Чернышева, обратить вниманіе на то, «благонадеженъ»-ли составъ членовъ войскового правленія «для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей»?.

Бумага департамента военныхъ поселеній была прислана въ Оренбургъ, гдѣ должность военнаго губернатора, за отсутствіемъ Обручева, исправлялъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ. Онъ назначилъ слѣдствіе, для производства котораго избраны были командиръ 1-го Оренбургскаго казачьяго полка полковникъ Бергъ и старшій адъютантъ корпуснаго штаба капитанъ Михайловъ. Въ перепискѣ прошла половина срочнаго по контракту времени. Коринъ сполна получалъ контрактную плату и самъ удовлетворялъ нанятыхъ почтарей. Негласные компаніоны Корина, предвидя возможность потерять вложенный въ дѣло капиталъ, получили въ началѣ свои деньги, которыя имъ были возвращены изъ прибыли перваго года, и такимъ образомъ вышли изъ дѣла безъ потери, но и безъ пользы,

а Коринъ остался единственнымъ хозяиномъ и собственникомъ предпріятія.

Слѣдствіе велось въ рамкахъ предварительнаго дознанія и тоже ничего не открыло. Сначала оно велось горячо и скоро, а потомъ за справками затянулось. Наступила страшная и повсемѣстная въ краѣ холера 1848 г. Коринъ умеръ, а за нимъ и правитель канцеляріи военнаго губернатора Лебедевъ, и дѣло потеряло свой острый характеръ. Военнаго губернатора занимали мѣры къ прекращенію холеры, которая начала ослабѣвать съ сентября. Въ ноябрѣ наказный атаманъ представилъ Обручеву произведенное слѣдствіе.

Обвиненіе основывалось совершенно на другомъ, чѣмъ въ началѣ, гдѣ стояло на первомъ мѣстѣ лицо дежурнаго штабъ-офицера, какъ начальника, заключившаго сдѣлку съ казаками, ему подчиненными и видимо имъ стѣсненными; но слѣдствіемъ ничего подобнаго не было найдено. Тогда остановились на другомъ. Почтовыми правилами передача станцій дозволяется съ разрѣшенія почтоваго начальства и за ту же плату, какую получаетъ самъ содержатель. Но и здѣсь прямого нарушенія не было сдѣлано. Коринъ передачу станцій сдѣлалъ на многихъ мѣстахъ безъ всякихъ письменныхъ условій и оставилъ за собою отвѣтственность въ случаѣ потери почты въ пути ямщиками. Дѣло было представлено военному министру съ обвиненіемъ Корина по послѣднему обстоятельству и войскового правленія въ допущеніи такого незаконнаго дѣйствія и за это Обручевъ полагалъ отнести расходъ по производству слѣдствія на виновныхъ. Изъ военнаго министерства дѣло, кажется, передавалось на заключеніе главнаго почтоваго начальства и въ перепискѣ прошелъ почти весь контрактный срокъ. Все это кон-

чилось тѣмъ, что чины войскового правленія, т. е. ассесоры и дьякъ, заплатили сдѣланный расходъ.

Обручевъ имѣлъ еще крупное столкновеніе съ наказнымъ атаманомъ Уральскаго войска, генераломъ Геке, имъ же назначеннымъ на этотъ постъ. Геке отказался исполнить приказаніе военнаго губернатора, которому онъ обязанъ былъ безусловно подчиняться, по упорядоченію почтовой части въ войскѣ и за это получилъ выговоръ военнаго министра.

Генералъ Геке, прибывшій въ Оренбургъ въ свитѣ военнаго губернатора Сухтелена, во все время служенія здѣсь пользовался общимъ вниманіемъ и былъ любимъ подчиненными. Отдѣльною самостоятельною частью онъ не завѣдывалъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при Сухтеленѣ и Перовскомъ при первомъ его управленіи краемъ. Съ изданіемъ 12 декабря 1840 г. положенія объ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ получилъ назначеніе на должность начальника штаба; эту должность онъ занималъ долгое время и пріобрѣлъ расположеніе и любовь казаковъ своею справедливостью и умѣньемъ вести войсковыя дѣла. Жилъ онъ холостымъ почти во все время служенія, а въ 1845 г. женился въ Москвѣ и завелъ семейныя связи съ Обручевыми, и какъ говорили, жена послѣдняго Матильда Петровна благоволила къ своему сородичу, какъ къ нѣмцу, и съ выходомъ наказнаго атамана полковникова Кожевникова въ отставку Геке былъ назначенъ въ Уральскъ наказнымъ атаманомъ. Тогда многіе несочувственно относились къ этому назначенію, особенно простые казаки, которые привыкли видѣть атамановъ изъ своей среды, а тутъ къ нимъ назначили нѣмца и лютеранина. Перовскій во второе управленіе краемъ въ назначеніи Геке видѣлъ крупную ошибку.

Въ 1845 г. пріѣхалъ въ Оренбургъ вновь назначен-

ный на мѣсто тайнаго совѣтника Генса *) предсѣдатель пограничной комиссіи генералъ-маіоръ Ладыженскій, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, бывшій въ Китаѣ и знакомый съ инородцами Сибири, гдѣ въ послѣднее время онъ служилъ предсѣдателемъ Тобольскаго общаго губернскаго управленія. Русскій по рожденію и православный по вѣрѣ Михаилъ Васильевичъ привезъ съ собою поляковъ, вѣроятно, служившихъ съ нимъ въ Сибири, а они въ свою очередь вызвали своихъ сородичей изъ западныхъ губерній, и канцелярія комиссіи обратилась въ польское учрежденіе, гдѣ чиновники говорили между собою по-польски, а русская рѣчь была на второмъ планѣ. Поляки, при благосклонномъ расположеніи начальника, сумѣли занять лучшія мѣста, часть ихъ осталась навсегда въ краѣ, устроившись выгодною женитьбою на богатыхъ купеческихъ дочеряхъ.

Діонисій Жуковскій, служившій въ комиссіи на низшихъ должностяхъ, не выше столоначальника, получилъ наконецъ мѣсто попечителя прилинейныхъ киргизъ, въ Троицкѣ женился на дочери золотопромышленника Бакакина, превратился въ богатаго человѣка и, выйдя потомъ въ отставку, жилъ роскошно. Генералъ-губернаторъ Крыжановскій въ 60 гг. пригласилъ его къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Говорили, что по пріѣздѣ въ Оренбургъ Жуковскій вмѣстѣ съ братомъ имѣли одинъ фракъ, въ которомъ поочередно ходили въ собраніе и въ частные дома.

Генералъ Ладыженскій не имѣлъ собственнаго состоянія; человѣкъ онъ былъ семейный, имѣлъ 5 человѣкъ дѣтей, жилъ открыто, лучше другихъ начальниковъ от-

---

*) Генсъ умеръ въ отставкѣ въ Оренбургѣ 10-го мая 1845 г. Прим. С. И. Севастьянова.

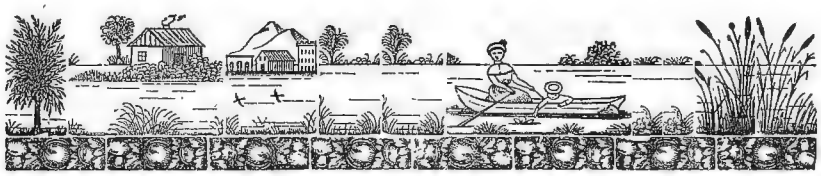
дѣльныхъ частей; зимою часто у него бывали танцевальные вечера, а карточные едва ли не каждый день; нерѣдки бывали и обѣды, на которые также приглашались и чиновники коммиссіи. Ладыженскій въ парадныхъ случаяхъ ѣздилъ по старому дворянскому обычаю въ каретѣ четвернею съ форейторомъ, что въ Оренбургѣ бывало рѣдко. Содержанія получалъ не болѣе 4 т. руб. при казенной квартирѣ.

Для широкой жизни этихъ денегъ и по тогдашнему времени было мало, а Ладыженскому въ особенности, потому что у него была взрослая дочь, Екатерина, туалеты которой стоили дорого. Она вышла за помѣщика Григорія Ѳедоровича Исѣева, довольно состоятельнаго человѣка; оба они вели беззаботную жизнь и въ разгарѣ эмансипаціи переѣхали въ Петербургъ для воспитанія дѣтей и пріисканія мѣста. Исѣевъ въ двухъ банкахъ заложилъ свое имѣніе, взялъ болѣе 100 т. руб.; часть ихъ потерялъ на аферахъ въ столицѣ, часть прожилъ и, раззорившись, пріѣхалъ въ свое имѣніе въ 1880 или 81 г., устроить его не могъ и умеръ въ 1890 г., а имѣніе было продано съ торговъ, причемъ наслѣдникамъ досталось 15 или 16 т. руб.

Съ первыхъ годовъ управленія Обручева появляется въ Оренбургѣ театръ, сначала любительскій, а потомъ стали пріѣзжать труппы провинціальныхъ актеровъ, правда далеко не изъ лучшихъ представителей театральнаго искусства, но въ общемъ-желательныхъ для общества, особенно для средняго класса и молодыхъ людей, не имѣвшихъ для себя разумныхъ развлеченій.

Любительскіе спектакли устраивались въ залѣ пограничной комиссіи, гдѣ нынѣ квартира Тургайскаго губернатора, и въ дворянскомъ собраніи, гдѣ сначала лю-

бптели довольствовались только столовою, а съ постепенпымъ развитіемъ дѣла перешли въ зало и занимали его въ тѣ дни, когда не было танцевальныхъ вечеровъ.



IX.

Графъ В. А. Перовскій.

(1851—1857).

Назначенный послѣ Обручева Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, Перовскій пріѣхалъ въ маѣ 1851 г. черезъ Сакмарскую станицу. Проѣзжая изъ Казани, онъ былъ въ Уфѣ, гдѣ губернаторомъ былъ Балкашинъ. При переправѣ черезъ Сакмару Перовскій щедро заплатилъ казакамъ золотомъ и сказалъ войсковому атаману Уральскаго войска, въ составѣ котораго была Сакмарская станица, что это дѣлаетъ онъ для того, чтобы показать этимъ, что онъ пріѣхалъ раздавать золото, а не брать его себѣ съ Оренбургскихъ земель,— намекъ на доносъ Обручева въ военное министерство, что Перовскій въ 1835—38 гг. утвердилъ приговоръ башкиръ о дозволеніи сестрѣ его—Аннѣ Алексѣевнѣ графинѣ Толстой разработки золота.

Отъ назначенія Перовскаго всѣ ждали многаго: чиновники наградъ и повышенія въ должностяхъ; купцы— прибылей отъ оживленія торговли въ городѣ съ привле-

ченіемъ сюда богатыхъ людей вмѣсто той бѣдноты, какая ютилась около Обручева, жившаго скупо и державшаго своихъ подчиненныхъ въ черномъ тѣлѣ; подрядчики рабочихъ и мастеровыхъ надѣялись, что они уже не будутъ болѣе работать на мѣдные гроши; башкиры, казаки и вообще простой народъ ждали одни облегченія, другіе —свободы въ занятіяхъ.

Въ свитѣ Перовскаго пріѣхалъ статскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Григорьевъ, какъ отличный стилистъ въ писаніи разнаго рода бумагъ. Перовскій имѣлъ такихъ людей и въ первое управленіе краемъ. Коллежскій ассесоръ Павелъ Николаевичъ Глѣбовъ, служившій въ Сенатѣ и приглашенный прямо на должность правителя канцеляріи, черезъ 3 мѣсяца замѣнилъ Смольянинова. Съ Перовскимъ прибыли также и два юнца, не болѣе года окончившіе курсъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ лицеѣ, Поливановъ и Вельяминовъ —Зерновъ, бывшіе безъ опредѣленнаго назначенія, но получившіе вскорѣ мѣста: новообразованный для дѣлъ присоединенной Самарской губерніи отдѣлъ канцеляріи порученъ былъ Поливанову, а Вельяминовъ, какъ изучившій восточные язкки, считался при пограничномъ отдѣленіи канцеляріи и былъ въ распоряженіи Григорьева, тоже оріенталиста, и получалъ назначенія по командировкамъ въ степь и на окраины ея.

Въ той же свитѣ былъ коллежскій совѣтникъ Михаилъ Григорьевичъ Ржевскій. Для чего онъ былъ взятъ— трудно сказать, да онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на подобный вопросъ. Ему поручено было докладывать вступавшія на имя генералъ-губернатора просьбы, изъ которыхъ извлеченія дѣлали два писца, а Ржевскій подписывалъ и подавалъ Перовскому, причемъ получалъ замѣчанія за неграмотность. Ржевскій былъ страстный картеж-

никъ и шуллеръ. Здѣсь онъ обыгралъ многихъ: начальника таможеннаго округа Веніера на 20—30 т. руб., Щербачева на такую же сумму, командира баталіона военныхъ кантонистовъ маіора Плотникова на 6 т. руб., поплатились также, но умѣренно; Еникуцевъ, Звенигородскій и Горячевъ,—бывшіе откупщики, но люди осторожные, и другіе мелкіе чиновники. Говорили, что Ржевскій увезъ изъ Оренбурга не менѣе 80 т. руб.; но изъ этихъ денегъ немного пошло на пользу; что-то около 10 т. руб. на сына, вышедшаго офицеромъ въ конную гвардію, а всѣ остальныя деньги Ржевскій проигралъ, да еще прихватилъ у Перовскаго. Послѣдній, живя въ Москвѣ, собралъ у тамошнихъ капиталистовъ пожертвованія на православный храмъ во вновь покоренномъ Коканскомъ ханствѣ и поручилъ отнести 6 т. руб. въ опекунскій совѣтъ Ржевскому, но тотъ вмѣсто банка попалъ въ англійскій клубъ, гдѣ спустилъ все до копѣйки, и явился съ повинною къ Перовскому, который послалъ свои деньги, но уже съ Александромъ Петровичемъ Звенигородскимъ, который и передалъ мнѣ всю эту исторію. Послѣ Оренбурга Ржевскій, старикъ, раненый и ходившій на искусственной ногѣ, добился назначенія начальникомъ дружины въ народномъ ополченіи и въ этой должности умеръ, Дружба его съ Перовскимъ заключалась только въ томъ, что въ сраженіи подъ Анапой они оба были ранены и лежали въ одной палаткѣ.

Кружокъ молодыхъ людей увеличился прибытіемъ новыхъ лицъ; изъ нихъ можно упомянуть Александра Михайловича Жемчужникова, племянника Перовскаго отъ сестры, бывшей за сенаторомъ Жемчужниковымъ; маіора, а впослѣдствіи статскаго совѣтника Илью Александровича Киреевскаго, маіора Кузьмина-Караваева, лейбъ гусарскаго корнета князя Ибрагима Чингиза. Къ этой

же категоріи принадлежали полковникъ Илья Андреевичъ графъ Толстой, *) родственникъ Перовскаго, и маіоръ, а впослѣдствіи полковникъ, Александръ Афанасьевичъ Толмачевъ, женатый на Евгеніи Эдуардовнѣ Эверсманъ, къ которой былъ неравнодушенъ Перовскій.

Анна Осиповна Жидкова, жена адъютанта наказнаго атамана Оренбургскаго войска, рожденная Иванова, сумѣла привлечь къ себѣ Перовскаго, но послѣдствіемъ этого было то, что мужъ ея, переведенный адъютантомъ къ Перовскому и быстро пошедшій по служебной лѣстницѣ, разошелся съ женою, возвратилъ ей полученный въ приданое капиталъ и уѣхалъ въ Петербургъ къ своему бывшему начальнику графу Цукато.

Къ свитѣ Перовскаго должно еще причислить домашняго его доктора, которымъ былъ сначала врачъ изъ Москвы Павловъ, разошедшійся съ Перовскимъ изъ-за одной неудачной операціи и замѣненный политическимъ ссыльнымъ Круневичемъ, который послѣ смерти Перовскаго былъ назначенъ лейбъ-медикомъ; кромѣ того, въ составъ свиты входилъ еще живописецъ для снятія видовъ во время походовъ.

Вся эта масса чиновниковъ каждый день обѣдала въ квартирѣ Перовскаго, пила и ѣла на его счетъ, а вечеромъ расходилась по частнымъ домамъ, ежедневно принимавшимъ гостей; такихъ домовъ было достаточно. Нѣкоторые предпочитали дворянское собраніе, гдѣ шла каждый вечеръ карточная игра.

Въ первый годъ пріѣзда въ Оренбургъ, въ Николинъ

---

*) Начальникъ штаба Орен. каз. войска, а со смертью Подурова назначенъ наказнымъ атаманомъ того же войска въ 1859 году. Управлялъ до 1863 г., когда уѣхалъ изъ Оренбурга. Прим. С. Н. Севастьянова.

день, (тезоименитство императора Николая Павловича) Перовскій въ дворянскомъ собраніи далъ балъ, какого не видалъ еще Оренбургъ и который стоилъ до 2 т. руб. Приглашенныхъ была масса. Буфетъ былъ открытъ для всѣхъ. Шампанское подавалось всякому, кто желалъ. Ужинать могли, начиная съ 11 часовъ, каждый по своему желанію. Другого подобнаго бала въ собраніи не было, а балы устраивались въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Я бывалъ почти на каждомъ балу. Ужинъ всегда былъ общій. Перовскій, какъ и прежде, рѣдко досиживалъ до конца бала, а уходилъ много раньше въ свой кабинетъ, отдыхалъ и снова появлялся среди своихъ гостей. Онп страдалъ удушьемъ и одинъ разъ припадокъ былъ такъ силенъ, что наканунѣ св. Пасхи исповѣдывался и причащался; у заутрени не былъ, но всѣ изъ церкви послѣ обѣдни поѣхали къ нему и разговлялись, какъ всегда, въ изобиліи поставленными кушаньями и напитками.

Въ концѣ мая и по сентябрь Перовскій уѣзжалъ на кочевку, гдѣ жили на его счетъ многіе изъ лицъ его свиты, остававшіеся въ городѣ, а другіе уѣзжали въ свои имѣнія или просто въ отпускъ. Одно лѣто (1853 г.) Перовскій не жилъ на кочевкѣ, потому что предпринялъ военную экспедицію противъ Кокана. Предположено было взять всѣ коканскія крѣпости по р. Сыръ-Дарьѣ и главную цитадель Акъ-Мечеть, гдѣ жилъ коканскій бекъ, собиравшій зякетъ съ киргизъ. Походъ былъ трудный и представлялъ много опасностей. Коканцы имѣли артиллерію и взятіе Акъ-Мечети штурмомъ потребовало бы значительнаго пролитія крови. Для избѣжанія этого нужна была правильная осада, а для послѣдней—требовалось везти всѣ принадлежности изъ Оренбурга чрезъ голодныя степи. Перовскій, помня свои неудачи въ хивинскомъ

походѣ 1839 г., былъ крайне остороженъ и вникалъ лично во всѣ приготовленія экспедиціи. Войска были всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхота, кавалерія и артиллерія, а также нѣсколько понтонныхъ лодокъ. Начальникомъ всего отряда, состоявшаго подъ главнымъ начальствомъ самого Перовскаго, былъ назначенъ атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска генералъ-маіоръ Иванъ Васильевичъ Подуровъ. Для перевозки тяжестей отправлены были команды башкиръ, а верблюды взяты у киргизъ. Войско благополучно дошло до Акъ-Мечети, расположилось передъ крѣпостью, и начались траншейныя работы, доведенныя до крѣпостного вала; затѣмъ произведенъ былъ взрывъ стѣнъ и въ образовавшееся отверстіе штурмующія колонны вошли въ городъ. Это было 28 іюля 1853 г.

Внутреннее управленіе краемъ за это время не было ничѣмъ ознаменовано. При вступленіи въ должность Перовскій не говорилъ рѣчи и во все время управленія ни съ кѣмъ не совѣщался, не собиралъ комитетовъ; дѣла рѣшались или согласіемъ его съ докладчикомъ, или по его указанію. Начальники отдѣльныхъ частей, предварительно возбужденія ходатайства о благоустройствѣ въ ихъ вѣдомствѣ, лично объяснялись съ Перовскимъ и поступали по его указаніямъ. Чтобы удержать такую подчиненность, Перовскій подбиралъ начальниками людей болѣе или менѣе однихъ съ нимъ взглядовъ на дѣла и управленіе. Командующимъ башкирскимъ войскомъ былъ назначенъ Вятскій губернаторъ Середа, который вскорѣ по пріѣздѣ въ Оренбургъ скоропостижно умеръ. Его замѣнилъ Оренбургскій губернаторъ Балкашинъ. Наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго войска былъ назначенъ Ив. Вас. Подуровъ, человѣкъ правдивый, честный, умный и хорошо знавшій войско.

Перовскій въ башкирахъ и Оренбургскихъ казакахъ

находилъ много непорядковъ, вредно дѣйствовавшихъ на ихъ благосостояніе; для устраненія ихъ принимались различныя мѣры.

Башкиръ онъ нашелъ бѣдными, почти обнищавшими сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ они были въ 30 гг. Распоряженіями Обручева и Жуковскаго башкиры были стѣснены въ свободѣ кочевокъ, перестраивали свои деревни по планамъ, принуждаемы были къ занятію земледѣліемъ, но всѣ эти распоряженія оставались большею частью на бумагѣ.

Башкиры услышавъ, что строгій ихъ попечитель Филатовъ, или какъ они говорили «Пилатка», находится близко, принимались пахать кое-какъ землю и бросать сѣмена, хлопотали около домовъ. Но какъ только Филатовъ уѣзжалъ изъ деревни, все это бросалось и съ наступленіемъ теплаго времени всѣ уходили на кочевку.

Для пріохочиванія башкиръ къ хлѣбопашеству, по мысли Перовскаго, еще въ первое его управленіе краемъ, построены были хлѣбные магазины; хлѣбъ для нихъ, по 2 пуда на душу, былъ купленъ на продовольственный башкирскій капиталъ и раздавался каждый годъ предъ посѣвомъ, а осенью долженъ быть возвращенъ, но и эта мѣра не привилась.

Послѣ коканскаго похода Перовскій испросилъ Высочайшее соизволеніе для облегченія лежавшихъ на служилыхъ башкирахъ повинностей на слѣдующія льготы: 1) нарядъ башкиръ для перевозки тяжестей съ Оренбургской линіи на Сыръ-Дарью отмѣнить, а перевозку эту дѣлать наймомъ вольныхъ вощиковъ за плату по соглашенію; 2) на довольствіе башкиръ во время нахожденія на службѣ и въ пособіе на снаряженіе отпускать до 70 тыс. руб.; 3) уменьшить на 20 коп. сер. съ души земскій сборъ, производившійся съ башкиръ на общемъ основаніи съ

другими поселянами, уплативъ происшедшую отъ этого разность изъ соединеннаго сбора; 4) постепенно устраивать у башкиръ русскія школы, постоянныя больницы и выстроить каменныя зданія для кантонныхъ управленій во всемъ башкирскомъ войскѣ. На всѣ эти расходы ассигновано по 105 т. р. ежегодно изъ соединеннаго сбора.

Изъ всѣхъ этихъ мѣръ полезной оказалась только одна: отмѣна перевозки транспортовъ въ степь, вслѣдствіе чего служба у башкиръ сократилась.

Построена была больница въ д. Исянгуловой; она имѣла значеніе, пока существовалъ конскій заводъ, служившіе на которомъ башкиры и конюхи, въ лѣтнее время свыше 150 человѣкъ, лѣчились въ этой больницѣ; въ нее же посылались хроническіе больные изъ деревень, пока существовало отдѣльное башкирское управленіе; съ упраздненіемъ послѣдняго больница была заброшена и 1890 г. сгорѣла.

Каменное зданіе для кантоннаго управленія было построено во 2-мъ кантонѣ, въ д. Сейткуловой, но никогда ни чѣмъ не было занято и, вѣроятно, тоже не существуетъ.

Для школъ не было даже выработано проекта.

Слѣдуя разъ намѣченному взгляду на башкиръ, графъ Перовскій въ каждомъ представлявшемся случаѣ желалъ доказать на самомъ дѣлѣ справедливость своего мнѣнія объ особенной способности и боевыхъ качествахъ башкиръ. Съ возникновеніемъ въ 1853 г. русско-турецкой войны, когда изъ Петербурга были потребованы по два полка казаковъ изъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ на театръ военныхъ дѣйствій, Перовскій предложилъ послать полки изъ башкиръ, выставляя ихъ нисколько не уступающими Оренбургскимъ казакамъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи четы-

Офицеръ. Урядникъ. Рядовой.

Рядовой. Урядники. Рядовой.

Башкирскій учебный полкъ.

рехъ конныхъ полковъ подъ начальствомъ полковыхъ командировъ изъ штабъ-офицеровъ, а сотенныхъ изъ оберъ-офицеровъ регулярной кавалеріи; послѣдніе были, сверхъ того, назначены въ полки по нѣсколько человѣкъ на мѣста субалтернъ-офицеровъ. Два полка, 1-й и 3-й, изъ башкиръ Оренбургскаго и Орскаго уѣздовъ, выступили изъ Оренбурга, когда война еще продолжалась, и поступили въ составъ войскъ балтійскаго корпуса, и одна сотня участвовала въ отбитіи англійскаго дессанта около Ревеля, а остальныя сотни и весь 3-й полкъ провели время въ стоянкѣ, нигдѣ не видя непріятеля. Въ декабрѣ 1854 или въ началѣ 1855 г. посланы были другіе два полка, но они дошли до Воронежа и Саратова, когда ужъ былъ заключенъ міръ.

Сформированіе этихъ полковъ, сдѣланное съ пособіемъ на обмундированіе по новой формѣ, бѣлыя черкески, стоило очень дорого самимъ башкирамъ. Для сбора одного рядового складывалось до десяти человѣкъ; они обязаны были дать ему хорошую лошадь со всѣмъ конскимъ приборомъ, аммуницію, бѣлье, сапоги и прочія мелкія принадлежности. Многіе съ грустью говорили о производившихся съ нимъ поборахъ, не говоря о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія дѣлались отъ мѣстныхъ начальниковъ изъ башкиръ которымъ дано было право дѣлать назначенія людей не по очереди, которая у башкиръ не могла быть, какъ у отправлявшихъ службу кратко временную въ рабочихъ командахъ, а по непосредственному усмотрѣнію кантоннаго начальника, соображаясь съ имущественнымъ состояніемъ. Одни освобождались и за это благодарили начальника, а другіе несли тяжесть военной службы. Въ военномъ отношеніи полки изъ башкиръ никакой пользы не принесли, а для народа это было ощутительной тягостью. Сдѣланъ же ихъ нарядъ былъ въ

томъ убѣжденіи, что башкиры, какъ и казаки, могутъ выходить во всякое время на службу въ исправномъ видѣ, т. е. вооруженные и на собственныхъ коняхъ. Если бы тогда узнали, какъ производилось сформированіе полковъ, то несомнѣнно убѣдились бы, что каждый башкиръ итти на службу безъ значительной помощи отъ общества не въ состояніи, и слѣдовательно башкиры не могутъ быть приравнимаемы къ казакамъ, которые выходятъ на службу во всякое время по требованію во всемъ собственномъ безъ посторонней помощи.

Сформированіе башкирскихъ полковъ привлекло много регулярныхъ офицеровъ, жившихъ въ Оренбургѣ долгое время безъ всякихъ занятій. Происходя изъ хорошихъ дворянскихъ семействъ, они заняли мѣсто въ высшемъ Оренбургскомъ обществѣ, разроставшемся съ каждомъ годомъ.

Графъ Перовскій, стремясь поднять башкирскій народъ, носившій названіе казачьяго войска, очень и очень неблагосклонно относился къ Оренбургскому казачьему войску и, не обинуясь высказывалъ, что онъ пренебрегаетъ этимъ войскомъ. Ему многое не нравилось изъ того положенія, въ какомъ находились Оренбургскіе казаки послѣ изданнаго въ 1840 г. новаго положенія о войскѣ. Общественная запашка, введенная Перовскимъ крутыми мѣрами и по его проекту долженствовавшая давать войску дохода до 100 т. руб., на самомъ дѣлѣ ничего не давала и если продолжалась, то какъ фикція. Казаки засѣвали общественныя поля небрежно, надзора за ними не было, установленное положеніемъ вознагражденіе надзирателямъ не выдавалось, потому что генералъ Обручевъ не считалъ справедливымъ вознаграждать на счетъ труда казаковъ однихъ надзирателей, когда всѣ другія служенія въ войскѣ или скудно или совсѣмъ не оплачива-

лись. Все это привело къ заключенію о безполезности для войска общественной запашки и ходатайство о семъ войскового начальства, поддержанное бывшимъ губернаторомъ Обручевымъ, находилось на разсмотрѣніи военнаго министерства. Съ другой стороны милліоны десятинъ земли, предоставленной войску, и войсковые лѣса тоже не приносили никакого дохода, и сами казаки земельными угодьями за избыткомъ ихъ не пользовались. Во всемъ этомъ гр. Перовскій видѣлъ застой и отсутствіе предпріимчивости. Въ этихъ видахъ онъ считалъ Оренбургскихъ казаковъ ниже башкиръ и на послѣднихъ болѣе возлагалъ надежды при охранѣ восточной границы государства, а потому часть повинностей, лежавшихъ на башкирахъ, перенесъ на Оренбургское войско. По его представленію отправленіе почтовой повинности по Оренбургскому казачьему войску отъ Оренбурга до Западной Сибири Высочайше повелѣно было отнести на войсковой капиталъ и изъ этого же капитала единовременно взято 100 т. р. сер. на устройство новой Сыръ-Дарьинской линіи, содержаніе которой казна долго не принимала на свой счетъ.

Между начальствовавшими въ войскѣ лицами оказался одинъ, понявшій желаніе Перовскаго объ эксплуатаціи казачьихъ лѣсовъ; это былъ окружный штабъ-офицеръ 2 го округа полковникъ Харнскій, насказавшій много о возможности получить большой доходъ въ войсковой капиталъ отъ очистки войсковыхъ лѣсовъ отъ валежнаго, буреломнаго и горѣлаго лѣса. По приказанію Перовскаго въ его распоряженіе былъ отданъ войсковой Санарскій боръ и назначена рабочая команда изъ казаковъ съ обязательнымъ трудомъ и безъ всякаго за оный вознагражденія. Очистка боровъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, казаки работали даромъ, и былъ опытъ сплава лѣ-

са водою до г. Орска, но доходъ, полученный отъ операціи, былъ не великъ, и деньги можно было легче собрать съ казаковъ, оставивъ ихъ въ домахъ при обычныхъ занятіяхъ, на что они согласились бы охотнѣе, чѣмъ работать въ борахъ.

Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Катенинъ, убѣдившись на мѣстѣ въ безполезности и безвыгодности всего дѣла, прекратилъ наряды казаковъ для очистки лѣсовъ.

Самъ Харнскій, нѣсколько запутавшійся въ этихъ аферахъ, оставилъ мѣсто и въ своемъ стѣсненномъ положеніи просилъ выдачи ему въ долгъ изъ войскового капитала. Войсковое правленіе не рѣшалось само удовлетворить просьбу Харнскаго и представило объ этомъ генералъ-губернатору. Графъ Перовскій разрѣшилъ выдачу за своей отвѣтственностію, а по смерти его братъ его графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій внесъ деньги въ войско.

Харнскій всегда умѣлъ выставлять взятое на себя дѣло выгоднымъ и Перовскій вѣрилъ ему во всемъ. Въ г. Троицкѣ, мѣстѣ пребыванія своего, Харнскій построилъ себѣ изъ привезеннаго туда казачьяго лѣса хорошій домъ трудомъ казаковъ, высланныхъ по его приказанію изъ станицъ, а потомъ донесъ войсковому начальству и лично докладывалъ Перовскому, что онъ строилъ домъ по особой системѣ съ цѣлью пріучить казаковъ строить свои дома по тому же плану. На самомъ же дѣлѣ различіе постройки заключалось въ томъ, что въ здѣшнемъ краѣ дома и простыя крестьянскія избы строятся срубомъ и бревна кладутся плашмя, а по системѣ Харнскаго ставятся одно около другого вертикально, укрѣпляются въ положенномъ въ основаніи толстомъ бревнѣ, поперекъ сшиваются болѣе тонкими перекладинами и потомъ заканчи-

ваются настилкой потолка. Способъ этотъ не имѣлъ примѣненія и совсѣмъ забытъ казаками, не видѣвшими въ немъ ничего хорошаго.

Вмѣстѣ съ очисткою боровъ Перовскій предложилъ войсковому начальству, не ожидая учрежденія въ войскѣ межевой комиссіи, немедленно надѣлить станицы по числу мужскаго населенія 30-десятинной пропорціей, излишнюю землю взять въ войско, образовавъ изъ нея оброчныя статьи и отдавать послѣднія съ торговъ. Для исполненія этой мѣры потребовалось усилить межевыя средства добавленіемъ землемѣрныхъ чиновъ, на что потребовался значительный расходъ и продолжительное время. Излишняя земля была раздѣлена на участки, которые отдавались съ торговъ подъ пастьбу и сѣнокошеніе отъ 1 до 30 к. за десятину. Доходъ былъ ничтожный, а казаки преждевременно лишились земель, на которыхъ у нихъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, гдѣ большая масса земли, съ давняго времени заводились заимки (хутора), уменьшилось и скотоводство у казаковъ и перешло къ торговцамъ татарамъ г. Троицка, снимавшимъ за безцѣнокъ войсковыя земли и державшимъ тамъ табуны лошадей и рогатаго скота, пріобрѣтаемаго мѣною на товары у киргизъ.

Оренбургское войско со времени своего основанія и по положенію 1840 г. составляло конницу. Казаки обязаны были по этому положенію въ случаѣ надобности выставлять 10 конныхъ полковъ 6-ти сотеннаго состава, а въ каждомъ полку съ офицерами, урядниками, приказными и нестроевыми чинами до 900 человѣкъ, и 3 конно-артиллерійскія баттареи 8-ми орудійнаго состава, послѣднія въ двойномъ комплектѣ нижнихъ чиновъ.

Севастопольская компанія показала особую пользу

отъ казачьей пѣхоты, существовавшей въ Черноморскомъ войскѣ и извѣстной подъ названіемъ «пластуновъ».

Перовскій призналъ полезнымъ завести пѣшіе баталіоны и въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ; такихъ баталіоновъ Высочайше повелѣно было сформировать 6. Баталіонные и сотенные командиры были назначены изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, а прочіе офицеры изъ войсковыхъ чиновъ. Казаки были обмундированы по особой формѣ, отличавшейся отъ формы конныхъ полковъ. Два баталіона были на постоянной службѣ въ г. Оренбургѣ и Троицкѣ; они скоро были обучены строю и всѣмъ пріемамъ пѣхоты и замѣнили на первое время линейные баталіоны, выведенные изъ названныхъ городовъ въ Туркестанскій край. Одинъ баталіонъ стоялъ нѣкоторое время въ Ташкентѣ, но потомъ возвращенъ оттуда, вѣроятно потому, что при обычной у казаковъ службѣ не свыше 2 хъ лѣтъ посылка новыхъ и возвращеніе старыхъ казаковъ составляла для казны лишній расходъ. Стоявшіе въ Оренбургѣ казаки были на службѣ въ одно только лѣтнее время, а на зиму распускались въ свои дома. Отъ экономіи въ продовольствіи образовался особый капиталъ, на который были построены казармы, занимаемыя нынѣ льготной батареей Оренбургскаго войска. Въ управленіе Крыжановскаго эти баталіоны были упразднены за безполезностью

Изъ всѣхъ реформъ перваго и второго управленія краемъ графа Перовскаго для казаковъ можно считать удавшимися и полезными слѣдующія. 1) Переселеніе казаковъ изъ внутреннихъ станицъ на линію, гдѣ Оренбургское войско составило одну территорію, что сблизило ихъ съ естественными врагами киргизами; казаки узнали всѣ качества послѣднихъ, а они въ свою очередь видѣли, что имъ нечего думать о какихъ либо нападеніяхъ на

линію, о плѣненіи тамъ русскихъ и о желаемомъ вытѣсненіи всего русскаго населенія за Волгу, откуда оно пришло, какъ хорошо это помнили киргизы и башкиры, а равно властители Хивы и Бухары, мечтавшіе, быть можетъ, о расширеніи своего вліянія до Казани. Въ послѣднемъ они, конечно, ошибались, заведя въ половинѣ 70 гг. войну, кончившуюся для нихъ потерею самостоятельности и подчиненіемъ русскому царю. Мысль о переселеніи Оренбургскихъ казаковъ въ одно мѣсто на линію не вполнѣ принадлежала графу Перовскому: она высказана была его предмѣстникомъ, графомъ Сухтеленомъ, но Перовскому должно быть приписано болѣе широкое ея развитіе и начальное приведеніе въ исполненіе.

2) Графъ Перовскій, по примѣру войска Донского, положилъ основаніе войсковому капиталу учрежденіемъ торговаго общества въ Оренбургскомъ войскѣ. Не желающій служить казакъ освобождался отъ службы и платилъ за это въ теченіе 30 лѣтъ по 200 р. (58 р. сер.); общая сумма въ первое время съ 500 человѣкъ простиралась до 100 т. р, и поступала ежегодно въ военный капиталъ и тамъ же оставались деньги, отпускавшіяся на довольствіе жалованіемъ и провіантомъ четырехъ линейныхъ баталіоновъ, обращенныхъ въ казаки. Изъ военнаго капитала почти не производились никакіе расходы, потому что назначеніе его—содержаніе въ лѣтнее время кордонной стражи на линіи видоизмѣнилось: казаки назначались изъ станицъ ближе 100 верстъ и довольствовались изъ своихъ домовъ. Капиталъ этотъ, составившійся чисто изъ войсковыхъ источниковъ, послужилъ пособіемъ казнѣ по содержанію почтоваго тракта и на первоначальные расходы по Сыръ-Дарьинской линіи, а въ послѣднее время соединенный съ общимъ войсковымъ капиталомъ, по недостатку послѣдняго, удовлетворялъ другимъ потребностямъ войска.

Въ 1853 г. Оренбургъ посѣтила азіатская гостья-холера. Перовскій былъ въ походѣ подъ Акъ Мечетью. Люди умирали, но далеко не было того, что въ 1848 г., и съ этого времени оренбуржцы испросили дозволеніе приносить въ городъ изъ села Табынскаго (прежде станица, изъ которой казаки были выселены на линію) чудотворную Казанскую икону Божіей Матери, какъ молитвенницу и заступницу всѣхъ православныхъ христіанъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Приносъ иконы продолжается до настоящаго времени и къ приносу иконы, что бываетъ 7-го сентября, въ Оренбургъ собирается масса людей изъ ближайшихъ селъ, станицъ и даже селеній Бузулукскаго уѣзда. Икона остается въ Оренбургѣ до 22 октября, въ каковой день она выносится по особо составленному маршруту. Въ первые года икона выносилась ранѣе 22 октября по малому числу въ городѣ церквей и небольшому числу жителей, успѣвавшихъ принимать святыню въ своихъ домахъ для молебновъ, но впослѣдствіи раіонъ, куда приносится икона, расширился до г. Уральска, откуда икона несется въ Табынскъ.

Въ первый разъ принесенія св. иконы въ Оренбургъ оглашены два чуда, явленныя ею здѣсь. Одна казачка, слѣпая на одинъ глазъ и плохо видѣвшая другимъ, изъ особаго усердія и вѣры вышла съ народомъ встрѣтить Владычицу и при вносѣ въ бывшія Сакмарскія ворота увидѣла св. икону, а потомъ зрѣніе обоихъ глазъ совершенно возстановилось, такъ что она видѣла дома, людей и свободно дошла домой.

Другое чудо было при служеніи молебна въ домѣ казака-раскольника въ форштадтѣ. Какъ только уставили св икону, стоявшія вверху ея въ кіотѣ раскольническія иконы попадали безъ всякой причины.

Случаи эти, по надлежащемъ обслѣдованіи, записаны въ церковныхъ книгахъ.

Графу Перовскому Оренбургъ обязанъ началомъ устройства водопровода, которое положено было еще въ 30 гг., въ первое его управленіе краемъ. Былъ выписанъ механикъ англичанинъ, помощниками его были два казачьихъ малолѣтка изъ форштадта, обучавшіеся въ С.-Петербургѣ. Водопроводъ былъ проведенъ на недалекое разстояніе. Деньги расходовались Перовскимъ изъ находившихся въ его распоряженіи хозяйственныхъ суммъ; дрова отпускались тоже изъ казенныхъ запасовъ. Съ назначеніемъ генерала Обручева водопроводъ сталъ приходить въ упадокъ. Механикъ, получавшій большое жалованье, былъ уволенъ; два казака не могли поддерживать его въ должной исправности. Во второе управленіе краемъ графъ Перовскій возобновилъ водопроводъ и устроилъ фонтанъ, выкидывавшій воду вверхъ для освѣженія воздуха въ знойные лѣтніе дни. Водою изъ бассейна пользовались даромъ всѣ горожане. Въ этомъ видѣ оставался водопроводъ при генералѣ губернаторѣ Катенинѣ, а замѣнившій его генералъ Безакъ расширилъ водопроводъ; вода была проведена въ казачій форштадтъ, за что станица заплатила 7 т. р., устроены были разборныя будки въ разныхъ мѣстахъ города. Всѣ израсходованныя на это деньги Безакъ впослѣдствіи вытребовалъ изъ городскихъ суммъ, а городъ обложилъ жителей небольшою платою за пользованіе водою. Въ настоящемъ своемъ видѣ водопроводъ дѣйствуетъ съ конца 80 гг.; законченное устройство дано ему при городскомъ головѣ Степанѣ Ивановичѣ Назаровѣ.

Графъ Перовскій положилъ основаніе устройству садовъ въ городѣ. Первый садъ былъ Караванъ-Сарай, разведенный обязательною работою башкиръ, посылаемыхъ для сего какъ на службу. Начало саду положено въ

1852 г. Деревья привозились изъ ближайшихъ башкирскихъ дачъ, но не ближе 100 верстъ, а хвойныя изъ Стерлитамакскаго уѣзда. Посадка производилась подъ наблюденіемъ опытнаго садовника Лебедева, крѣпостного человѣка, за освобожденіе котораго на волю помѣщикъ взялъ 1500 р.; деньги эти были отпущены Лебедеву заимообразно изъ башкирскихъ суммъ.

Деревья принимались медленно. много ихъ посохло; убыль замѣнялась подсадкою свѣжихъ Причинами этого были: недостатокъ воды, которую привозили въ бочкахъ изъ Архіерейскаго озера, версты за $1^1/_2$ отъ сада тѣ же башкиры, самая почва, на которой разведенъ садъ, заваленная глубоко мусоромъ, оставшимся послѣ постройки Караванъ-сарая. И при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ садъ находился въ исправномъ видѣ, разбиты были клумбы съ цвѣтами. Входъ въ садъ былъ позволенъ только чистой публикѣ и на всѣхъ нужныхъ мѣстахъ стояли караульные изъ башкиръ. Съ постепеннымъ расширеніемъ сада поливка сдѣлалась затруднительною, особенно когда нарядъ башкиръ былъ отмѣненъ, а на содержаніе сада ассигнована извѣстная сумма изъ казны. Въ 70 гг. городъ согласился отпустить воду даромъ изъ водопровода; были проложены трубы и поливка сдѣлалась правильною; садъ разросся и принялъ красивый видъ. Гулянье въ немъ было любимымъ для публики, а когда позволили построить тамъ вокзалъ съ кухнею и продажею крѣпкихъ напитковъ, явилась публика всѣхъ возможныхъ видовъ и начались безобразія.

Въ числѣ затѣй, несомнѣнно, полезныхъ, но для тогдашняго Оренбурга несвоевременныхъ, можно указать на двѣ мукомольныя мельницы, построенныя по распоряженію графа Перовскаго. Одна была на лѣвой сторонѣ Баннаго протока, въ Поповой рощѣ, въ томъ мѣстѣ,

гдѣ протокъ, а тогда еще озеро, выходило изъ рѣки Урала.*) Зданіе построено было изъ кирпича, предназначалось для дѣйствія паромъ и предполагалось для размола пшеницы на крупчатку, а при надобности и для простого размола на обыкновенную муку, чтобы жители не ѣздили на водяныя мельницы, далеко находящіяся отъ города. Деньги на постройку тратились изъ лѣсныхъ суммъ, кирпичъ и известь приготовлялись башкирами, дрова отпускались изъ хозяйственнаго казеннаго заготовленія. Мельница не пошла въ ходъ. Подъ крупчатку нужно было имѣть постоянные запасы зерна, а для муки вѣрный сбытъ, ибо одинъ городъ былъ недостаточенъ по слабому требованію крупчатки, тогда довольно дорогой сравнительно съ обыкновенною пшеничною мукою. Размолъ пшеницы на послѣднюю требовалъ засыпки въ разъ значительнаго количества зерна, а на мельницы обыкновенно возитъ каждый хозяинъ по мѣрѣ надобности.

Купецъ Ѳедоръ Горячевъ, изъ желанія угодить Перовскому, бралъ мельницу въ аренду за ничтожную плату, но держалъ не болѣе года. Мельница была или размыта весенними водами р. Урала, или просто разобрана. Горячевъ арендовалъ простую водяную мельницу у помѣщика Хоменко, передѣлалъ ее подъ крупчатку и имѣлъ хорошій доходъ, платя владѣльцу 4000 р. ас. (1115 р.се р.)

Другая мельница, построенная противъ училища земледѣлія и лѣсоводства, гдѣ нынѣ войсковой казачій арсеналъ, на продовольственный казачій капиталъ, была деревянная и должна была дѣйствовать лошадиною силою. Въ первое управленіе Перовскаго мельница эта нѣсколько работала, но не окупала требовавшихся на нее расходовъ. Въ управленіе генерала Обручева она была пріостановлена. Зданіе оставалось пустымъ или

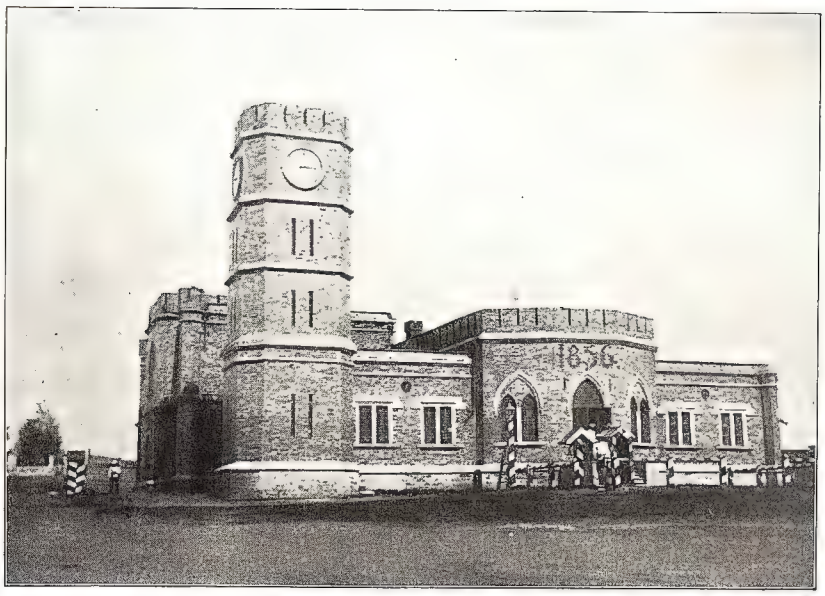
*) Прим. Въ томъ мѣстѣ гдѣ желѣзнодор. дамба входитъ на Банный островъ.

занималось чѣмъ-либо постороннимъ по распоряженію войскового начальства. Со вступленіемъ вторично въ управленіе графа Перовскаго мельница снова приведена въ дѣйствіе; явился мастеръ, крестьянинъ Нижегородской губерніи, который обнадежилъ, что мельница можетъ давать хорошій доходъ. Отпущены были деньги на исправленіе, опредѣлена плата мастеру по 350 р. сер. въ годъ, куплена пшеница для размола и мельница заработала, но вмѣсто обѣщанной прибыли получился убытокъ, который еще увеличился отъ недоброкачественности муки. Мельникъ скрытно бѣжалъ, оказались мелкія злоупотребленія въ администраціи, и мельница была брошена.

Графъ Перовскій былъ замѣчательнаго ума человѣкъ, многосторонне образованный и знавшій многіе иностранные языки. Какъ администраторъ онъ былъ много лучше всѣхъ начальниковъ Оренбургскаго края. Съ нимъ можно сравнить только графа Сухтелена. Что задумалъ самъ Перовскій, то непремѣнно осуществлялось, хотя не всегда удачно и послѣдующими событіями иногда измѣнялось. Перовскій по уму не считалъ никого равнымъ себѣ въ окружающихъ его лицахъ; онъ позволялъ имъ высказывать свои мнѣнія, но если послѣднія не совпадали съ его взглядами или докладчикъ не умѣлъ возражать ловко и умно, то приходилось слышать названіе «дурака», а иногда хуже; онъ рѣзко высказывалъ свои замѣчанія даже за распорядительныя дѣйствія.

Генералъ-лейтенантъ Балкашинъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора во время похода Перовскаго подъ Акъ-Мечеть, получилъ предписаніе военного министра о прекращеніи въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ общественной запашки съ твердо выраженною волею государя Николая Павловича въ написанной имъ

Памятникъ освобожденія города отъ воинскаго постоя.



Главная гауптвахта.

собственноручно резолюціи. Балкашинъ послалъ копію съ бумаги Перовскому въ Акъ-Мечеть, ожидая приказанія, какъ поступить въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла; но послѣ двухъ обратныхъ пріѣздовъ курьеровъ съ бумагами, посланными Перовскому съ докладомъ, не получивъ отвѣта на дѣло объ общественной запашкѣ, Балкашинъ, опасаясь личной отвѣтственности за неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, предложилъ войсковому правленію исполнить послѣднее. Оно было опубликовано войску и общественная запашка считалась конченною.

По возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ Балкашинъ напомнилъ ему, что не получилъ отвѣта на докладъ объ общественной запашкѣ.

Перовскій сказалъ ему: «Для чего тебѣ (близкимъ Перовскій всегда говорилъ ты) нужно было знать, что я хочу сдѣлать?».

Балкашинъ отвѣтилъ, что опасаясь отвѣтственности за неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, онъ предписалъ опубликовать оное по войску.

Перовскій прямо сказалъ: «Дуракъ!.... Кто тебя просилъ?».

Разговоръ былъ при немногихъ свидѣтеляхъ, передавшихъ его мнѣ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ похода, Перовскій поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ лично подалъ Государю письменный докладъ, включивъ въ него, что если общественная запашка будетъ упразднена, то онъ не можетъ возвратиться въ Оренбургъ; казаки скажутъ: «За что же ты поролъ насъ плетьми, шпицрутенами, отдалъ однихъ въ солдаты, а другихъ сослалъ въ Сибирь, если самъ Государь говоритъ другое?» Въ виду этого послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе продолжать запашку на прежнемъ основаніи. Это показываетъ, какую силу имѣлъ Перов-

скій у такого государя, какъ Николай Павловичъ, не терпѣвшій возраженій противъ его повелѣній и требовавшій безусловнаго исполненія его воли.

При всѣхъ своихъ способностяхъ и большомъ умѣ графъ Перовскій былъ гордъ, самолюбивъ и при малѣйшей оплошности дерзокъ на слова. Съ второстепенными начальниками отдѣльныхъ частей онъ никогда не говорилъ, зналъ только старшихъ, а тѣмъ передавалъ, чтобы они слушали доклады отъ подчиненныхъ имъ лицъ и ему передавали, когда найдутъ нужнымъ.

Во время служенія моего въ канцеляріи генералъ-губернатора начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ ни я, ни другіе два начальника отдѣленій не были у Перовскаго по службѣ; только большіе балы давали право по приглашенію являться въ его парадныя комнаты и тамъ, въ числѣ другихъ, откланяться его сіятельству. Одинъ только начальникъ гражданскаго отдѣленія Поповъ какъ-то сумѣлъ выпросить себѣ позволеніе быть на всенощныхъ во время говѣнья Перовскаго, куда допускались избранные, но и тутъ Перовскій не сказалъ ни одного слова Попову.

Сколько гордъ и недоступенъ былъ графъ Перовскій къ подчиненнымъ, на столько онъ былъ довѣрчивъ и расположенъ, коль скоро выбиралъ и назначалъ подходящее лицо на должность. Въ этомъ была причина неудачъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ дѣлахъ, особенно въ хивинской экспедиціи 1839 г. Не смотря на урокъ, данный этою экспедиціею, характеръ Перовскаго повторился и въ походѣ 1853 г. подъ Акъ-Мечеть: онъ и тутъ положился на подчиненныхъ. По взятіи крѣпости онъ велѣлъ передать начальнику инженеровъ генералу Богданову, что построенные имъ понтоны никуда не годятся, что напрасно и безполезно везли такую дрянь за 1500 верстъ.

Приготовленіе посуды для воды и другихъ жидкостей всегда было больнымъ мѣстомъ для отрядовъ, посылаемыхъ въ степь. Баклаги для воды и бочата для другихъ жидкостей (уксуса, спирта и т. п.) дѣлались въ Оренбургѣ изъ дубоваго недостаточно сухого лѣса; въ степи отъ жаровъ они разсыхались, вода въ нихъ не держалась, а жидкости испарялись.

Странный способъ предупрежденія такой порчи избралъ полковникъ Кузминскій, посланный въ 1854 г. въ степь съ казачьимъ отрядомъ для усмиренія киргизъ, убившихъ султана-правителя. Ему посланы были изъ Оренбурга, уже по выступленіи отряда, съ особою командою медикаменты, въ томъ числѣ въ бочатахъ уксусъ. Посуда была новая, способная впитывать въ себя влагу, а съ другой стороны были сильныя жары, вслѣдствіе чего въ отрядъ Кузминскаго доставили пустые бочата со спавшими съ нихъ желѣзными обручами. Полковникъ жестоко наказалъ плетьми двухъ Оренбургскихъ казачьихъ урядниковъ, Лаптева и Грекова, подъ начальствомъ которыхъ была конвойная команда, и потомъ на каждой остановкѣ повторялъ это наказаніе. Долго страдали эти бѣдняки. Этотъ же штабъ-офицеръ показалъ, насколько непрактичны регулярные кавалеристы въ нашихъ степяхъ.

Нашъ отрядъ настигъ киргизъ и послѣдніе показывали готовность вступить въ бой. Между врагами лежалъ довольно большой оврагъ. Наши просились перейти его и ударить на киргизъ. Кузминскій не позволилъ на томъ основаніи, что въ оврагѣ могла быть скрыта засада, а ударъ съ боку по флангу гибеленъ для кавалеріи. Такихъ тонкостей военной тактики киргизы не знали и, прождавъ нѣсколько времени, ушли въ степь. Кузминскій пошелъ въ своихъ глупостяхъ еще дальше.

Однажды онъ послалъ съ донесеніемъ о дѣлѣ 10 человѣкъ казаковъ, зная, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ массою киргизъ и пробиться чрезъ нихъ маленькому отряду невозможно. Посылая 10 человѣкъ, онъ могъ видѣть, что посылаетъ ихъ на вѣрную смерть и притомъ безполезную для отряда. Такъ и случилось. Киргизы не трогали маленькій отрядъ, давъ ему время удалиться отъ главныхъ силъ, которыя могли бы подать помощь.

Окруживъ затѣмъ горсть казаковъ, киргизы начали нападеніе. Казаки не желали даромъ отдать свою жизнь, добрались до озера и около него нашли нѣкоторую защиту, отдѣлившись отъ противника водою. Киргизы перемѣнили тактику: начали нападать по нѣсколько человѣкъ, но ничего сдѣлать не могли, пока у казаковъ были патроны; послѣдніе наконецъ истощились и киргизы, массою напавъ на казаковъ, изрубили ихъ и трупы побросали въ воду, кромѣ одного израненаго казака, котораго взяли въ плѣнъ живымъ и привезли въ аулъ, гдѣ желали всенародно казнить его.

Но для спасенія казака выпалъ благопріятный случай. Киргизы цѣлымъ ауломъ отправились въ сосѣдній для какого-то празднества, заковавъ казака въ желѣза и сказавъ ему, что завтра онъ проститься съ жизнью. Лошадей у киргизъ въ аулѣ было много. Казакъ поймалъ одну, но сѣсть было нельзя: ноги скованы. Вскарабкавшись на коня, то бокомъ, то на брюхѣ, держась за гриву, казакъ помчался по тому направленію, гдѣ долженъ былъ находиться русскій отрядъ, дорогой сбилъ оковы и наконецъ доскакалъ до отряда.

Отъ казака отобрали показаніе, какъ было дѣло, и представили графу Перовскому.

Въ Оренбургѣ въ отважномъ поступкѣ казака не нашли ни подвига, ничего особеннаго. Перовскій отъ себя

послалъ военному министру копію съ показанія казака. Въ министерствѣ посмотрѣли иначе и доложили государю, который повелѣлъ казаку за его подвигъ дать Георгіевскій крестъ, 50 руб., чинъ урядника и уволить въ отставку за ранами.

Какъ администраторъ, Перовскій былъ замѣчательнымъ лицомъ. Въ первое управленіе краемъ онъ быстро усмирилъ волненіе въ Оренбургскихъ казакахъ по поводу введенія общественной запашки, у башкиръ—открытое неповиновеніе строить общественные запасные магазины, въ которыхъ народъ, по подстрекательству фанатиковъ муллъ, видѣлъ будущія церкви и намѣреніе силою обратить ихъ въ христіанство; вѣрить этому они могли и потому, что на выданныхъ имъ планахъ и фасадахъ этихъ магазиновъ изображенъ былъ человѣкъ въ поповской шляпѣ, тогдашняя форма головного убора у крестьянъ внутреннихъ губерній.

Перовскій въ этомъ случаѣ показалъ, что для усмиренія волненія ему не нужно прибѣгать къ военной силѣ, достаточно ему было съ небольшимъ прикрытіемъ явиться въ скопище заговорщиковъ, перепороть нагайками виновныхъ, а изъ муллъ фанатиковъ по лишеніи духовнаго сана тотчасъ же прогнать сквозь строй, и шпицрутены прекращали неудовольствіе: народъ приходилъ въ полное повиновеніе. По усмиреніи возстанія въ Оренбургской губерніи по Высочайшему повелѣнію въ 1837 г. Перовскому поручено было усмиреніе волненія въ сосѣднихъ уѣздахъ Пермской губерніи, гдѣ тѣми же мѣрами быстро былъ возстановленъ порядокъ.

Перовскій съ перваго взгляда видѣлъ корень зла и ударялъ на уничтоженіе его, не давая ему распространиться и дойти до такихъ мѣстъ, гдѣ бы оно разгорѣлось во всю.

Графъ Перовскій въ оба управленія Оренбургскимъ краемъ и войсками, въ немъ расположенными, былъ жестокъ въ опредѣленіи наказаній виновнымъ за преступныя ихъ дѣйствія.

При губернаторѣ Игельстромѣ было по суду опредѣлено прогнать сквозь строй 12 разъ чрезъ тысячу человѣкъ казачьяго сотника Бухмастова съ другими казаками за ограбленіе киргизъ на ихъ свадьбѣ. Съ первой четверти 19 столѣтія взглядъ на наказанія сильно измѣнился, но гонка виновныхъ черезъ 1 т. до 3 т. человѣкъ еще долго продолжалась.

Перовскій въ первое свое управленіе испросилъ законъ, чтобы казаки и башкиры за всѣ роды преступленій, совершаемыхъ ими внѣ службы, судились военнымъ судомъ и по военнымъ законамъ. Отсюда вытекало, что казаки за тайный провозъ соли изъ степныхъ озеръ, за переходъ за линію для охоты должны были пробовать шпицрутеновъ; башкиры за воровство, неповиновеніе, ослушаніе и даже подачу несправедливой жалобы наказывались военнымъ судомъ.

Я помню, что почти каждый день съ ранней весны и до глубокой осени солдаты линейныхъ баталіоновъ, выводившіеся на ученье на форштадтскую площадь или на таковую же отъ Водяныхъ до Чернорѣченскихъ воротъ, выстраивались въ двѣ шеренги и наказывали виновныхъ; утромъ и вечеромъ это было обычнымъ явленіемъ и никого не смущало. По окончаніи наказанія палки бросались, наказанные отправлялись въ госпиталь, а солдаты начинали свое обычное ученье. При этомъ бывали случаи, выдававшіеся своею жестокостью.

Въ 1835 г., или около этого, содержавшійся въ тюремномъ замкѣ плѣнный полякъ Левандовскій, по приговору военно-судной коммиссіи, конфирмованному кор-

пуснымъ командиромъ Перовскимъ, долженъ былъ пройти свыше 3 т. ударовъ, а на слорахъ было приказано засѣчь его до смерти. Преступленіе Левандовскаго заключалось въ слѣдующемъ. Караульный начальникъ для повѣрки вызывалъ всѣхъ арестантовъ. Левандовскій не вышелъ, потому что не имѣлъ сапогъ, а время было холодное. Офицеръ подошелъ къ нему и грозилъ наказаніемъ, если онъ не выйдетъ на повѣрку. Левандовскій отвѣчалъ дерзко и потомъ сорвалъ съ офицера эполетъ. Ошеломленный такой дерзостью арестанта, караульный офицеръ немедленно донесъ о случившемся по начальству. Въ два или три дня состоялся судъ и виновный приговоренъ къ жестокому наказанію. Левандовскій заявилъ, что онъ не подлежитъ тѣлесному наказанію, какъ дворянинъ, но Перовскій не обратилъ вниманія на это заявленіе. Закованный въ желѣзо Левандовскій проведенъ былъ сквозь строй отъ Водяныхъ воротъ до госпиталя, куда привели его еле живого. Среди высшихъ военныхъ чиновъ были поляки и они такъ или иначе могли ослабить наказаніе. Поэтому Перовскій поручилъ начальнику корпуснаго штаба Рокассовскому быть при экзекуціи. Старшій врачъ госпиталя Колышко, тоже полякъ, позволилъ бывшимъ въ городѣ ручнымъ медвѣдямъ лизать кровь со спины Левандовскаго въ предположеніи, что медвѣди вылижутъ засѣвшіе въ мясѣ концы прутьевъ. Черезъ нѣсколько дней Левандовскій умеръ, былъ похороненъ на кладбищѣ; поляки на его могилѣ поставили большой деревянный крестъ по образцу выставляемыхъ въ западныхъ губерніяхъ на проѣзжихъ дорогахъ и на крестѣ сдѣлали надпись: «Здѣсь похороненъ убитый Левандовскій, убійца его генералъ Перовскій.» Надпись нѣсколько разъ стирали, но черезъ нѣкоторое время она появлялась сно-

ва. Потомъ перестали обращать на это вниманіе и самое дѣло вскорѣ вышло изъ народной памяти.

Начинавшееся въ 50 гг. броженіе между раскольниками-старовѣрами имѣло мѣсто и между Оренбургскими казаками, среди которыхъ не мало сектантовъ разнаго рода. Старовѣры больше всего недовольны были тѣмъ, что казакамъ не позволяютъ носить бородъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ этого, даже въ степныхъ походахъ, гдѣ не представлялось возможности бриться, казаки нерѣдко наказывались.

Изъ Оренбургскаго войска съ давняго времени посылалась команда въ составѣ четырехъ сотенъ въ Нижній Новгородъ на время ярмарки. Тамъ казаки встрѣчались со своими единовѣрцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи и отъ нихъ узнавали объ общемъ стремленіи всѣхъ старовѣровъ къ поддержанію исповѣдыванія старой вѣры. Изъ Нижняго казаки, жившіе по Уралу, сопредѣльно съ Уральскими, привозили православныхъ священниковъ, за деньги соглашавшихся перейти въ расколъ, и скрывали ихъ то въ Оренбургскихъ, то въ Уральскихъ станицахъ.

Епархіальное начальство, узнавъ объ этомъ, съ помощью полиціи ловило и выдворяло такихъ поповъ, но черезъ короткое время они появлялись снова и продолжали свою дѣятельность.

Въ станицахъ 2-го отдѣла, а по тогдашнему округа, 5 или 6 человѣкъ казаковъ явились на смотръ не въ мундирахъ, а въ обыкновенной одеждѣ и сказали, что они готовы служить царю вѣрою и правдою, если имъ дозволятъ носить бороды, какъ Уральскимъ и Донскимъ казакамъ. Особенное упорство проявилъ казакъ Пшеничниковъ (Троицкаго уѣзда, Кундравинской станицы). Онъ явился на смотръ въ простой одеждѣ съ книгою священныхъ правилъ и говорилъ, что не онъ, а св. отцы уста-

новили ношеніе бородъ; христіанскій государь не долженъ имъ дѣлать запрета; для царя нужна служба, которую казаки будутъ нести, а съ бородой или безъ бороды человѣкъ—не все ли равно? Объ этомъ случаѣ окружный штабъ-офицеръ полковникъ Ханскій лично доложилъ Перовскому. Пшеничниковъ съ его единомышленниками былъ привезенъ въ Оренбургъ. Тутъ его поручили опытному и кроткому протоіерею кадетскаго корпуса Петру Алексѣевичу Сахарову при участіи наказнаго атамана Ивана Васильевича Подурова и правителя генералъ-губернаторской канцеляріи Глѣбова, отличнаго юриста. Сколько не убѣждали Пшеничникова, что для Бога вѣра и для государя служба никакъ не исключаютъ одна другой, онъ оставался при своемъ убѣжденіи потерпѣть за бороду. Перовскій конфирмовалъ рѣшеніе въ 3 т шпицрутеновъ, но далъ разрѣшеніе Подурову простить казаковъ, если они раскаются. Когда выстроены были солдаты, Подуровъ объявилъ объ этомъ. Пшеничниковъ перекрестился и пошелъ первымъ, сказавъ, что онъ не для показа готовилъ себя и вынесетъ все, пока живъ. Нѣкоторыхъ изъ казаковъ нѣсколько разъ выводили для наказанія и добивали. Въ живыхъ остался, кажется, одинъ Пшеничниковъ.

Примѣнивъ наказаніе шпицрутенами, Перовскій превысилъ свою власть. За нѣсколько времени до этого состоялся законъ, что нижніе чины изъ раскольниковъ за поступки, имѣвшіе въ основаніи религію, не подвергаются тѣлесному наказанію, а подлежатъ ссылкѣ. Перовскій, находя такой законъ для Оренбургскаго края неудобнымъ, чрезъ военнаго министра просилъ объ оставленіи прежняго порядка и императоръ Николай Павловичъ на его представленіи положилъ резолюцію: «Зло нужно уничтожить въ началѣ и бородъ казакамъ не носить, исключая ста-

риковъ болѣе 50 лѣтъ, и вообще такихъ даже въ урядники не производить». Это послужило началомъ ношенія бородъ стариками *).

Съ покореніемъ коканской крѣпости Акъ-мечети, разбитіемъ коканскихъ скопищъ и прочнымъ утвержденіемъ нашего владычества на Сыръ-Дарьѣ, киргизы увидѣли свои надежды на ханства Хиву и Бухару потерянными, полную покорность русскому царю неизбѣжною, но тѣмъ не менѣе оставались кое-гдѣ думавшіе иначе. Они совершили гнусное дѣло: толпа киргизъ убила сул-

*) Воспрещеніе носить бороду Оренбургскимъ казакамъ, состоящимъ на службѣ, было установлено еще раньше при войсковомъ атаманѣ Могутовѣ: «Въ бытность мою въ прошломъ 1757 г. въ Ельдякѣ (крѣпость), писалъ Могутовъ атаману Елдяцкихъ казаковъ Чисметову, видѣлъ я, что всѣ казаки ходятъ въ бородахъ и волосы такъ отращаютъ, какъ у мужиковъ, а въ указѣ Ея Императорскаго Величества 1748 г. марта 31 написано: въ сборъ съ бородачей и раскольниковъ положенныхъ денегъ поступать по прежнимъ указамъ безо всякаго опущенія, токмо дабы разныхъ чиновъ люди опричь священниковъ и церковнаго причта и крестьянъ въ неуказанномъ платьѣ не ходили и бородъ не носили, того смотрѣть накрѣпко, а кто впротивность публикованныхъ о томъ указовъ въ какомъ неуказанномъ платьѣ ходить и бороды носить станутъ, съ таковыхъ по взысканію штрафа чинить по указамъ безъ всякаго послабленья,—того ради въ силу онаго Ея Императорскаго Величества указу всѣмъ команды свои старшинамъ и казакамъ бороды обрить и волосы подстричь такъ какъ со здѣшними казаками числится, чего ради фельдшера изъ ихъ же казаковъ выбравъ къ тому искуснаго опредѣлить и поступать по силѣ онаго, дабы всѣ какъ старшины такъ и казаки были во всякой чистотѣ и платье носили по своему званію, а не мужичье, а кто тобою фельдшеромъ опредѣленъ будетъ, о томъ ко мнѣ репортовать. Василій Могутовъ. 12 янв. 1758 г. (Дѣло Войскового Архива 1735—1780 г. № 54)

Примѣч. С. Н. Севастьянова.

тана правителя западной части орды, полковника Арасланова, имѣвшаго для своего прикрытія отрядъ въ 200 человѣкъ Оренбургскихъ казаковъ. Дѣло было обставлено такъ, что самъ султанъ-правитель приказалъ начальнику отряда не вмѣшиваться въ частныя распри киргизъ. На ночь казаки встали вдали отдѣльнымъ лагеремъ, а утромъ узнали, что султанъ-правитель измѣннически убитъ въ своей кибиткѣ, имѣніе расхищено и скотъ у его приверженцевъ разграбленъ. Виновные подлежали тяжкому наказанію и должны были быть непремѣнно розысканы. Для наказанія посланы были отряды казаковъ, которымъ было приказано грабить скотъ и убивать всѣхъ, кто попадется, дабы такой карою устрашить народъ и показать, что русскіе вездѣ найдутъ убійцъ, куда бы они не скрылись. У киргизъ отбиты были десятки тысячъ барановъ, лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. 1855 и 56 г., въ которыхъ совершалось это событіе, былъ голодный. Весь скотъ пригнали на линію, но ни сѣна, ни соломы, ни другого довольствія не было, продавали его за безцѣнокъ, а зимою все погибло. На слѣдующій годъ скота изъ степи въ пригонѣ не было и мы при дорогомъ хлѣбѣ имѣли дорогое мясо; вмѣсто 2 коп. за фунтъ баранины и 3 коп. говядины платили 7 и 10 коп. за фунтъ. Вышло, что одновременно съ наказаніемъ киргизъ наказали и своихъ. Дороговизна на мясо послѣ этого продолжалась еще долгое время.

Въ Оренбургской губерніи Челябинскій уѣздъ издавна извѣстенъ былъ зажиточностью крестьянъ. Плодородная почва, выгодныя условія для развитія скотоводства и другіе промыслы выдвинули челябинскихъ крестьянъ сравнительно съ другими. До половины 40 гг. челябинцы въ каждомъ пріѣзжавшемъ къ нимъ чиновникѣ видѣли начальника, принимали честно и непремѣнно дарили

деньгами безъ всякаго повода или желанія заручиться покровительствомъ, и поступали такъ по старинѣ, какъ дѣлали ихъ дѣды. Пріѣзжавшій подчивался водкою или виномъ, подносимыми въ стаканѣ, на дно котораго клались золотая или серебряная монета, а иногда ассигнація —подъ стаканъ; вино выпивалось, а деньги, называемыя *честнымъ*, брались гостемъ; не принять честного значило обидѣть хозяина. Простому народу жилось хорошо, привольно и легко, благо въ то далекое прошлое время чиновниковъ у крестьянъ было немного: исправникъ, засѣдатель земскаго суда, иногда уѣздный стряпчій,—вотъ весь персоналъ, съ которымъ знался крестьянинъ; это не то, что нынѣ мужикъ не знаетъ, кто его начальникъ: земскій, мировой судья, предсѣдатель съѣзда, становой приставъ, исправникъ и другіе, коихъ цѣлый легіонъ. Въ концѣ 1830 г. правительство ввело надъ крестьянами опеку, въ особомъ учрежденіи подъ названіемъ палаты государственныхъ имуществъ, окружныхъ начальниковъ съ помощниками и волостными и сельскими старшинами. Въ Челябинскомъ уѣздѣ было введено это новое учрежденіе и, какъ все новое, вызывало разные толки, разносителями которыхъ были солдаты, какъ люди всюду бывавшіе и болѣе простого мужика развитые. Ранѣе всѣ крестьяне назывались казенными, а тутъ—новое наименованіе государственныхъ, главное учрежденіе названо Мистерствомъ государственныхъ имуществъ. Судили, рядили, что это за министерство. Мужикъ, можетъ быть, слышалъ, что у царя есть министры, значитъ это ихъ начальникъ, а тутъ пустили слухъ, что они не царскіе или казенные крестьяне, а министерскіе, значитъ, принадлежатъ министру. Солдаты добавили, что, вѣроятно, государь проигралъ ихъ въ карты своему министру Киселеву (первый министръ Государственныхъ имущест-

ву), котораго назвали почему то Кульневымъ, быть можетъ потому, что Кульневъ былъ извѣстный воинъ и ему всего ближе быть министромъ у царя. Мужики пошли дальше: если они проиграны министру, т. е. барину, значитъ будутъ барскими, какъ внутри Россіи, и порѣшили въ барскіе не итти. Новымъ учрежденіемъ дарована была крестьянамъ нѣкоторая льгота во взносѣ податей назначеніемъ въ годъ двухъ сроковъ. Челябинскіе сборщики повезли въ казначейство подушныя за весь годъ. Казначейство взяло одну половину, а въ пріемѣ другой отказало. Мужики начали говорить, что слухи оправдались: если они царскіе, то зачѣмъ казначейство не принимаетъ подушныхъ денегъ. Пошло обвиненіе волостныхъ головъ съ прочимъ должностнымъ людомъ въ томъ, что они скрываютъ отъ крестьянъ новое ихъ положеніе; окружный и въ Уфѣ палата тоже подкуплены и мужики рѣшили требовать отъ головъ указа о переходѣ ихъ въ барскіе крестьяне; когда тѣ клятвенно увѣряли, что ничего не получали, обратились къ духовенству, требуя отъ него объявить имъ указъ и не скрывать истину. Когда духовенство отказалось предъявить указъ по неимѣнію таковаго, крестьяне употребляли насиліе какъ надъ своимъ начальствомъ, такъ и надъ духовенствомъ; тѣхъ и другихъ купали въ холодной водѣ, въ прорубяхъ, но ничего, конечно, не добились; перерыли всѣ дѣла въ волостныхъ правленіяхъ, нашли земледѣльческую газету съ изображеніемъ плуга новой системѣ и рѣшили, что эти плуги назначены для обработки барской земли. Общее мнѣніе было то, что нужно всѣми мѣрами отстаивать свои прежнія права.

Мѣстныя власти слали въ Уфу донесенія и рапорты, что мужики бунтуютъ и чтобы прибыли высшія власти. Исправникъ де—Греве заявлялъ, что можетъ быть

личное присутствіе губернатора, которымъ былъ Талызинъ, остановитъ дальнѣйшее распространеніе бунта, который уже охватилъ сосѣдніе уѣзды Пермской и Тобольской губерніи. Талызинъ послалъ въ Челябинскій уѣздъ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ Львова, но онъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать. Талызинъ написалъ военному губернатору Обручеву, что одно его присутствіе и войско могутъ укротить волненіе, а высланные небольшіе отряды изъ мѣстныхъ башкиръ были прогнаны крестьянами, оружіе и лошади у нихъ отобраны. Обручевъ наконецъ принялъ все дѣло на себя. Командующему башкирскимъ войскомъ, полковнику Балкашину предписано явиться съ нѣсколькими сотнями конныхъ надежныхъ башкиръ въ село Чумляцкое, наказному атаману Оренбургскаго войска графу Цукато, собрать нѣсколько полковъ казаковъ, начиная отъ Верхнеуральска до границъ Сибири, изъ Троицка направить стоявшій тамъ баталіонъ пѣхоты. Весь отрядъ былъ раздѣленъ на три части: съ восточной стороны атаманъ съ казаками, въ центрѣ Балкашинъ съ башкирами, а съ запада самъ Обручевъ съ пѣхотой и казаками. Мужики, узнавъ объ этомъ, немного струсили, но никто покорности не изъявилъ, ибо надѣялись отстоять свое дѣло. Въ отрядъ Балкашина вступилъ и я въ чинѣ урядника. Въ отрядѣ Балкашина были: сотникъ Филатовъ, личный его адъютантъ ротмистръ Житковъ и поручикъ Шоттъ. Послѣднему поручено было въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ сформировать, кажется, 400 человѣкъ и слѣдовать съ ними въ Челябинскій уѣздъ, Житкову съ двумя кантонными начальниками башкиръ Челябинскаго уѣзда—сформировать двѣ сотни и имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи. Мнѣ пришлось вести всю письменную часть по отряду: получать бумаги, писать предписанія и докладывать не-

посредственно Балкашину. Изъ Оренбурга я выѣхалъ, въ чемъ былъ, за два дня до праздника св. Пасхи и вмѣстѣ съ Житковымъ пріѣхалъ въ д. Аджитарову, Челябинскаго уѣзда, населенную мещеряками. Вскорѣ туда прибылъ Балкашинъ, Обручевъ и графъ Цукато.

Въ Чумляцкое Обручевъ пріѣхалъ въ отрядѣ Балкашина и самъ повелъ все дѣло: собралъ мужиковъ, толковалъ и внушалъ имъ, для чего нужны магазины, почему ихъ подчинили новому начальству, много наговорилъ лишняго и наконецъ объявилъ, что мужики виновны въ бунтѣ, и тутъ же началъ расправу. Каждый попадавшійся на глаза мужикъ безъ разсужденія, кто онъ и откуда, раскладывался на землѣ и былъ сѣченъ розгами или казачьими плетьми. Башкиры сѣкли хорошо, а бѣжавшихъ ловили еще искусснѣе и тутъ же наказывали, а потомъ отпускали; когда такой мужичекъ снова попадался, то онъ поднималъ рубаху на голову и показывалъ избитую спину; это служило ему билетомъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Послѣ двухъ или трехъ экзекуцій все утихло. Балкашинъ прошелъ нѣсколько селеній и потомъ получилъ приказъ возвратиться съ башкирами въ дома.

Не то было у графа Цукато. Онъ образовалъ у себя цѣлый штатъ, въ каждомъ селѣ отбиралъ болѣе виновныхъ, которыхъ везли на подводахъ или коньоировали пѣшихъ. Обручевъ, встрѣтивъ такую массу людей, нашелъ лишнимъ держать ихъ при отрядѣ, въ одинъ или два дня перепоролъ ихъ всѣхъ и отпустилъ домой. Кто могъ итти, тотъ шелъ, а болѣе избитый плелся ползкомъ. Бунтъ вскорѣ былъ усмиренъ. Для наблюденія за спокойствіемъ разставлены были въ нѣкоторыхъ селахъ солдаты. Въ слѣдующемъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе одну изъ казачьихъ конныхъ баттарей имѣть

въ Челябинскомъ уѣздѣ, расположивъ ее въ селѣ Чумляцкомъ, гдѣ она оставалась до отправленія всей казачьей артиллеріи для военныхъ дѣйствій противъ коканцевъ, что было при генералъ-губернаторѣ Крыжановскомъ въ началѣ 60 г.

Открытаго сопротивленія войскамъ крестьяне не позволяли себѣ. Только въ селѣ Таловскомъ толпа забралась на какую-то хозяйственную постройку, гдѣ полагала удержаться и не допустить казаковъ до себя. Подъ тяжестью толпы постройка разрушилась, мужики провалились и очутились въ капканѣ, откуда казаки за бороды и волосы вытаскивали ихъ и жестоко наказывали за дерзость и упрямство.

Умомъ и умѣньемъ излагать свои мысли убѣдительно и съ полнымъ знаніемъ дѣла равняться съ Перовскимъ никто не могъ. Писалъ онъ чистымъ литературнымъ языкомъ, не употребляя канцелярскихъ оборотовъ рѣчи и не допуская ихъ въ бумагахъ, составленныхъ другими лицами. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, онъ все-таки не всегда разсчитывалъ на свои силы. У него какъ въ первое, такъ и во второе управленіе краемъ были стилисты для составленія отчетовъ, важнѣйшихъ бумагъ министрамъ; нерѣдко онъ прибѣгалъ къ помощи спеціалистовъ, если предметъ былъ мало знакомъ ему.

Когда Перовскій былъ моложе, доступъ къ нему былъ легче. Одинъ капитанъ по фамиліи Романовъ поспорилъ въ веселомъ кругу, что сейчасъ (12 ч. ночи) пойдетъ къ Перовскому и спроситъ, чѣмъ онъ занимается. Перовскій принялъ его и спросилъ, что ему надобно.

«Государь у насъ Романовъ, я тоже Романовъ и желаю знать, чѣмъ ваше превосходительство занимается».

Отвѣтъ былъ скорый: «Пьяныхъ сажаю на гауптвахту. Ординарецъ, сейчасъ же отведи этого господина подъ арестъ!».

Перовскій далекъ былъ преслѣдовать нахаловъ и раздѣлывался съ ними самъ. За свой образъ дѣйствій онъ былъ популяренъ въ народѣ.

Для устраненія злоупотребленій Перовскій не затруднялся принимать собственною властью исключительныя мѣры, не стѣсняясь тѣмъ, что въ какомъ-либо случаѣ онѣ расходились съ законнымъ направленіемъ дѣла. Для примѣра приведу случай о взысканіи съ киргизъ билетнаго сбора. Сборъ этотъ былъ установленъ въ одномъ размѣрѣ съ паспортнымъ для крестьянъ, уходящихъ на заработки. Билетный сборъ всецѣло обращался на содержаніе Неплюевскаго кадетскаго корпуса; платить его обязаны были хозяева за билеты при наймѣ киргизъ въ работники.*) При слабомъ надзорѣ этотъ сборъ къ 50 гг. сильно упалъ и видимыхъ причинъ тому не было. У казаковъ работниками были всегда киргизы, но хозяева, чтобы избѣгнуть платежа билетнаго сбора, при наймѣ билетовъ не брали. Мѣстное начальство не стѣсняло ихъ за безбилетныхъ киргизъ. Перовскій послалъ своихъ чиновниковъ повѣрить число работниковъ и по книгамъ прослѣдить число взятыхъ билетовъ, выдавать которые обязаны были казачьи станичные начальники. Повсюду найдена была масса безбилетныхъ киргизъ, жившихъ по

*) Установленъ этотъ сборъ былъ въ 20-хъ годахъ XIX ст.; разрѣшеніе найма киргизскихъ работниковъ было однако мѣрою вредною: работники киргизы являлись тайными шпіонами, передававшими о малѣйшемъ дѣйствіи русскихъ войскъ. Отъ этого зависѣла отчасти и малоуспѣшность поисковъ въ киргизскую степь для наказанія виновныхъ киргизъ.

Прим. С. Н. Севастьянова.

нѣсколько лѣтъ сряду у своихъ хозяевъ —казаковъ. Съ послѣднихъ Перовскій предписалъ взыскать всю невнесенную за прошедшее время сумму и такимъ путемъ было взыскано съ Оренбургскихъ казаковъ болѣе 30 т. р. сер. На неправильности исчисленій чиновниковъ жалобъ не принимали, въ судъ никто не позволилъ себѣ обратиться и тѣмъ все дѣло было кончено.

Въ Челябинскомъ уѣздѣ съ давняго времени укоренилось кормчество солью, привозимою изъ киргизскихъ озеръ безъ платежа пошлины. Обязанность не пропускать ввозъ этой соли лежала на кордонной стражѣ изъ казаковъ. Таможенное начальство въ свою очередь должно было слѣдить. Нѣтъ сомнѣнія, что потворство и послабленіе допускалось съ той и другой стороны. Кордонная стража пропускала воза два или три соли, провозимой казаками для собственной домашней надобности. Таможенный объѣзчикъ невѣрно взвѣшивалъ обозъ крестьянъ, провозившихъ соль, а случалось, что и самъ таможенный надзиратель какъ-бы не видѣлъ провозимую соль изъ личныхъ интересовъ. Львиная доля неуплаченнаго акциза оставалась въ карманахъ таможенныхъ, но начальство ихъ постоянно приносило жалобы на слабое смотрѣніе казаковъ.

Перовскій, это было во второе его управленіе, распорядился усилить кордонную стражу нарядомъ полка казаковъ въ дополненіе къ бывшему тамъ числу, расположивъ ихъ отъ Троицка до границы Сибири, и въ первый же годъ доходъ увеличился болѣе, чѣмъ въ три раза: съ 8 до 26 т. р. Казна выиграла, но войсковой капиталъ значительнымъ сверхсмѣтнымъ расходомъ на содержаніе казаковъ чувствительно пострадалъ.

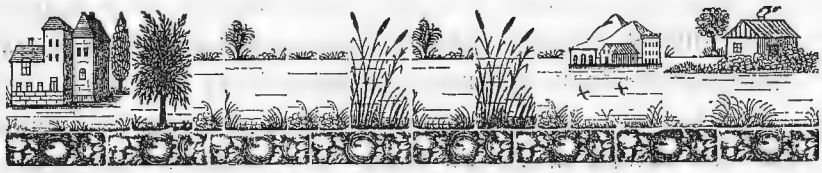
Графъ Перовскій всегда держалъ себя величаво, независимо, и никто не слышалъ, чтобы у него былъ не-

достатокъ денежныхъ средствъ, а расходы его были велики: роскошные праздники, обѣды и балы стоили дорого; на балахъ шампанское пили всѣ гости, а бывало ихъ 300—400 чел.

Въ обыкновенное время у него обѣдало не менѣе 15—20 человѣкъ. Какія были его личныя средства—неизвѣстно. Говорили, что государь Николай Павловичъ давалъ ему негласно изъ своей шкатулки.

Въ коронованіе императора Александра II въ Москвѣ Перовскій былъ пожалованъ графомъ и въ это же время появились слухи, что Перовскій скоро будетъ смѣненъ. Самъ онъ, вслѣдствіе болѣзни, тяготился лежавшими на немъ обязанностями, а еще болѣе передававшимися изъ Петербурга вѣстями, что онъ старъ, ничего не можетъ дѣлать, и даже указывали на нѣкоторыя неудачныя его дѣйствія, показывавшія, что онъ отжилъ свое время. Въ первый пасхальный день, въ самую пасхальную заутреню по церкви прошло извѣстіе, что Перовскій вслѣдствіе сильнаго удушья сидитъ въ банѣ, куда приходилъ соборный протоіерей Розановъ напутствовать его и пріобщить. Вслѣдствіе этого общее розговѣніе не состоялось, а родной племянникъ его отъ сестры, Александръ Михаиловичъ Жемчужниковъ, говорилъ мнѣ, что онъ заперъ и опечаталъ кабинетъ дяди, сказавъ Балкашину, чтобы не смѣлъ входить туда, такъ какъ тамъ такіе фамильные документы, касаться которыхъ посторонніе не смѣютъ. На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно. Перовскій остался живъ, но чувствуя близкую кончину, желалъ оставить память о своемъ пребываніи. Предъ праздникомъ Пасхи онъ собралъ всѣ экономическія суммы и роздалъ всѣмъ болѣе или менѣе близко служившимъ чиновникамъ при письмахъ или бумагахъ. Всего, кажется, было розданодо 30 т. р.*).

*) Перовскій скончался на югѣ Россіи—на берегу Чернаго моря въ 1857 г. Прим. С. Н. Севастьянова.



X.

А. А. Катенинъ.

(1858—1860).

Преемникомъ Перовскаго былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ. Онъ пріѣзжалъ сюда въ январѣ 1857 г. для предварительнаго ознакомленія съ краемъ подъ руководствомъ Перовскаго, окончательно же назначенъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ губернаторомъ въ 1858 г.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ онъ отправился въ степь и вновь присоединенныя владѣнія. Въ декабрѣ 1858 г. Катенинъ съ отчетомъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда въ числѣ другихъ чиновниковъ взялъ и меня для объясненія казачьихъ и башкирскихъ дѣлъ, какъ служившаго въ его канцеляріи начальникомъ отдѣленія иррегулярныхъ войскъ. Тутъ были: правитель канцеляріи Адамъ Антоновичъ Арцимовичъ, Василій Васильевичъ Григорьевъ,*) полковникъ Дандевиль,**) чиновники Галкинъ,

---

*) Предсѣдатель пограничной комиссіи.

**) Оберъ-квартирмейстеръ.

А. А. Катенинъ.
[1828—1901]

Пасмуровъ Сѣверцовъ, Тимашевъ, за адъютанта полковникъ Безносиковъ, ротмистръ Миллеръ. Послѣдніе ѣхали на свои средства, а я получилъ подъемныхъ 200 р. Въ свитѣ Катенина находились еще чиновники Лафаршъ и Иванъ Николаевичъ Кашкаровъ; они были домашними людьми — Лафаршъ для исполненія домашнихъ порученій и для практики съ дѣтьми, а Кашкаровъ, двоюродный братъ жены Катенина, кромѣ того, докторъ Нефтель. *)

Одновременно съ поѣздкою Катенина въ степь и на Сыръ-Дарью изъ Оренбурга отправилось дипломатическое посольство въ Бухару и Хиву. Во главѣ его былъ флигель-адъютантъ полковникъ Игнатьевъ, бывшій потомъ посломъ въ Турціи. Въ это посольство включенъ былъ Галкинъ, служившій въ канцеляріи Катенина по пограничному отдѣлу; съ этого времени началась его служебная карьера.

Всѣ прибывшія въ Петербургъ лица имѣли назначеніемъ содѣйствовать осуществленію представленныхъ Катенинымъ проектовъ, но далеко не все исполнилось по желанію Александра Андреевича. Будучи дежурнымъ у государя императора, онъ поднесъ записку о назначеніи ему по званію генерала-губернатора помощника, на каковое мѣсто предполагалъ опредѣлить генералъ-лейтенанта Балкашина, устарѣвшаго для должности командующаго башкирскимъ войскомъ, а его мѣсто предоставить полковнику Рейтерну, бывшему дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусномъ штабѣ и тоже находившемуся въ Петербургѣ. На докладѣ резолюція Государя была «сог-

*) Крещеный еврей. Потомъ былъ посланъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Тамъ вступилъ въ кружокъ Герцена и его друзей и въ Россію не возвращался. Нѣкоторое время жилъ въ Лондонѣ, а потомъ поселился въ Нью-Іоркѣ.

ласенъ», но въ исполненіи вышло другое. Катенину предоставлялось право на время отсутствія его изъ края передавать должность генералъ-губернатора одному изъ состоящихъ въ его распоряженіи генераловъ; въ число ихъ поступилъ генералъ-лейтенантъ Балкашинъ и генералъ-маіоръ Ладыженскій; первый былъ замѣстителемъ Катенина, но вскорѣ умеръ, а второй оставался и во время управленія Безака.

Во время пребыванія Катенина въ Петербургѣ былъ выработанъ планъ постепеннаго движенія въ Среднюю Азію и посылка особаго отряда подъ начальствомъ полковника Дандевиль въ Туркменскую область. Въ этотъ отрядъ прикомандированъ былъ также Галкинъ.

Для казачьихъ войскъ Катенинъ заручился позволеніемъ ходатайствовать о прибавкѣ жалованья казачьимъ офицерамъ, каковое ходатайство онъ началъ по прибытіи въ Оренбургъ, да Оренбургскому войску для внутренняго его благоустройства прибавлено 85 т. р. въ годъ взамѣнъ питейнаго откупного дохода.

Въ отношеніи башкиръ было ходатайство о сформированіи изъ нихъ четырехъ полковъ и посылки ихъ на службу въ Варшаву и на Кавказъ. Ходатайство это однако не было удовлетворено. Мысль эта принадлежала Балкашину; ее раздѣлялъ и Перовскій, желавшій оставленія башкиръ въ военномъ сословіи. При моемъ личномъ объясненіи съ начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ, генералъ-лейтенантомъ Веревкинымъ, я узналъ и передалъ Катенину, что башкиръ ни въ Варшаву, ни на Кавказъ тамошнія начальствующія лица не берутъ, такъ какъ въ польскую компанію 1831 г. башкиры были въ арміи и оказались негодными для казачьей службы. Отказъ этотъ послѣдовалъ въ то время, когда для военно-строевого образованія въ Оренбургъ бы-

ли командированы 4 штабъ и 10 оберъ-офицеровъ армейской кавалеріи; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проводили 2—3 лѣтнихъ мѣсяца въ учебномъ полку, собиравшемся на это время въ Оренбургскомъ уѣздѣ около деревни Аллабердиной, гдѣ было много свободныхъ башкирскихъ земель, теперь уже распроданныхъ. Почти всѣ штабъ-офицеры (Гюбенетъ, Гвоздаковъ, Броссе, Базилевъ) впослѣдствіи заняли мѣста попечителей Башкирскихъ кантоновъ, а оберъ-офицеры кантонныхъ начальниковъ.

Поѣздка въ Петербургъ 1858 г. не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ. Возвратившись въ маѣ въ Оренбургъ, Катенинъ занялся разработкою другихъ своихъ предположеній, потомъ въ концѣ 1859 г. снова ѣздилъ въ Петербургъ съ цѣлью ходатайствовать о продолженіи завоеваній на Сыръ-Дарьѣ, однакожъ это было отклонено. Въ 1860 г. Катенинъ ѣздилъ въ Уральскъ для осмотра войска и проѣзжалъ до Гурьева городка.

Темное пятно въ Уральскихъ казакахъ составляла принадлежность ихъ къ старовѣрству и исходившая отсюда ненависть и презрѣніе къ каждому православному. Коренной уралецъ, никогда не ходившій на службу, не позволитъ себѣ принимать пищу съ православнымъ и не дастъ ему для этого своей посуды, а если бы послѣдняя случайно была у русскихъ (они себя считаютъ казаками и другого названія не знаютъ), то каменную посуду разбиваютъ, а деревянную сожигаютъ. На искорененіе раскола *) или, по крайней мѣрѣ, на ослабленіе его, ата-

*) Подробнѣе объ этомъ массовомъ движеніи Уральцевъ въ сторону соединенія съ православною церковью можно читать у *Н. Чернавскаго* въ его трудѣ: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ», вып. II (X вып. «Трудовъ Комиссіи»).

манъ уральскаго войска Арк. Дмит. Столыпинъ обратилъ вниманіе. Онъ началъ съ того, что извѣстныя духовныя лица, которыя тамъ всѣ изъ уральцевъ, по убѣжденію Столыпина склонились на нѣкоторыя уступки: одинъ изъ нихъ, Донсковъ, читалъ лекціи противъ раскола, громилъ отступниковъ отъ церкви гнѣвомъ Божіимъ. Это возымѣло нѣкоторое дѣйствіе на казаковъ: они уже были не тѣ, что въ 1837 г., когда подняли бунтъ за одно намѣреніе врести между чиновниками и богатыми купцами казаками нѣкоторое подобіе общественной жизни, какъ напр. собранія, танцы, игру въ карты. Болѣе развитые согласились на предложеніе Столыпина имѣть у себя храмъ съ правильно рукоположеннымъ священствомъ, во всемъ остальномъ оно должно слѣдовать старымъ уставамъ и обрядамъ, ни въ чемъ ихъ не измѣняя, и не составлять общаго съ православнымъ духовенствомъ. Епархіальный епископъ можетъ только рукополагать избранныхъ обществомъ лицъ, а консисторія никакъ не могла вмѣшиваться въ управленіе и посылать предписанія и указы духовенству новообразованной церкви. Утвержденіе на такомъ основаніи церкви дано было свыше и въ особенное вниманіе къ явленному казаками желанію сообщиться съ православною церковью. Покойная императрица Марія Ѳеодоровна пожелала дать въ новый храмъ икону св. Николая древняго письма изъ числа хранящихся въ дворцовыхъ церквахъ. Столыпинъ придалъ особенное значеніе этому дару, постарался сдѣлать это событіе извѣстнымъ всему войску, передавая это такъ: уральцы будутъ имѣть свою церковь съ духовенствомъ, никому изъ духовныхъ властей не подчиненную, съ уставомъ и порядками дониконовскаго времени, чего тщетно добивались они; послана была въ Петербургъ депутація благодарить царя и царицу за такой высокій даръ, больше и важнѣе котораго не можетъ

быть. Депутацію составляли полковники Бизяновъ, Кармановъ и сотникъ Мартыновъ (всѣ эти лица были послѣ генералами), торговые казаки Сергѣй Щелоковъ и Аржановъ (отецъ извѣстнаго самарскаго милліонера, перешедшаго въ купцы); на расходы отпущено было 3 т. руб. изъ войскового капитала *). Святая икона была вручена депутаціи. Я видѣлъ ее: небольшой образъ до 7 вершковъ высоты и 6 въ ширину, съ вѣнцомъ кругомъ лика, но безъ ризы, какъ вообще были иконы, закрывать которыя ризами въ древности не было принято, дабы поклоняющіеся видѣли какъ ликъ, такъ и одежды святого. По нѣкоторому сомнѣнію я, по порученію Катенина, возилъ икону эту для показанія извѣстному нашему знатоку и любителю старыхъ обрядовъ и уставовъ камергеру Муравьеву, который подтвердилъ несомнѣнность древняго писанія иконы.

Новая православная Никольская церковь въ народѣ считалась истинною, имѣла священниковъ, совершались правильно всѣ службы; народъ привыкъ чтить ее какъ самую святую и уподобленную древнимъ храмамъ; всѣ усердно ходили молиться; самъ атаманъ Столыпинъ молился въ ней большимъ крестомъ, отпустилъ себѣ бороду, чего тогда еще не дозволялось; крестъ налагалъ на себя истово и руку на лобъ такъ закладывалъ, чтобы стоявшіе видѣли двухперстное сложеніе. Близко знавшіе Столыпина видѣли въ этомъ лицемѣріе, но такъ или ина-

*) Депутація въ короткое пребываніе въ Петербургѣ не могла израсходовать такой суммы; придумали дать обѣдъ у Донона лицамъ, бывшимъ въ столицѣ съ Катенинымъ, въ томъ числѣ былъ и я. Обѣдъ былъ роскошный, ѣли и пили до сыта. Я съ обѣда ушелъ пѣшкомъ, но когда легъ въ постель и заснулъ, не помню. Это былъ единственный случай въ моей жизни.

че вѣра въ церковь утвердилась. Православное духовенство въ церковь не ходило, а преосвященные съ 1858 г. хотя жили въ Оренбургѣ, но въ Уральскъ ѣздили очень рѣдко. Столыпинъ для разсѣянія въ уральцахъ ихъ нелѣпыхъ убѣжденій о православныхъ иногда употреблялъ въ разговорѣ своеобразныя выраженія, съ которыми можно обращаться только къ простому и грубому народу.

Напримѣръ, онъ спрашиваетъ старовѣра: «какимъ крестомъ ты молишься Богу?» тотъ *правою* рукою дѣлаетъ двухперстное сложеніе.

«А покажи мнѣ, какъ прославные при молитвѣ крестятся?».

Казакъ *лѣвою* рукою дѣлаетъ трехперстное сложеніе.

«Почему же ты дѣлаешь не правою рукою?»

— Чтобы не опоганить руку, отвѣчаетъ казакъ.

«Дуракъ», говоритъ Столыпинъ: «теперь самъ разсуди, что мерзѣе и гнуснѣе. Всѣ безъ различія дѣянія дѣлаешь правою рукою, и черезъ это она не поганится, а для молитвы сложеніе трехъ перстовъ считаешъ не только грѣховнымъ, но и поганымъ».

Вообще въ атаманство Столыпина міровоззрѣніе уральцевъ въ многомъ измѣнилось. За молодымъ поколѣніемъ, получавшимъ образованіе внѣ войска, потянулись и старики, у которыхъ уменьшился фанатизмъ, и они стали понемногу отвыкать отъ прадѣдовскихъ вѣрованій, особенно даровитый миссіонеръ-проповѣдникъ Крючковъ велъ успѣшно свои собесѣдованія съ народомъ; послѣдній добровольно и на свои средства началъ строить церкви на единовѣрческомъ началѣ.

Генералъ-адъютантъ Катенинъ послѣ поѣздки въ Уральскъ возвратился больнымъ и въ іюнѣ 1860 г.

умеръ.*) Причину болѣзни относили къ простудѣ легкихъ. Смерть Александра Андреевича поразила городское и окрестное населеніе. Горожане везли на себѣ погребальную колесницу и положили его въ склепѣ графа Сухтелена въ оградѣ Петропавловской церкви, откуда тѣло покойнаго потомъ было взято въ имѣніе его Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда.

Катенинъ пробылъ въ должности генералъ-губернатора не болѣе двухъ лѣтъ, обѣщалъ много, но скорая смерть помѣшала осуществленію его предположеній. При немъ положено начало раздѣленія Оренбургской губерніи на двѣ—Оренбургскую и Уфимскую; назначенъ въ Оренбургъ особый епископъ для казачьихъ войскъ и прилинейныхъ уѣздовъ, не включая сюда уѣздныхъ городовъ, которые были оставлены въ зависимости Уфы**), и какъ бы взамѣнъ сего на Оренбургскаго епископа возложили обязанность по обращенію инородцевъ язычниковъ въ

---

*) Старожилы передаютъ, что Катенинъ цѣлую ночь работалъ, а на другой день скончался. За годъ до смерти, провожая въ 1859 г. въ августѣ мѣсяцѣ гробъ съ прахомъ наказнаго атамана Оренбургскаго каз. войска Ивана Васильевича Подурова, онъ оступился на кладбищѣ въ яму и тутъ же сказалъ «Вѣрно и мнѣ скоро придется послѣдовать за Иваномъ Васильевичемъ». Предчувствіе сбылось.

Прим. С. Н. Севастьянова.

**) Учрежденіе самостоятельной каѳедры въ г. Оренбургѣ въ миссіонерскихъ цѣляхъ и ея матеріальное устроеніе было обязано главнымъ образомъ А. А. Катенину и составляетъ одну изъ крупныхъ его заслугъ. Объ этомъ подробнѣе можно читать у *Н. Чернавскаго* въ его трудѣ: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ» (Вып. VII и X Трудовъ Комиссіи) и въ брошюрѣ прот. *І. П. Кречетовича*: «Учрежденіе въ г. Оренбургѣ епископской каѳедры».

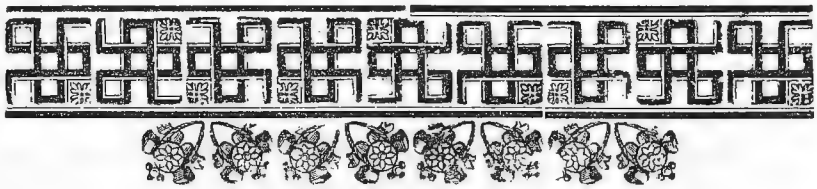
христіанство, для чего ежегодно ассигновалось изъ сбора съ этихъ инородцевъ 3 т. руб. сер.

Катенинъ своею открытою жизнью много способствовалъ развитію въ городѣ общественной жизни, давалъ большіе балы, гдѣ собиралось многочисленное общество; въ высокоторжественные дни, приходившіеся лѣтомъ, устраивались обѣды, на которые приглашались многіе изъ служащихъ.

Катенинъ при назначеніи получилъ на экстраординарные расходы 28 т. руб. изъ капиталовъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ, башкирскаго сбора и кибиточныхъ съ киргизъ. Отчетъ въ этихъ деньгахъ онъ представлялъ лично государю при своихъ поѣздкахъ въ Петербургъ.

Катенинъ былъ всегда и со всѣми любезенъ. Иногда случалось на раутахъ, что Александръ Андреевичъ бралъ меня за руку и велъ пить шампанское. Катенинъ выражалъ неудовольствіе, что чиновники его канцеляріи не бываютъ у него.

Послѣ назначенія Арцимовича губернаторомъ въ Самару, правителемъ канцеляріи былъ назначенъ Тарасовъ, служившій у меня въ отдѣленіи столоначальникомъ. Съ нимъ у меня начались неудовольствія, я заявлялъ о своемъ желаніи оставить службу въ канцеляріи, но при Катенинѣ этого нельзя было сдѣлать. При новомъ генералъ-губернаторѣ Безакѣ я перешелъ на должность попечителя башкиръ Оренбургскаго уѣзда.



XI.

А. П. Безакъ.

(1860—1864).

Послѣ Катенина генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Александръ Павловичъ Безакъ. По прибытіи въ Оренбургъ въ концѣ 1860 г. при общемъ пріемѣ всѣхъ служащихъ въ залѣ своего дома сказалъ, что управленіе краемъ онъ поведетъ на либеральныхъ началахъ, будетъ стремиться въ этомъ направленіи сдѣлать необходимыя реформы, для чего пригласитъ образованныхъ чиновниковъ изъ Петербурга и вообще при назначеніяхъ на должности будетъ держаться правила узнавать во всѣхъ отношеніяхъ избираемыхъ лицъ, дабы впослѣдствіи избѣгать необходимости смѣнять назначенныхъ, что ведетъ къ печальнымъ результатамъ какъ для пользы службы, такъ и для самихъ смѣняемыхъ.

Вступительная рѣчь была сказана хорошо, но замѣтно, что она была сочинена предварительно.

Еще со времени Катенина важныя мѣропріятія обсуждались въ особыхъ комитетахъ, составлявшихся изъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, переданнымъ на об-

сужденіе особаго комитета, гдѣ руководителемъ былъ генералъ-губернаторъ. Съ назначеніемъ Безака комитеты эти уничтожились.

Безакъ въ жизни былъ человѣкъ расчетливый, не допускавшій ни въ чемъ излишества. Это имѣло вліяніе на всѣхъ окружающихъ его лицъ и высшихъ начальниковъ; по этому частная жизнь въ Оренбургѣ сузилась, частные балы и вечера сократились. Почти всѣ служившіе при Катенинѣ разъѣхались: Столыпинъ уѣхалъ изъ Уральска, графъ Толстой смѣнился съ должности наказнаго атамана Оренбургскаго войска; его мѣсто занялъ полковникъ Петръ Васильевичъ Зварыкинъ. Управлявшій Оренбургскими киргизами Григорьевъ силою былъ столкнутъ съ мѣста, хотя онъ старался удержаться и писалъ даже государю. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ узналъ, что уволенъ въ отставку съ пенсіею въ 300 руб. и оставался нѣкоторое время безъ всякаго назначенія. Впослѣдствіи онъ поступилъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ онъ служилъ до перехода къ Перовскому, затѣмъ одновременно служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при генералъ-адъютантѣ Тимашевѣ предсѣдателемъ цензурнаго комитета и редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника». Отъ этихъ послѣднихъ должностей отказался въ 1872 г. по болѣзни.

Я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ и слышалъ отъ него, какую горькую чашу пришлось ему испить вслѣдствіе гоненій Безака.

Вновь назначенный военнымъ министромъ генералъ-адъютантъ Милютинъ оффиціальнымъ письмомъ просилъ Безака заняться дѣломъ о новомъ устройствѣ башкирскаго войска, при этомъ высказалъ, что, оставаясь войскомъ въ настоящемъ его видѣ, оно не можетъ приносить поль-

зы. Въ виду осложненія дѣла управленія башкирскимъ войскомъ и важныхъ послѣдствій при неудачѣ введенія новой реформы генералъ Тетеревниковъ, командовавшій башкирскимъ войскомъ, былъ назначенъ начальникомъ 23-й пѣхотной дивизіи, составленной изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, остался въ Оренбургѣ и только переселился изъ Караванъ-Сарая въ казенный домъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшняго пансіона гражданской гимназіи. На мѣсто Тетеревникова былъ назначенъ полковникъ Богуславскій, а мѣсто послѣдняго Безакъ далъ своему зятю, князю Трубецкому, который въ теченіе двухъ, лѣтъ изъ прапорщиковъ произведенъ былъ въ есаулы Оренбургскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ Безакъ въ первые два года управленія мѣста всѣхъ главныхъ начальниковъ заполнилъ своими избранниками и вся эта фаланга въ унисонъ пѣла хвалу Александру Павловичу.

Другому своему зятю, Галкину, Безакъ далъ мѣсто помощника управляющаго Оренбургскими киргизами, смѣстилъ Льва Николаевича Плотникова на должность чиновника особыхъ порученій при немъ на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ высшаго образованія, а въ министерствѣ Безаку будто говорили, что при назначеніи помощниковъ при главныхъ мѣстныхъ начальникахъ необходимо выбирать молодыхъ и образованныхъ людей, ибо они первые кандидаты къ занятію такихъ мѣстъ. Григорьевъ, не совсѣмъ довольный новымъ помощникомъ, впалъ въ немилость и потерялъ мѣсто

При Безакѣ театръ существовалъ круглый годъ, труппа актеровъ улучшалась съ каждымъ годомъ, посѣтителей въ театрѣ всегда было достаточно.

Въ послѣдній годъ управленія Безака образовался особый клубъ изъ казачьихъ семействъ, въ который по-

ступили лица средняго сословія. Въ танцевальные вечера публики набиралось до тѣсноты. Изящества въ дамскихъ туалетахъ даже по уставу сего клуба не требовались, и дамы приходили въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ и простыхъ прическахъ. Клубъ этотъ существовалъ не болѣе трехъ лѣтъ. Крыжановскій увидѣлъ въ немъ сепаратизмъ и закрылъ его.

Самъ Безакъ давалъ въ торжественные дни обѣды и балы, на которые гости приглашались изъ всѣхъ сословій. Зимою устраивались разъ въ недѣлю танцевальные вечера, но уже не при такой обстановкѣ, какъ при Катенинѣ: буфета съ винами не было; фрукты и сласти разносили, былъ даже арбузъ.

Безакъ былъ расчетливъ до скупости. Участвуя при докладахъ, я постоянно видѣлъ его въ старомъ сюртукѣ; новый онъ надѣлъ по пріѣздѣ жены своей Любови Павловны.

Генералъ Безакъ имѣлъ крупное столкновеніе съ Оренбургскомъ гражданскомъ губернаторомъ Егоромъ Ивановичемъ Барановскимъ. Послѣдній былъ правовѣдь и принадлежалъ къ кругу либеральной молодежи, въ рукахъ которой въ 60 гг. было почти все управленіе. Барановскій получилъ мѣсто губернатора по представленію Катенина, столкнувшаго для него дѣйст. ст. сов. Потулова, быть можетъ и устарѣвшаго во взглядахъ на управленіе, но управлявшаго губерніей почти независимо отъ генералъ губернаторовъ, которые мало вмѣшивались въ гражданскую часть, а въ непосредственной своей зависимости считали дѣла пограничныя, военныя и инородцевъ. При томъ губернаторы, видя въ генералъ-губернаторахъ по ихъ государственному положенію царскихъ замѣстителей, не позволяли въ сношеніяхъ съ ними ни-

чего заносчиваго, были осторожны и устраняли все, что могло повести къ несогласіямъ.

Съ другой стороны, вліявшія на генералъ-губернаторовъ лица—правитель канцеляріи и другіе—были петербуржцы, болѣе или менѣе далекіе отъ желанія проводить мысль о личномъ своемъ значеніи, потому что всѣ видѣли и знали ихъ вліяніе.

У Безака такихъ людей не было. Правитель его канцеляріи Тарасовъ служилъ въ главномъ управленіи Западной Сибири на должности что-то въ родѣ дѣлопроизводителя, Чебышевъ—въ надворномъ судѣ въ Петербургѣ. Люди эти были никому неизвѣстные и постоянно пѣли Безаку, что онъ, какъ генералъ губернаторъ, игнорируется подчиненными и что для возвышенія своего значенія онъ долженъ лично сдѣлать ревизію гражданскихъ учрежденій и черезъ своихъ чиновниковъ требовать, чтобы представленія о замѣщеніи открывавшихся вакансій восходили далѣе съ его одобренія.

Генералъ Безакъ согласился съ этимъ взглядомъ и на второй годъ своего управленія послалъ всѣхъ своихъ чиновниковъ особыхъ порученій на ревизію уѣздныхъ управленій, а самъ съ правителемъ канцеляріи Тарасовымъ и чиновникомъ особыхъ порученій Чебышевымъ отправился въ Уфу. Чиновники явились въ канцелярію губернатора съ требованіемъ для ревизіи всѣхъ дѣлъ и показали предписанія генералъ-губернатора. Правитель канцеляріи вѣжливо и почтительно сказалъ, что у нихъ одинъ начальникъ, Егоръ Ивановичъ Барановскій, и что если онъ прикажетъ, то все будетъ исполнено, а помимо его приказанія ни отъ кого не могутъ принять. Барановскій сказалъ Безаку, что если онъ желаетъ и находитъ нужнымъ, то можетъ лично самъ ревизовать дѣла и повѣрять всѣ его распоряженія, но чиновниковъ его къ

себѣ въ канцелярію не пуститъ, тѣмъ болѣе такихъ, какъ Чебышевъ — личность темная и никому неизвѣстная, и въ какіе — либо разговоры съ такими личностями губернаторъ не можетъ входить. При этомъ Барановскій добавилъ, что Тарасовъ и Чебышевъ, прибывъ съ визитомъ къ женѣ его, не умѣли прилично держать себя въ гостиной: имѣли руки въ карманахъ брюкъ и небрежно разваливались на диванѣ. — Безаку самому ревизовать и просматривать всѣ дѣла не было времени и такимъ образомъ ничѣмъ не вызванное недовѣріе къ губернатору кончилось торжествомъ послѣдняго.

Выше я сказалъ, что Безаку отъ военнаго министра Милютина было поручено составить новое положеніе о башкирахъ, сообразно съ ихъ современнымъ положеніемъ и общими государственными соображеніями. На собранномъ по этому поводу совѣщаніи было рѣшено всецѣло примѣнить къ башкирамъ начала управленія, данныя для крестьянъ положеніемъ 1861 г., съ необходимыми измѣненіями и сохраненіемъ вотчинныхъ правъ на земли. Вмѣсто должности командующаго войскомъ предполагалось образовать центральное коллегіальное учрежденіе и мѣстныхъ исполнителей, которымъ оставить прежнее названіе кантонныхъ начальниковъ, чтобы введеніемъ новыхъ названій не волновать народъ. Составленіе на сихъ началахъ положенія возложено было на генерала Тетеревникова, а онъ поручилъ дѣло правителю своей канцеляріи Долинскому. Написанный послѣднимъ проектъ представлялъ сколокъ съ крестьянскаго положенія, изъ котораго было все, касающееся мировыхъ посредниковъ, отнесено къ обязанностямъ кантонныхъ начальниковъ. Центральное управленіе проектировано подобно палатамъ государственныхъ имуществъ.

Въ такомъ видѣ проектъ разсматривался въ особомъ

комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Безака и послѣ незначительныхъ измѣненій и дополненій представленъ военному министру.

Изъ министерства проектъ передавался на заключеніе главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. По измѣненію послѣдняго проектъ состоялъ изъ двухъ частей: одна половина—управляемая, т. е. народъ—получилъ широкое право самоуправленія, другая центральная, т. е. общее управленіе башкирами, удержало характеръ существующихъ учрежденій—могло все контролировать, обсуждать въ хозяйственныхъ дѣлахъ выгоду и пользу и безусловно могло отвергать и не позволять обществу распоряжаться въ своихъ дѣлахъ по собственному усмотрѣнію.

Генералъ Безакъ былъ въ это время въ Петербургѣ и личнымъ докладомъ испросилъ у государя повелѣніе разсмотрѣть его проектъ въ государственномъ совѣтѣ при его участіи, измѣнить или пересоставить его здѣсь, а не возвращать для передѣлки въ Оренбургъ, на что потребуется много времени. Ходатайство его были уважено, и 14 мая 1863 г. высочайше утверждено положеніе о башкирахъ.

Возвратившись въ концѣ мая въ Оренбургъ, Безакъ потребовалъ отъ Богуславскаго немедленнаго введенія у башкиръ новаго положенія и тутъ же далъ ему оффиціальное предписаніе не давать мнѣ мѣста при назначеніи на новыя должности.

Богуславскаго послѣднее удивило, онъ тотчасъ призвалъ меня и спросилъ, не получаю ли я высшаго назначенія въ казачьемъ войскѣ. Съ моей стороны не было ничего такого, чтобы лишать меня права службы, и я отвѣтилъ Богуславскому, что новаго назначенія не ожидаю, а вижу тутъ интригу и нежеланіе Безака имѣть меня

на службѣ въ управленіи башкирами. Черезъ нѣсколько времени Богуславскій сказалъ мнѣ, что причина недоброжелательства ко мнѣ Безака выяснена: «Онъ очищаетъ мѣсто для своего зятя Трубецкого, а вы стоите на дорогѣ, и онъ знаетъ, что я желаю имѣть помощникомъ васъ, а не князя Трубецкого, и ни въ чемъ не уступлю ему».

Безаку онъ говорилъ: «Вы, Александръ Павловичъ, возлагаете на меня введеніе новаго положенія у башкиръ, а способныхъ и опытныхъ людей отнимаете у меня; чрезъ кого же я буду дѣйствовать? Черновъ ничѣмъ не заслужилъ изгнанія». Безакъ сказалъ: —«Я не желаю съ нимъ служить по совершенно постороннимъ причинамъ!»

Послѣ нѣкотораго спора Безакъ уступилъ и сказалъ: —«Я соглашаюсь оставить его кантоннымъ начальникомъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не въ Оренбургѣ».

Богуславскій на это возразилъ: «Въ другомъ мѣстѣ онъ не нуженъ, а именно здѣсь, при мнѣ; я тогда своевременно могу знать, какъ пойдетъ новое дѣло, особенно трудное у кочевыхъ башкиръ, твердо стоящихъ за сохраненіе прежнихъ условій жизни». Наконецъ Безакъ согласился оставить меня въ Оренбургѣ и спросилъ Богуславскаго, будетъ ли онъ доволенъ княземъ Трубецкимъ, котораго онъ предназначилъ помощникомъ его.

Богуславскій для передачи всѣхъ этихъ подробностей лично пріѣхалъ ко мнѣ на домъ. Утвержденіе князя Трубецкого послѣдовало не сразу. Милютинъ не соглашался, считая его неопытнымъ и неподготовленнымъ къ такой должности. Безакъ повторилъ представленіе, прося повергнуть на высочайшее усмотрѣніе его скорбь и тоску, какъ отца, разлучающагося съ любимой дочерью.

Наконецъ ходатайство его было удовлетворено. Князь Трубецкой получилъ мѣсто помощника съ жалованіемъ 2 т. руб., а я былъ назначенъ начальникомъ башкиръ перваго Оренбургскаго кантона.

Съ половины іюня я уѣхалъ образовывать сельскія общества и волости, открывать волостные суды и волостныя правленія съ выборами на всѣ мѣста должностныхъ лицъ самими обществами. Эту работу я исполнилъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Волости составлялись большія, отъ 3 до 5 т. душъ.

При начальномъ введеніи положенія для ознакомленія съ тѣмъ порядкомъ, какъ я поступалъ, были посланы ко мнѣ изъ Верхнеуральскаго уѣзда кантонный начальникъ подполковникъ Броссе и изъ Белебеевскаго капитанъ Рѣдинъ, а въ 1864 г. Безакомъ были посланы чиновники во всѣ кантоны для повѣрки правильности дѣйствія у башкиръ новаго положенія. Лицамъ этимъ Безакъ приказалъ посмотрѣть въ моемъ кантонѣ волости, судъ и сельскія общества Я показалъ имъ на мѣстѣ все введенное въ Оренбургскомъ уѣздѣ и съ запасомъ этихъ свѣдѣній они повѣряли другіе уѣзды. Чиновниками этими были Плачковскій, Рогали-Левицкій, Шульгинъ и Покровскій.

Отъ Безака я получилъ личную благодарность, а потомъ и высочайшую награду – орденъ св. Анны 2 й степени, и меня же обязали представить отставного подполковника Давлетшина за оказанное содѣйствіе, чего не было на самомъ дѣлѣ, ибо онъ только одинъ разъ былъ на сходѣ въ деревнѣ Имангуловой, гдѣ и жилъ. Давлетшинъ желалъ получить чинъ полковника, чтобы дѣти его считались дворянами, а ему дали Станислава 2-й степени.

Полковникъ Богуславскій, введя новое положеніе,

не пожелалъ болѣе оставаться на мѣстѣ завѣдывавшаго башкирами, не обѣщавшемъ въ будущемъ ничего особеннаго, и въ 1864 г. весною уѣхалъ изъ Оренбурга въ отпускъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться. Онъ поступилъ помощникомъ начальника штаба Кавказской арміи, потомъ служилъ начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ и съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи назначенъ членомъ военнаго совѣта; умеръ въ 1896 г. Въ честь его станица Оренб. к. в. Угольная названа Богуславской.

Съ упраздненіемъ должности временно завѣдывавшій башкирами ст. сов. Плачковскій не пожелалъ остаться на прежнемъ мѣстѣ чиновника особыхъ порученій 5-го класса при генералъ губернаторѣ, а перешелъ въ Кіевъ къ Безаку, переведенному туда генералъ-губернаторомъ, а впослѣдствіи былъ Подольскимъ вице-губернаторомъ, пріобрѣлъ на льготныхъ правахъ конфискованное польское имѣніе съ доходомъ въ 3 т. руб. и со смертью Безака оставилъ вовсе службу.

Начальникомъ штаба у Безака былъ генералъ-маіоръ Данзасъ, переведенный на эту должность при Катенинѣ съ мѣста начальника Туркестанской линіи; онъ не поладилъ съ Безакомъ и вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ въ главномъ военномъ судѣ и умеръ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи. Послѣ Данзаса исправляющимъ должность начальника штаба былъ полковникъ Черняевъ, но и онъ не сошелся съ Безакомъ и вскорѣ уѣхалъ изъ Оренбурга.

Безакъ, недовольный офицерами генеральнаго штаба, которые желали быть самостоятельными и не сходились съ нимъ во взглядахъ, избралъ на должность начальника своего штаба начальника инженеровъ Оренбургскаго округа генерала Левенгофа, которому и передалъ

во временное управленіе округъ и казачьи войска по отъѣздѣ въ С.-Петербургъ.

Отъѣздъ его состоялся въ январѣ 1865 г. Предъ выѣздомъ Безакъ далъ у себя большой балъ, на который было приглашено все оренбургское общество, чиновное и на общественной службѣ состоявшее; веселились, т. е. плясали, долго, а потомъ ужинали, но ужинъ былъ не въ опредѣленный часъ, а соображаясь съ тѣмъ, когда по счету ушедшихъ гостей, на остальное число хватило приготовленныхъ блюдъ.

При Безакѣ совершилась крестьянская реформа. Въ предѣлахъ настоящей Оренбургской губерніи число помѣщичьихъ крестьянъ не превышало 6 т. душъ, но много было горнозаводскихъ, число которыхъ простиралось до 20 т. душъ. Крѣпостные помѣщичьи крестьяне находились болѣе въ Оренбургскомъ уѣздѣ, въ небольшомъ числѣ въ Троицкомъ и Челябинскомъ.

Объявленіе манифеста было сдѣлано быстро и безпорядковъ нигдѣ не произошло. Уставныя грамоты составлены были безъ особенныхъ затрудненій и тотчасъ же начался выкупъ по соглашенію съ крестьянами. Въ одномъ имѣніи графа Нессельроде крестьяне отказались отъ выкупа и получили сиротскій надѣлъ по $1^1/_2$ десятины на душу.

Обиліе башкирскихъ земель, окружавшихъ помѣщичьи имѣнія, порождало и въ другихъ мѣстахъ отказы, но такому желанію не давали развиваться. Мировые посредники, въ особенности Николай Станиславовичъ Ціолковскій, умѣли уговаривать крестьянъ подписывать уставныя грамоты и выкупные договоры въ надеждѣ, что баринъ ихъ (А. В. Тимашевъ), какъ богатый помѣщикъ, подаритъ имъ усадьбы. Мужички согласились. Когда пріѣхалъ въ имѣніе самъ владѣлецъ, старики, прощаясь

съ нимъ при его отъѣздѣ въ Казань временнымъ генералъ—губернаторомъ, подошли и попросили дать имъ усадьбы. Тимашевъ дружески потрепалъ по плечу нѣкоторыхъ изъ нихъ, сказалъ, что хорошъ и славенъ онъ былъ своими крестьянами, а когда послѣднихъ освободили, онъ сталъ другой человѣкъ. Сказавъ это, Тимашевъ сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, а крестьянамъ пришлось платить въ казну за полевыя угодья и помѣщику за усадьбы. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на другихъ крестьянъ. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ большинство перешло на выкупъ и платежъ за усадьбы, на издѣльной повинности остались имѣнія въ сѣверной части уѣзда: Бондаревскаго, Дурасова и Дашкова. Послѣдняго село Богульчанъ на столько было упорно, что мѣстный помѣщикъ Лихошерстовъ—мировой посредникъ—ничего не могъ съ крестьянами подѣлать: въ 1865 г. Богульчанъ передали въ Уфимскую губернію, гдѣ ихъ привелъ въ покорность извѣстный крестьянскій дѣятель—посредникъ Бухвостовъ.

Въ Троицкомъ уѣздѣ былъ такой случай: крестьяне помѣщика Епанешникова въ числѣ 40 душъ даже отказались принять даромъ отъ помѣщика надѣлъ изъ опасенія снова попасть подъ его власть и согласіе ихъ послѣдовало много позже. Въ томъ же уѣздѣ крестьяне графа Мордвинова до 700 душъ, получившіе по 5 дес. на душу, при переводѣ ихъ на выкупъ заявили протестъ противъ уменьшеннаго имъ отвода земли, указывая, что состоя помѣщичьими, пользовались всею землею—до 15 т. дес., а хотя помѣщикъ предъ изданіемъ новаго закона обязывалъ ихъ пользоваться 5 дес. на душу, но распоряженіе не было исполнено и все оставалось на прежнемъ положеніи. Кончилось дѣло въ новомъ составѣ губерніи отказомъ графу Мордвинову въ обязательномъ выкупѣ, а

крестьянамъ данъ даровой надѣлъ въ 1 1/4 дес. Добавлю къ этому, что и въ Оренбургскомъ уѣздѣ при изобиліи у помѣщиковъ земли и по отсутствію лицъ для арендованія, крестьяне не были стѣснены въ пользованіи землею: сѣяли и косили, гдѣ желалъ каждый, пользовались лѣсомъ на домашнія нужды даромъ и неограниченно, а валежникъ собирали и возили на продажу въ Оренбургъ. Въ силу изданнаго крестьянскаго положенія они имѣли право на высшій надѣлъ противъ 5, 6 и 7 дес., назначеннаго положеніемъ для Оренбургскаго уѣзда, но законъ этотъ не примѣнялся здѣсь и крестьяне едва ли знали о существованіи его; помѣщикамъ же изъ мѣстныхъ дворянъ не было интереса въ этомъ отношеніи дѣйствовать противъ своихъ собратьевъ.

Въ иномъ положеніи оказались крестьяне частновладѣльческихъ заводовъ; за прекращеніемъ дѣйствія послѣднихъ они остались безъ средствъ къ существованію, ибо земля, на которой они жили, гористая и лѣсная, къ хлѣбопашеству неудобная. Тутъ было много хлопотъ. Одни изъ нихъ ушли на казенныя земли, другіе на временно арендованныя у башкиръ и у казаковъ Оренбургскаго войска, какъ ихъ работники, получая вмѣсто денегъ плату землею, на которой сѣяли хлѣбъ и перевозили въ свои дома; третьи бродяжничали, переселяясь съ мѣста на мѣсто, и наконецъ возвращались въ заводы, гдѣ имъ давали усадьбы.

Разскажу одинъ случай пониманія заводскими крестьянами своихъ правъ.

Въ Преображенскій заводъ пріѣхалъ гражданскій губернаторъ Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ, переговорилъ съ народомъ, сказавъ, что онъ губернаторъ, и уѣхалъ съ

однимъ тоже гражданскимъ чиновникомъ. Послѣ его отъѣзда крестьяне начали расуждать о томъ, что имъ говорилъ губернаторъ. Бывшій между крестьянами отставной солдатъ увѣрилъ ихъ, что это былъ или писарь, или такой же отставной солдатъ. «Губернаторы ѣздятъ съ адъютантами», говорилъ онъ: «и со свитою изъ чиновниковъ, а это что за губернаторъ: *никого даже не обругалъ.»!*. Послѣ крестьяне увѣряли, что губернаторъ у нихъ не былъ и они его не видали.

Въ управленіе Безака развилось народное образованіе въ Оренбургѣ. Кромѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, гдѣ воспитывались молодые люди всѣхъ сословій для военныхъ цѣлей, существовали въ городѣ одно уѣздное и два приходскихъ училища. Населеніе же города, безъ казачьяго форштадта, достигало 25 т. душъ и эти 3 школы съ ихъ ограниченнымъ курсомъ далеко не удовлетворяли потребности въ обученіи, особенно начальномъ. Пособіемъ служили частныя школы, въ которыхъ учили читать и писать по русски и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики; но и открытіе такихъ школъ было затрудняемо существовавшими формальностями: нужно было разрѣшеніе директора училищъ, жившаго въ Уфѣ, а отъ учителя аттестатъ въ основательномъ знаніи и въ умѣньи преподавать ученикамъ грамоту и письмо. При такихъ требованіяхъ формально открытыхъ школъ не было, а существовали негласныя на небольшое число мальчиковъ. Нужда въ ученіи была общая и всѣми сознаваемая.

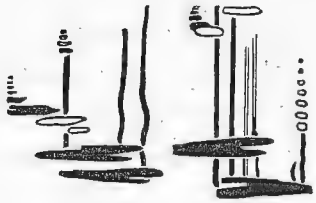
Въ Оренбургѣ съ вѣдома генералъ-губернатора составилось общество частныхъ лицъ съ цѣлью насадить здѣсь школы грамотности. На пожертвованныя средства открыты были школы по участкамъ, всего до 7-ми. Учителями были назначены молодые мужчины и частію

дѣвицы, завѣдомо къ сему способные, а жалованье платилось изъ добровольныхъ пожертвованій населенія: пожертвованія стекались изъ различныхъ источниковъ: взамѣнъ праздничныхъ визитовъ вносились деньги, подписывались по приглашенію прямо на школы, устраивались любительскіе спектакли и лоттереи-аллегри при самой незначительной цѣнѣ за билетъ, общественныя гулянья съ иллюминаціей; изъ всего этого составлялась сумма, достаточная для содержанія участковыхъ школъ. Много помогали въ этомъ дѣлѣ оренбургскія дамы, особенно тѣ, мужья которыхъ занимали выдающіяся должности. Жена управляющаго Оренбургскою таможнею, Любовь Александровна Решко, собрала съ бухарскихъ купцовъ, приходившихъ сюда съ караванами, до 800 руб. сер. Усердіе ея породило ревность въ другихъ дамахъ, которыя никакъ не могли итти параллельно съ Решко и называли ее «мадамъ Монте-Кристо» по имени героя моднаго въ то время французскаго романа. Душою этого общества былъ Василій Павловичъ Долинскій, правитель канцеляріи командующаго башкирскимъ войскомъ, проявившій свою энергію въ открытіи русскихъ школъ у башкиръ; онъ много ратовалъ объ устройствѣ и поддержаніи участковыхъ школъ въ городѣ, доставляя для нихъ порядочныя средства и, несмотря на немолодые годы, игравшій въ театрѣ въ пользу школъ.

Такимъ образомъ, заведенныя участковыя школы впослѣдствіи, съ дарованіемъ городу самоуправленія, были преобразованы въ приходскія училища, существующія и теперь на городскія средства.

Низшее или начальное обученіе много двинулось впередъ, но непосредственно за нимъ слѣдующее среднее отсутствовало. Оренбургское городское купеческое и мѣ-

щанское общество, въ виду полнаго отсутствія учебнаго заведенія для женскаго образованія, открыло одну школу, преобразованную потомъ въ 1868 г. въ женскую прогимназію, которая существуетъ и теперь *).



*) За время управленія Безака слѣдуетъ отмѣтить его проектъ объ обращеніи Оренб. каз. войска въ податное состояніе. Благодаря дружному отпору войсковой администраціи —проектъ этотъ не осуществленъ. Государь, какъ говорятъ, на докладѣ объ упраздненіи войска изволилъ замѣтить: „Довольно уже упразднили стараго, пора обождать, что выйдетъ изъ новаго.“ Прим. С. Н. Севастьянова.

Генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій.

XII.

Н. А. Крыжановскій.

(1864—1881).

Послѣ Безака новымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ его племянникъ, генералъ-адъютантъ Николай Андреевичъ Крыжановскій, служившій въ послѣднее время въ Варшавѣ генералъ губернаторомъ и уволенный отъ должности за упраздненіемъ мѣста.

Пріѣздъ Крыжановскаго былъ весною 1865 г. съ полнымъ составомъ новыхъ, имъ самимъ избранныхъ, лицъ на выдающіяся мѣста. Оренбургскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ былъ полковникъ Бобарыкинъ, служившій у Крыжановскаго прежде адъютантомъ. Управляющимъ областью Оренбургскихъ киргизъ—полковникъ Баллюзекъ, тоже его сослуживецъ. Въ Уральскъ былъ посланъ наказнымъ атаманомъ полковникъ Веревкинъ, выписанный сюда еще Безакомъ и исполнявшій при немъ должность чиновника особыхъ порученій. Личными адъютантами были Данауровъ и Кашкинъ (второй родной

братъ жены Бобарыкина, а первый своякъ зятя Крыжановскаго Леонтьева, тоже перешедшаго сюда на службу).

При въѣздѣ Крыжановскій показалъ строгость къ подчиненнымъ увольненіемъ личнаго адъютанта Безака, ротмистра Левшина, остававшагося въ Оренбургѣ съ надеждою получить то же мѣсто при Крыжановскомъ. Вина Левшина заключалась въ томъ, что онъ выѣхалъ верхомъ для встрѣчи своего начальника не въ полной парадной формѣ. Крыжановскій сдѣлалъ ему замѣчаніе, приказавъ убираться изъ города.

При пріемѣ всѣхъ должностныхъ лицъ подвѣдомственныхъ генералъ-губернатору учрежденій Крыжановскій произнесъ рѣчь о предстоящей всѣмъ дѣятельности и требовалъ отъ чиновниковъ полнаго усердія къ службѣ и трудовъ на общую пользу.

Оставшихся отъ Безака чиновниковъ 8-го класса Оголина и Плачковскаго попросилъ оставить службу, сказавъ, что на этихъ мѣстахъ обыкновенно служатъ лица, близко извѣстныя начальнику, и такихъ онъ имѣетъ въ виду.

Вскорѣ по пріѣздѣ Крыжановскаго была открыта новая Оренбургская губернія со всѣми губернскими учрежденіями. Первымъ было открыто губернское правленіе, потомъ казенная палата и послѣднею судебная палата.

При открытіи губернскаго правленія было торжественное богослуженіе въ присутствіи Крыжановскаго. Послѣ молебна прочитанъ былъ высочайшій указъ объ открытіи губерніи и затѣмъ состоялся скромный завтракъ у губернатора Бобарыкина на 40 человѣкъ; выпили шампанскаго и актъ формальнаго открытія губерніи состоялся.

Вице-губернаторомъ назначенъ былъ надворный со-

вѣтникъ Василій Разумниковичъ Жуковскій, служившій мировымъ посредникомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него было имѣніе. Совѣтниками были: подполковникъ Оренбургскаго казачьяго войска Агаповъ Василій Васильевичъ — бывшій дежурный штабъ офицеръ, Давыдовъ — изъ совѣтниковъ упраздненнаго башкирскаго управленія, Головковъ изъ сенатскихъ секретарей, пробывшій въ должности не болѣе двухъ лѣтъ и уѣхавшій въ С.-Петербургъ. Ассесоромъ Похвистневъ изъ петербургскихъ; потомъ онъ былъ совѣтникомъ и кончилъ свою карьеру печально: изъ-за пустой ссоры съ однимъ акцизнымъ чиновникомъ дрался на дуэли, получилъ рану, отъ которой и умеръ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что о дуэли его всѣ знали въ городѣ, но покойный прислалъ въ губернское правленіе рапортъ о болѣзни, чѣмъ формалисты были вполнѣ удовлетворены.

Похвистневъ говорилъ мнѣ, что былъ богатымъ помѣщикомъ Смоленской губерніи, почти нигдѣ не служилъ, взялъ подрядъ по постройкѣ шоссе, передалъ его другимъ за своимъ залогомъ, уѣхалъ въ Ниццу и жилъ тамъ спокойно; когда же возвратился домой, то нашелъ имѣніе конфискованнымъ, а потомъ проданнымъ.

Первымъ прокуроромъ былъ Логиновъ, онъ скоро уѣхалъ изъ Оренбурга служить въ сенатъ, гдѣ ему дали должность оберъ-секретаря; на этой должности онъ сошелъ съ ума и умеръ.

Послѣднимъ изъ губернскихъ учрежденій было открыто губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Предсѣдателемъ былъ губернаторъ Бобарыкинъ, а членами — Оренбургскій уѣздный предводитель дворянства Виталій Станиславовичъ Ціолковскій, управляющій казенною палатою Александръ Ефимовичъ Ворошиловъ, губернскій прокуроръ Логиновъ и я, какъ землевладѣлецъ-дворянинъ.

Одновременно съ открытіемъ новой Оренбургской губерніи генералъ Крыжановскій занимался и другимъ дѣломъ, имѣвшимъ важное государственное значеніе—это движеніе внутрь Средней Азіи и покореніе самостоятельныхъ ханствъ Хивы, Бухары и Кокана, куда скрывались и жили спокойно враждебно настроенные къ русскому владычеству киргизскіе батыри. Они собирали тамъ вооруженныя шайки, грабили нашихъ киргизовъ подъ предлогомъ собиранія дани для хановъ.

Крыжановскій наслѣдовалъ приготовленное предшественниками его военное дѣло. Мѣстныя войска во главѣ съ Черняевымъ взяли Ташкентъ вопреки даннаго изъ Петербурга воспрещенія брать этотъ городъ, вотъ почему въ началѣ Ташкентъ, занятый уже русскими, оффиціально не признавался принадлежащимъ Россіи, но послѣ дѣло вышло въ свою колею.

Бухарскій эмиръ, опасаясь за свои владѣнія, началъ войну съ русскими. Крыжановскій отправился въ Ташкентъ, взялъ у бухарцевъ, не разъ разбитыхъ нашими войсками, нѣсколько крѣпостей и дошелъ до р. Чирчика, на которой стоитъ Бухара, столичный городъ ханства, возвратился съ военными трофеями, отнятыми у бухарцевъ, и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени-высшая военная награда, достигаемая на боевой службѣ.

Для участія въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ пріѣзжали изъ Петербурга лица, жаждавшія военныхъ отличій и желавшія составить военную карьеру. Достаточно назвать гвардіи ротмистра, а потомъ министра Двора, графа Воронцова-Дашкова и князя Барятинскаго. Первый съ сотнею Оренбургскихъ казаковъ разбилъ сильный отрядъ бухарцевъ, отбилъ у нихъ 40 т. барановъ. За это дѣло Воронцовъ-Дашковъ получилъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ и мечами и пріобрѣлъ славу героя. Послѣ говорили,

что никакого бухарскаго отряда въ данномъ случаѣ не было, а были безоружные киргизы пастухи, которые гнали барановъ на продажу въ бухару къ празднику Курбанъ — Байрама.

Кромѣ военныхъ дѣйствій въ ханствахъ таковыя были и въ киргизской степи въ видѣ небольшихъ стычекъ съ хивинцами, которые усиленно и всѣми мѣрами старались вредить русскимъ, особенно когда двигались изъ Оренбурга въ Ташкентъ военные транспорты съ необходимыми принадлежностями для вновь занятаго края, въ которомъ въ первое время ничего не было, а все доставлялись изъ Оренбурга Для этой цѣли были устроены небольшіе военные этапы съ небольшимъ числомъ казаковъ. Киргизы и хивинцы громадными толпами нападали на такіе пункты, иногда удавалось имъ громить ихъ и брать въ плѣнъ казаковъ, которыхъ потомъ продавали въ Хиву, откуда они были возвращены по взятіи этого города.

Такія дѣла и успѣхи въ нихъ выдвинули генерала Крыжановскаго изъ среды сверстниковъ, остававшихся въ Петербургѣ. Всѣ его проекты проходили и утверждались безъ особыхъ затрудненій. Къ числу такихъ проектовъ, между прочимъ, относился проектъ раздачи казенныхъ участковъ частнымъ лицамъ на льготныхъ правахъ и за уменьшенную плату для увеличенія здѣсь дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ необходимаго элемента для предполагавшихся земскихъ учрежденій. Этотъ проектъ, получившій высочайшее утвержденіе, погубилъ Крыжановскаго, и онъ палъ съ большимъ позоромъ.

При ходатайствѣ о раздачѣ на льготныхъ условіяхъ земельныхъ участковъ чиновникамъ разумѣлись не одни служившіе въ Оренбургскомъ краѣ лица, но вообще всѣ

служащіе въ имперіи по военному и гражданскому вѣдомствамъ.

На этой удачно придуманной основѣ проектъ въ С.-Петербургѣ прошелъ безъ зацѣпки, такъ какъ нашлось много лицъ, сочувствовавшихъ такой мѣрѣ, между высокопоставленными чиновниками, которые потомъ и получили за безцѣнокъ лучшія земли.

Казенные участки, предназначенные въ раздачу, находились исключительно въ Оренбургской губерніи. Въ Оренбургскомъ уѣздѣ они были всѣ истощенные, пригодные только для пастбищъ скота, а потому малоцѣнные (отъ 1 до 10 коп. за десятину). Поступивъ въ частную собственность, они подчинялись общему закону о платежѣ земскихъ повинностей и государственному налогу, одинаковому здѣсь для всѣхъ земель. Раздавъ ихъ, казна мало потеряла вслѣдствіе ихъ низкаго качества.

Въ Челябинскомъ уѣздѣ, при густотѣ населенія и лучшему вообще плодородію, участки были цѣннѣе, и сколько я помню, ниже 20 коп. за десятину арендной платы не существовало.

Въ Уфимской губерніи малоцѣнныхъ казенныхъ участковъ почти и не было и едва ли ихъ тамъ раздавали чиновникамъ, но ихъ замѣнили запасныя башкирскія земли, излишнія для припущенниковъ. При выдѣленіи ихъ соблюдалась особая система для возвышенія ихъ цѣнности. Припущенникамъ при надѣлѣ въ число установленной пропорціи нарѣзывали земли при мѣстѣ ихъ жительства, а въ запасъ избиралось все количество подлежащей съ волости земли и отрѣзывалось чрезполосно одною площадью, въ составъ которой входили лѣсъ, луга и пахатная земля. Потомъ раздѣляли на мелкія части и раздавали. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ жилыхъ

мѣстъ запасныя земли считались малоцѣнными, но это было не вѣрно, такъ какъ переселявшіеся изъ внутренней Россіи въ Уфимскую губернію крестьяне предпочитали такую землю и платили за нее дорого. Тѣ, кому достались эти участки, воспользовались крупнымъ вознагражденіемъ, выходящимъ по размѣрамъ изъ ряда обыкновенныхъ служебныхъ наградъ, если считать дачу земли наградой чиновникамъ за ихъ службу.

Раздача земель началась съ Оренбургскаго уѣзда, а потомъ пошла послѣдовательно, по мѣрѣ образованія свободныхъ участковъ.

Предпочтеніе однихъ чиновниковъ другимъ, болѣе бѣднымъ и семейнымъ, породило зависть и злобу; въ газетахъ появились рѣзкія статьи противъ этой мѣры искусственнаго насажденія помѣщиковъ, въ число которыхъ попадали только близко стоявшіе къ генералъ губернатору. По его назначенію получили участки его сыновья, зятья и другіе родственники; затѣмъ тѣ, кто ближе были къ послѣднимъ. Получили участки изъ петербургскихъ директоры департаментовъ и чиновники сихъ учрежденій, военные генералы, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, начальники отдѣленій генералъ-губернаторской канцеляріи и вообще всѣ служившіе въ ней, адъютанты генералъ-губернатора, чиновники особыхъ порученій, даже не былъ забытъ мажордомъ Крыжановскаго, казачій чиновникъ Мурзиковъ, и лютеранскій органистъ Егоръ Ивановичъ Грибель. Послѣдняго признали справедливымъ сдѣлать землевладѣльцемъ въ надеждѣ, что онъ заведетъ культурное хозяйство и будетъ полезенъ другимъ; но онъ, какъ и большая часть другихъ, продержавъ участокъ нѣсколько времени, продалъ за тройную цѣну противъ той, какую самъ заплатилъ.

Крыжановскій, раздавая земли другимъ, не забылъ

и себя. Такъ какъ было неудобно генералъ-губернатору брать землю на льготныхъ условіяхъ, то устроили такъ, что Крыжановскаго, Кауфмана (Туркестанскаго) и Непокойчицкаго пожаловали землею за ихъ особыя заслуги по 6 т. десятинъ каждому. Крыжановскій взялъ себѣ самую лучшую въ краѣ корабельную рощу на судоходной рѣкѣ Камѣ, стоимостью отъ 300 до 500 т. руб. Тамъ онъ выстроилъ на казенныя деньги дачу и два лѣта жилъ въ ней, а для докладовъ чиновники ѣздили къ нему изъ Оренбурга

Дѣло раздачи земель Крыжановскій, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, установилъ нижеслѣдующимъ образомъ. Вмѣсто одного общаго представленія, каковое въ силу изданнаго о семъ закона должно исходить отъ генералъ-губернатора, послѣдній будетъ представлять только на одну треть предназначенныхъ участковъ, а на остальныя двѣ трети министръ государственныхъ имуществъ назначитъ изъ лицъ, служащихъ внѣ края, не входя въ предварительное соглашеніе съ Крыжановскимъ. Такое соглашеніе имѣло мѣсто до послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія пріостановить раздачу земель на льготныхъ правахъ.

Бывшіе военные припущенники, лишась своихъ угодій, которыми они владѣли со времени поселенія, и видя отдачу земель чиновникамъ, сильно ожесточились и всѣми способами мстили послѣднимъ, поджигая заведенные ими хутора, посѣянный и собранный съ полей хлѣбъ, всюду приносили жалобы на лишеніе ихъ необходимыхъ земель.

Для собранія вѣрныхъ на мѣстѣ свѣдѣній былъ командированъ въ 1879 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйст. ст. сов. Ситниковъ, служившій прежде въ канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора. О резуль-

татахъ этой командировки я хорошо не знаю, но розданныя на льготныхъ условіяхъ земли остались во владѣніи тѣхъ, кому были даны, и въ большинствѣ впослѣдствіи проданы крестьянамъ за высшую цѣну.

Раздача земель на льготныхъ условіяхъ недостаточно была соображена съ общимъ экономическимъ положеніемъ. На доходъ отъ 300 и 800 дес. невозможно было вести жизнь интеллигенту съ семействомъ *). Получивъ такой даръ, онъ не останется на самой землѣ, не устроитъ себѣ и потомству своему гнѣзда, а непремѣнно силою обстоятельствъ переѣдетъ въ городъ искать службы и доходныхъ занятій; земля въ лучшемъ случаѣ останется придаткомъ къ его содержанію, но вѣрнѣе будетъ продана, — что и случилось. Поэтому для такой проблеммы не слѣдовало бы отбирать земли у поселянъ припущенниковъ, которые въ Уфимской губерніи, получивъ надѣлъ въ размѣрѣ крестьянскаго положенія 1861 г., прямо были обобраны въ пользу совершенно постороннихъ лицъ.

Припущенники селились въ Башкиріи и платили за земли деньги, причемъ переносили много обидъ отъ владѣльцевъ башкиръ, которые при каждомъ удобномъ случаѣ обирали ихъ. При раздачѣ участковъ припущенники лишились всего.

Мысль о раздачѣ земельныхъ участковъ чиновникамъ возникла не по иниціативѣ Крыжановскаго. Мѣра эта за нѣсколько лѣтъ была примѣняема въ Западной Сибири, съ тою разницею, что тамъ казенныя земли, раздѣленныя на мелкіе участки, продавались чиновникамъ съ торговъ, но и тамъ эта мѣра не принесла ожидаемой пользы.

Генералъ Безакъ по примѣру Сибири, предполагалъ

*) Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду прежнюю дешевизну земли и аренды. Прим. С. Н. Севастьянова.

допустить продажу казенныхъ оброчныхъ участковъ въ Оренбургской губерніи, но не успѣлъ осуществить эту мѣру, а оставилъ приведеніе ея въ исполненіе своему преемнику Крыжановскому. Послѣдній къ ходатайству объ этомъ какъ-бы вынуждался общимъ направленіемъ нашей прессы, трубившей, что казенная земля, заключавшаяся въ оброчныхъ участкахъ, мало приноситъ дохода. Для возвышенія послѣдняго и вообще въ интересахъ хозяйственныхъ будетъ полезно продать такія земли частнымъ лицамъ, которыя будутъ платить земельный налогъ, а полученныя деньги пойдутъ на усиленіе государственныхъ рессурсовъ.

Къ тому же въ Оренбургской губерніи была раздача земель небольшими участками для заведенія хуторовъ *),

---

*) Въ дѣлахъ войскового архива Оренб. каз. в. (Опись дѣлъ Войскового архива 1790—1800 г. № 120 за 1799 годъ. «Объ истребованіи свѣдѣній отъ поручика Авдѣева (Никиты) на заведеніе хутора и земель подъ онымъ») есть указанія, что еще при Неплюевѣ какъ для регулярныхъ, такъ и для казачьихъ чиновъ, по ихъ просьбамъ отводились земли для хуторовъ въ вѣчное владѣніе. Въ виду важнаго значенія этого указанія для исторіи Оренб. края приводимъ выдержки изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи отъ 10 іюля 1757 года: «по справкѣ въ губ. канц. оказалось: 7 и 22 іюля 1746 года поданными прошеніями сотникъ Алексѣй Петровичъ Авдѣевъ (который нынѣ умеръ), хорунжій Алексѣй Мих. Могутовъ, дворянинъ, и казакъ Михаилъ Іевлевъ объявили, что они по указу Ея Императорскаго Величества на фундаментальное поселеніе переведены въ Оренбургъ, имѣютъ дома и удобные хутора за Сакмарою рѣкою, за покосами Пензенскаго полку по ту сторону Тулупова Ерика, на низъ отъ дачъ атамана Шилова и ротмистра Пастухова, и просили отвести тутъ землю. 26 го іюля данъ указъ находящемуся при геодезическихъ дѣлахъ прапорщику геодезіи Ар—ну съѣздить и отвести просимыя земли. Сотнику Авдѣеву—яко старшему 50, а прочимъ по 25

которые и теперь существуютъ. Караваевская дача образовалась изъ нѣсколькихъ такихъ участковъ *). Имѣлось въ виду создать побольше такихъ хуторовъ и землю получали тѣ изъ чиновниковъ, которые имѣли желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Тѣ участки, которые раздавались подъ хутора, нарѣзывались съ лучшими угодьями: съ хорошею проточною водою, лѣсомъ, лугами и пахотною землею.

---

*) Караваевская дача теперь составляетъ собственность города, который купилъ ее за сравнительно небольшую цѣну. Находится она къ сѣверу отъ города въ 7 верстахъ.

Прим. И. С. Шукшинцева.

десятинъ изъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ отведены атаману Шилову и ротмистру Пастухову. 13 марта 1743 года, по опредѣленію тайнаго совѣтника Неплюева, обще съ генералъ-маіоромъ и Сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ донесено, что нѣкоторые штабъ и оберъ офицеры, въ здѣшнихъ мѣстахъ служащіе, просятъ изъ порожнихъ мѣстъ отвести земель для поселенія деревень и къ содержанію своему въ службѣ Ея Императорскаго Величества дачи, что штатскіе чины просили, а такъ какъ свободныхъ земель съ обѣихъ сторонъ, т. е. внутри Оренбургской и Сибирской линіи, довольно и *давать, со взятіемъ пошлинъ по указамъ не токмо не противно, но и полезно, ибо черезъ такія дачи пустыя мѣста заселятся и служащіе люди свое удовольствіе возъимѣютъ*, то и прошено у Правительствующаго Сената на то разсмотрѣнія и опредѣленія, на каковое по указу Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената 8 августа 1743 года, между прочимъ, въ 8 пунктѣ велѣно: „отводить въ дачное владѣніе, но съ крайнимъ осмотрѣніемъ по пропорціи. Буде же явится, что для казны надобныя земли раздадутся, то тѣ люди, кто на поселеніе оныхъ коштъ свой употребитъ, напрасной убытокъ безъ всегдашней заплаты понести будутъ принуждены». Согласно сего указа Прав. Сената мѣста были отведены атаману Шилову и ротмистру Пастухову (кои по отставкѣ отселѣ выбыли)

Заведенная Крыжановскимъ раздача участковъ потерпѣла крушеніе, можетъ быть, болѣе и потому, что въ сферу дѣйствія были включены и запасныя башкирскія земли.

Въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, вызванную болѣе безпорядками въ распродажѣ башкирами своихъ

и переданы сотникамъ Михаилу Харитонову, Ивану Дьяконову и Алексѣю Углецкому, коимъ изъ Оренбургской губернской канцеляріи 12 янв. 1749 года и владѣнный указъ данъ со взятіемъ четвертныхъ пошлинъ. Челобитчикамъ Могутову съ товарищи по ихъ службѣ и доброму состоянію, яко первымъ къ произвожденію поселянъ охотникамъ, а паче, что они себя къ здѣшнему поселенію показываютъ радѣтельными, означеннаго прошенія и для здѣшняго мѣста столь сходнаго и потребнаго намѣренія отказать не разсуждается, дабы и другіе, а паче ихъ братья-казаки, переведенные сюда, видя учиненное имъ удовольствіе, къ таковому же потребному дѣлу возъимѣли охоту... Токмо сіе чтобы навсе, въ чертежѣ отказанное, имъ, Іевлеву съ товарищи, отдать, яко тутъ занята скряжность не малая, къ тому жъ они, и въ Самарѣ живучи, хуторы свои имѣли, да и въ писцовомъ Наказѣ193 (1685 г.), 194 (1686 г.) г., изданномъ въ указныя статьи, давать по 63 пункту положено: боярамъ по 1000 четвертей, окольничимъ по 800, стряпчимъ 400, казначею по 600, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ по 300, генералъ-полковникамъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ по чинамъ; а по 48 ст. того же писцоваго Наказа помѣщикамъ и вотчинникамъ въ дикихъ поляхъ подъ усадьбы по 100 четв. по 5 десятинъ, на сѣнокосные покосы по 25 десятинъ, да въ лѣсу лѣсныхъ угодій, а если лѣса нѣтъ, по 20 десятинъ, а всего по 50 десятинъ». Въ виду указанныхъ законоположеній Оренб. Губерн. канцелярія указомъ 10 іюля 1757 г. за № 3659 за подписью Неплюева выдала владѣнный указъ на отводъ въ вѣчное владѣніе сотнику Алексѣю Мих. Могутову, хорунжему Мих. Алексѣевичу Авдѣеву и казаку Мих. Иван. Іевлеву показанную выше сего землю.

Прим. С. Н. Севастьянова.

земель, Крыжановскій отправился одинъ и увидѣлъ полное неблаговоленіе къ себѣ со стороны высшихъ лицъ. Къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу ѣздилъ онъ два или три раза и не былъ приглашенъ ни на одинъ обѣдъ или вечеръ; съ воцареніемъ его въ Петербургъ вызывались всѣ генералъ-губернаторы, за исключеніемъ Крыжановскаго. Положеніе послѣдняго было на столько тяжело, что онъ самъ просилъ поручить сенатору Ковалевскому, бывшему на ревизіи въ Казанской губерніи, обревизовать находившіяся подъ его управленіемъ губерніи. Слѣдствіемъ этой ревизіи было закрытіе Оренбургскаго генералъ-губернаторства 12 іюля 1881 года.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай говорить съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ и спросилъ его о причинѣ гоненія на Крыжановскаго, когда раздача участковъ была допущена съ высочайшаго соизволенія и съ таковаго же разрѣшенія раздавались участки тѣмъ, кому были назначены. Тимашевъ сказалъ, что ходатайствомъ о такой мѣрѣ Крыжановскій обманулъ Императора Александра II, а изъ служившихъ въ Оренбургѣ никто не донесъ объ обманѣ. Поэтому-то проектъ и прошелъ такъ гладко.

Во время генералъ-губернаторства Крыжановскаго совершился второй хивинскій походъ въ 1873 г. Въ составъ дѣйствующаго отряда войска выступали изъ четырехъ пунктовъ. Изъ Туркестантскаго военнаго округа прямо на Хиву черезъ Голодную степь; изъ Кавказскаго округа одинъ отрядъ изъ Баку черезъ Красноводскъ, другой изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія; съ Оренбургской линіи изъ городовъ Орска, Уральска и Оренбурга три эшелона. Послѣдніе, соединившись въ одномъ пунктѣ, поступили подъ начальство наказнаго атамана Уральскаго войска генерала Веревкина.

Оренбургскій отрядъ состоялъ изъ двухъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, 4-хъ сотенъ Оренбургскихъ и 2-хъ сотенъ Уральскихъ казаковъ, одной конно-артиллерійской батареи Оренбургскаго войска и нѣсколькихъ орудій пѣшей крѣпостной артиллеріи. Войска направились къ Аральскому морю, дошли благополучно и взяли Хиву до прибытія Ташкентцевъ и Кавказцевъ.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, главнокомандующій всѣми войсками, встрѣтилъ неимовѣрныя трудности при переходѣ песковъ Голодной степи; главную бѣду составлялъ недостатокъ воды, которую привозили летучіе отряды казаковъ изъ колодцевъ, лежавшихъ далеко въ сторонѣ отъ намѣченнаго пути. Едва не погибши, отрядъ достигъ наконецъ Аму-Дарьи, гдѣ его встрѣтилъ хивинскій ханъ. На вопросъ Кауфмана, почему хивинцы не выслали войска для защиты себя, ханъ отвѣтилъ, что русскихъ ждали съ другой стороны, гдѣ и было собрано хивинское войско, а по тому пути, по которому пришелъ отрядъ, не ожидали, потому что дорога эта непроходима и носитъ названіе «смерть человѣку», и что только одинъ дуракъ, добавилъ ханъ, могъ дать совѣтъ итти этою дорогою военному отряду. Дуракъ этотъ былъ тутъ-же, въ свитѣ Кауфмана: полковникъ генеральнаго штаба баронъ Аманъ. Объ этомъ мнѣ говорили наши казачьи офицеры, бывшіе въ отрядѣ Кауфмана.

Туркестанскія войска, со включеніемъ оренбургскаго отряда, церемоніальнымъ маршемъ вошли въ Хиву. Кауфманъ не велѣлъ Веревкину открывать военныхъ дѣйствій и на вопросъ, по чему онъ не исполнилъ приказанія и взялъ городъ до прибытія его, Веревкинъ отвѣтилъ, что Хива была взята до полученія приказа главнокомандующаго. Потомъ Кауфманъ соединенными силами всѣхъ трехъ отрядовъ одержалъ рѣшительную и славную побѣду надъ

туркменами. Туркмены по приглашенію хивинцевъ въ огромныхъ силахъ собрались въ окрестностяхъ Хивы. Кауфманъ, узнавъ объ этомъ, повелъ войска противъ нихъ. Ночью, когда русскіе расположились спать, туркмены съ разныхъ сторонъ напали на нихъ. Положеніе было критическое: русскій отрядъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ довольно широкаго и глубокаго арыка, черезъ который вели два ветхихъ мостика, не могъ быстро соединиться. Туркмены въ разныхъ пунктахъ прорвались въ интервалахъ отряда и смѣшались съ нашими. Въ темнотѣ и незнакомой мѣстности произошла страшная рѣзня, однакожъ русскіе взяли верхъ. На другой день казаки преслѣдовали и уничтожали мелкіе отряды туркменъ, которые послѣ этой побѣды изъявили покорность.

Третій отрядъ изъ Красноводска вышелъ подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Наркозова въ составѣ пѣхоты, артиллеріи и казаковъ, и направился прямо на Хиву. Отряду этому предстоялъ самый короткій путь, но итти пришлось безводною степью, по мало обслѣдованной мѣстности. Жгучіе жары, отсутствіе воды доводили до изнеможенія солдатъ, которые падали на ходу. Для одушевленія ихъ полковникъ Наркозовъ надѣвалъ на себя ранецъ и шелъ съ ружьемъ, какъ простой солдатъ; но и это не помогало, явилась полная деморализація: нижніе чины отказывались отъ повиновенія офицерамъ и возвращались назадъ. Наркозовъ возвратился въ Красноводскъ, не достигнувъ своего назначенія, а какъ послѣ оказалось, колодцы Игды съ водою были въ двухъ дняхъ пути отъ отряда; дойди до нихъ послѣдній,—и онъ ранѣе другихъ пришелъ бы къ Хивѣ.

Въ отрядѣ Наркозова находился флигель-адъютантъ поручикъ Милютинъ (сынъ военнаго министра). По возвращеніи отряда въ Красноводскъ, онъ на почтовыхъ лоша-

дяхъ и кружнымъ путемъ доѣхалъ до отряда Кауфмана и участвовалъ въ бою съ туркменами.

Съ высочайшаго соизволенія въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, былъ великій князь Николай Константиновичъ и принцъ Евгеній Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій. Первый былъ съ Уральскими казаками, а второй съ Оренбургскими. По возвращеніи въ Оренбургъ, великій князь былъ зачисленъ въ Оренбургское казачье войско, гдѣ и состоялъ до самой кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1901 года.

Въ этомъ походѣ также интересна другая его сторона —сформированіе отряда. Главная сила послѣдняго основывалась на транспортированіи военныхъ принадлежностей и обоза въ степи по пескамъ съ малымъ количествомъ воды, а иногда совершенно безводнымъ. Единственное животное, вполнѣ пригодное къ этому и надежное, верблюдъ. Стада ихъ находились болѣе у киргизъ Оренбургскаго вѣдомства, а потому наемъ всего нужнаго количества ихъ возложенъ былъ на Крыжановскаго. Онъ вызывался для этого въ Петербургъ и тамъ рѣшено было отдать поставку верблюдовъ купцамъ, которые должны были отъ себя нанимать или покупать животныхъ у киргизъ за плату по соглашенію. Торги производились въ присутствіи Крыжановскаго; болѣе, сильные по капиталу Оренбургскіе купцы участвовали на торгахъ и выпросили извѣстныя цѣны. Дѣло пошло въ Петербургъ, откуда нужно было ожидать рѣшенія.

Купецъ Михаилъ Ефимовичъ Мякиньковъ, тоже бывшій на торгахъ, уѣхалъ изъ города на свой хуторъ, а оттуда скрытно отъ другихъ удралъ въ Петербургъ, гдѣ при содѣйствіи Крыжановскаго и исхлопоталъ отдачу поставки съ платою отъ 3 до 5 р. въ сутки за каждаго верблюда, сколько бы ихъ не потребовалось. По пріѣздѣ въ Оренбургъ Мякиньковъ объявилъ, что поставка утвержде-

на за нимъ. Товарищи его удивились, разинули рты, но дѣлать было не чего; впрочемъ, какъ говорилъ онъ мнѣ, по сотнѣ и по двѣ верблюдовъ онъ удѣлилъ товарищамъ, а львиную долю оставилъ себѣ и нажилъ громаднѣйшій капиталъ. Выгода дѣла заключалась въ томъ, что, получая требованіе на извѣстное количество верблюдовъ, онъ поставлялъ меньше и не всегда исправно, а получалъ за все, дѣлясь барышами съ чиновниками интендантскаго вѣдомства; изъ нихъ одинъ былъ подъ судомъ, но оправдался.

Дѣломъ Мякинькова въ юридическомъ отношеніи орудовалъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи Остроумовъ, которому Мякиньковъ обѣщалъ устроить въ Оренбургѣ агентство для торговыхъ цѣлей съ залогомъ отъ себя. Обѣщаніе было исполнено, агентство открыто и существовало нѣсколько времени. Изъ получаемыхъ доходовъ Мякиньковъ ему ничего не далъ, а назначилъ какое то жалованье. Впослѣдствіи Остроумовъ сошелъ съ ума.

Сестра Мякинькова была замужемъ за казачьимъ подполковникомъ Калугинымъ. Скопивъ въ продолженіе своей службы при строгой экономической жизни до 15 т. руб. асс., Калугинъ далъ эти деньги для оборотовъ семьѣ Мякиньковыхъ, дѣла которыхъ немного пошатнулись, а потомъ, желая самъ съ семьею устроиться въ Оренбургѣ и купить домъ, требовалъ возврата денегъ. Мякиньковъ не давалъ, говоря, что ему деньги не нужны, проживетъ и безъ нихъ, а купцу безъ капитала, что рыбѣ безъ воды, смерть! Калугинъ обругалъ его и плюнулъ въ бороду, а тотъ говоритъ: „ничего, оботремъ; плевка твоего никто не увидитъ, а когда денегъ не будетъ, узнаютъ всѣ, и почетъ конченъ.“ Послѣ, надо полагать, Мякиньковъ расчитался съ женою умершаго Калугина, такъ какъ у нея оказался порядочный домъ.

Русскіе въ 1848 г. заняли устье р. Сырь-Дарьи, гдѣ построили Раимское укрѣпленіе. Для сообщенія съ нимъ въ глубинѣ степи въ видѣ этаповъ были основаны два укрѣпленія—Оренбургское на р. Тургаѣ и Уральское на р. Иргизѣ. Въ 1853 г. русскіе заняли Акъ-Мечеть. Транспорты въ эти мѣстности посылались подъ военнымъ прикрытіемъ, а почту возили наемные киргизы. Отправляясь для инспектированія воинскихъ частей, начальствующія лица присоединялись къ транспортамъ и ѣхали болѣе верхомъ, а не въ экипажахъ, такъ какъ у киргизъ не было объѣзженныхъ для упряжи лошадей. Генералъ Катенинъ, осматривавшій укрѣпленія, весь путь совершилъ верхомъ. Возвратившись въ Оренбургъ, онъ испросилъ разрѣшеніе учредить правильное почтовое сообщеніе въ экипажахъ наймомъ для этого киргизъ и подчиненіе станцій казачьимъ урядникамъ. На этомъ основаніи въ 1858 г. было открыто почтовое сообщеніе, которое мало достигало цѣли по недостатку лошадей вслѣдствіе неисправности киргизъ. Недостатокъ правильнаго сообщенія особенно сдѣлался ощутительнымъ съ учрежденіемъ Туркестантскаго генералъ-губернаторства. Кауфманъ находилъ болѣе скорымъ сообщеніе кружнымъ путемъ черезъ Сибирскую линію, гдѣ содержателемъ почтовыхъ станцій и всего тракта былъ купецъ Кузнецовъ, принявшій на свою отвѣтственность исправное содержаніе тракта.

Генералъ Крыжановскій пожелалъ устроить подобный же трактъ отъ Орска до Казалинска. Условіями содержанія тракта были: удобные зимніе и лѣтніе экипажи, исправная упряжь, объѣзженныя лошади, исправное содержаніе станцій, а главное—русскіе ямщики. Состоялись торги, на которыхъ торговавшіеся взяли по нѣсколько станцій въ однѣ руки и заявили, что они желали бы еще разъ состязаться рѣшительно. Крыжановскій объя-

вилъ, что разрѣшеніе этого дѣла не беретъ на себя, а представитъ все торговое производство на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ; на глазахъ заинтересованныхъ лицъ онъ подписалъ бумагу, запечаталъ и передалъ торговавшимся для сдачи на почту. Купцы потирали руки и въ умѣ подсчитывали барыши, но къ общему удивленію отъ министра внутреннихъ дѣлъ получилась бумага утвердить содержаніе всего тракта за Мякиньковымъ за громадную цѣну, что то по 500 р. за пару въ годъ.

Мякиньковъ заказалъ въ Оренбургѣ экипажи, купилъ сбрую и отправилъ съ нанятыми ямщиками, преимущественно татарами. На слѣдующій же годъ отъ проѣзжавшихъ стали поступать во множествѣ жалобы, что станціи содержатся дурно, ямщики не понимаютъ русской рѣчи и большею частью киргизы, лошади худы, возятъ плохо или отчаянно носятъ, будучи взяты изъ киргизскихъ необъѣзженныхъ. Оказалось, что Мякиньковъ ничего не исполнилъ изъ поставленныхъ условій, а только получалъ за содержаніе Орско-Казалинскаго тракта до 50 т. руб. въ годъ. Послѣ оказалось, что Мякинькову трактъ былъ сданъ при содѣйствіи Крыжановскаго.

Въ числѣ особенностей въ управленіе генерала Крыжановскаго можно упомянуть о нижеслѣдующей.

Существовалъ законъ, по которому командированные въ киргизскую степь чиновники получали на подъемъ полугодовое жалованье. Законъ былъ изданъ тогда, когда командировки въ степь русскихъ чиновниковъ были рѣдки и вызывались какими-либо важными причинами. Ѣхать въ степь, гдѣ у киргизъ не было даже печенаго хлѣба, сопрягалось съ большими расходами, такъ какъ надобно было на все время поѣздки везти съ собою съѣстные припасы и, кромѣ экипажа для себя, имѣть арбу или телѣгу для багажа. Не всегда можно было на-

нять лошадей, сколько нибудь пріученныхъ къ колеснымъ экипажамъ, приходилось замѣнять ихъ для себя верховымъ конемъ, а для багажа брать верблюда. За послѣднее время все измѣнилось и на поѣздку въ степь смотрѣли, какъ на средство получить порядочный кушъ денегъ за исполненіе нетруднаго дѣла. Когда же были возведены мелкія степныя укрѣпленія, то каждый отдѣльный чиновникъ находилъ нужнымъ обозрѣть подчиненную ему часть въ новомъ мѣстѣ. Съ этою цѣлью ѣздилъ туда предварительно самъ командующій войсками Крыжановскій, потомъ постепенно начальникъ корпуснаго штаба, его помощникъ, окружной интендантъ, начальникъ артиллеріи и окружной врачебный инспекторъ. Всѣ эти лица были въ генеральскихъ чинахъ, получали полугодовое жалованье и прогоны по чину. Въ одну изъ поѣздокъ Крыжановскій взялъ деньги по чину генералъ-лейтенанта, но возвратившись узналъ, что онъ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи и потребовалъ добавочныхъ по этому чину. Контрольная палата, ревизуя книги, остановилась на этомъ расходѣ, считая его неправильнымъ и находя, что не всѣ выше перечисленныя лица исполняли прямую свою обязанность, а потому должны получать только прогоны Въ этомъ смыслѣ состоялось разъясненіе закона. Генералъ Крыжановскій съ другой стороны обошелъ новый законъ, представивъ министру, что ему нужно подробно и во всѣхъ частяхъ осмотрѣть киргизскую степь, причемъ по исчисленію на это требовалось до 30 т. руб На этотъ расходъ потребовалось высочайшее соизволеніе.

Въ управленіе Крыжановскаго произошло сильное волненіе между Уральскими казаками изъ-за новаго положенія, которымъ отмѣнялась древняя ихъ привиллегія исполнять службу охотниками наемщиками, а требовалось

каждому лично выходить на службу *) и вводилась новая форма обмундированія, которая старикамъ раскольникамъ казалась печатью антихриста. За упорство принять новое положеніе было сослано, какъ я полагаю, до 3 т. казаковъ въ Туркестанъ, нѣсколько сотенъ сослано въ Сибирь и переселено въ станицы Оренбургскаго войска; послѣдніе были потомъ возвращены.

На мѣсто сосланныхъ, въ пополненіе количества служащихъ казаковъ, принимались въ Уральское войско крестьяне, чего прежде не было, такъ что уральцы едва ли справедливо гордятся тѣмъ, что весь составъ ихъ войска—коренные казаки.

При введеніи у киргизъ въ 1868—69 г. новаго положенія, недостаточно разъясненнаго и растолкованнаго народу, произошло возстаніе, охватившее всю степь. Для усмиренія были посланы отряды изъ казаковъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ былъ ввѣренъ чиновнику особыхъ порученій маіору Байкову, брату извѣстнаго афериста, составлявшаго различныя акціонерныя компаніи, которыя быстро лопались.

Байковъ съ своимъ отрядомъ въ киргизскихъ аулахъ производилъ разнаго рода насилія. Слухъ объ этомъ дошелъ до Крыжановскаго и для повѣрки его на мѣстѣ посланъ былъ казачій полковникъ Карпъ Ильичъ Новокрещеновъ, лично извѣстный Крыжановскому и сопровождавшій его при поѣздкахъ по степи, какъ начальникъ конвоя.

Новокрещеновъ пріѣхалъ въ стоянку Байкова, нашелъ тамъ пьянство и всякое безобразіе. Байковъ не только не принялъ Новокрещенова, какъ старшаго, но

---

*) Т. е. общая обязательная воинская повинность.
Прим. С. Н. Севастьянова.

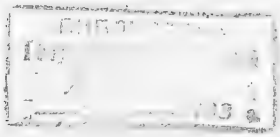
приказалъ казакамъ раскидать кибитку, въ которой остановился Новокрещеновъ, выбросить его вещи и не исполнять никакихъ его приказаній. Все было въ точности исполнено есауломъ Суровымъ.

По возвращеніи Новокрещеновъ подалъ обо всемъ подробный рапортъ, но Крыжановскому не хотѣлось оглашать этого дѣла на судѣ и онъ просилъ Новокрещенова написать полегче рапортъ. Новокрещеновъ отвѣчалъ, что за ложное донесеніе онъ самъ будетъ сильно отвѣчать, а поступки Байкова сами собою огласятся.

Байковъ былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь, но черезъ нѣсколько лѣтъ даровано ему прощеніе, и онъ, кажется, снова поступилъ на службу.

При Крыжановскомъ въ 1876 г. проведена желѣзная дорога изъ Самары въ Оренбургъ и начато дѣло о постройкѣ въ Оренбургѣ Казанскаго каѳедральнаго собора. Хотя постройка была начата въ 1886 г. послѣ упраздненія генералъ-губернаторства, но мысль о ней принадлежитъ Крыжановскому. Освященъ соборъ въ 1896 г.

КОНЕЦЪ.



3.6